

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Тезисы докладов
Международной
научной
конференции

«КИТАЙ
И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ФИЛОСОФИЯ,
ЛИТЕРАТУРА,
КУЛЬТУРА»

Москва 2–3 июня 2022 года

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит)я4+71(55)я4
Т29

Ответственный редактор:
Н.Л. Кварталова

Т29 Тезисы докладов Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура». Москва, 2—3 июня 2022 г. — М. : ИКСа РАН, 2022. — 150 с.

ISBN 978-5-8381-0451-9

DOI 10.48647/ISSA.2022.12.75.046

В сборнике опубликованы тезисы участников 23-й Международной научной конференции Центра изучения культуры Китая (предыдущее название — «Философии Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация»), прошедшей в ИКСа РАН в смешанном очно-заочном формате 2 и 3 июня 2022 г. В конференции приняли участие более 40 ученых из России, Китая и Беларуси. В докладах были затронуты современные проблемы философии, литературы и культуры Китая и других стран Восточно-Азиатского региона.

Ключевые слова: Китай, философия, культура, история, литература, Япония.

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит)я4+71(55)я4

ISBN 978-5-8381-0451-9

© Коллектив авторов, 2022
© ИКСа РАН, 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and contemporary Asia

**International Scientific
Conference
“China and East Asia:
Philosophy, Literature, Culture”**

June 2-3, 2022

Abstracts

Moscow
ICCA RAS
2022

Reviewer
N.L. Kvartalova

International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture”. June 2-3, 22. — M.: ICCA RAS, 2022.

Abstracts of the twenty-third International scientific conference of the Center for the Study of Chinese Culture (previously titled “Philosophy of the East Asian Region (China, Japan, Korea) and Modern Civilization”), held at the ICCA RAS in a mixed part-time format on June 2 and 3, 2022, are published in the collection. More than forty scientists from Russia, China and Belarus took part in the conference. The reports touched upon modern problems of philosophy, literature and culture of China and other countries of the East Asian region.

Keywords: China, Philosophy, Culture, History, Literature, Japan.

СОДЕРЖАНИЕ

Абраменко В.П. Две модели древнекитайских цивилизаций на примерах трактатов «Чжун юн» и «Дао дэ цзин»	11
Абрамов С.А. Лу Синь и его влияние на авторское право Китая: о заимствовании книг	14
Алекسانян А.Г. О некоторых грамматических особенностях буддийского гибридного китайского языка	17
Афанасьева Е.Д. Анализ даосского ритуала написания Фучжоу	20
Барский К.М. Китайская система ценностей, ее эволюция и место в современном Китае	23
Белая И.В. Десять преобразований разделенными грушами: о том, как даос Ван Чун-ян обращал в свое учение	26
Березкин Р.В. Распространение изображений на сюжет о Муляне в странах Восточной Азии: на примере японских материалов XII—XVII веков	29
Блажкина А.Ю. Учение о ритуале в трактате «Кун-цзы цзя юй»	32
Ван Ицюнь Затасненное время: дымовые облака в традиционной китайской пейзажной живописи	35
Верченко А.Л. Советско-китайские кинопроекты 1950-х годов	39
Виноградская В.Б. Литерати в информационном пространстве: случай Чжан Чао (1650—1709?)	42
Дай Цяомин Анализ причин применения теорий «инь-ян» и «у син» в политике династии Цинь с точки зрения идеологических изменений слияния «инь-ян» и «у син»	46

Донченко А.И.	
О некоторых причинах раскола Общества исследований китайской живописи	52
Жань Цзиньхун	
Переосмысление термина «философия» в китайском контексте	55
Завидовская Е.А.	
Источники описаний народностей провинции Гуйчжоу в цинских «альбомах об инородцах» (баймяоту)	61
Завьялова О.И.	
Новейшие публикации об исчезающих языках, диалектах и локальных культурах в Китае	65
Зиганшин Р.М.	
Идея эманации в китайской традиции	68
Исаев А.С.	
Китайская военная кинодрама как важный фактор идеологического и военно-патриотического воспитания	71
Кварталова Н.Л.	
Иезуиты в Китае. Переводы термина «логика»	75
Клементьева Т.В.	
Критика поведения отшельников в трактате Ин Шао «Фэн су тун и»	78
Коробова А.Н.	
«Истории о тяжелой деформации личности» — современная китайская критика о «литературе шрамов»	81
Круглов В.В.	
Методология реконструкции основного понятийного аппарата ицинистической традиции на примере комментариев «Сици чжуань» («Повествование привязанных слов»)	85
Крушинский А.А.	
Трудность убеждать по Ханьфэйцзы: парадоксальная обоюдострость предположительного знания	89
Куликова А.А.	
Гендерный вопрос в современной китайской женской прозе 1990-х — начала 2000-х годов	92
Кутафьева Н.В.	
Китайский иероглиф 气 qì в японских идиомах	96
Ладыгина-Глазунова Н.И.	
Культурный аспект Общества Иисуса в Китае	99
Меркулов К.К.	
О некоторых особенностях национальной культурно-цивилизационной и интегральной духовно-материалистической взаимозависимости России — Союзного государства — Китая	101

Михалькова Н.В.	
Логико-философские антиномии в отражении китайского иероглифического письма	104
Муратшина К.Г., Бородина Е.А.	
Культурная активность Китая в странах Юго-Восточной Азии в условиях пандемии	107
Пиковер А.В.	
Специфика внутренних школ ушу на примере традиционного тайцзи	109
Пушкарская Н.В.	
Проблема аутентичности первоисточников учения о пяти стихиях у син 五行	112
Пэн Банбэнь	
От Конфуция до Вэнь Вэна: образовательная концепция «не делать социальных различий в обучении» и ее ранняя практика	116
Рысакова П.И.	
«Образование для развития личностных качеств»: шаг к меритократии или сохранению неравенства?	120
Серова С.А.	
Сценический образ театра как маркер времени истории	123
Старостина А.Б.	
Философ Ван Би как герой рассказов о необычайном	125
Су Юйхуэй	
Исследование образов из главы «Алый лебедь, поселившийся в доме Тана» — к вопросу о соответствующих концепциях древней китайской медицины в тексте на бамбуковых планках	127
Терехов А.Э.	
О месте Шэнь-нуна в системе древней истории апокрифа «Мин ли сюй»	131
Чжан Жусинь	
Предложения по распространению современной китайской литературы в России	134
Чжан Юн	
Исследование названий трудов древнекитайских буддийских монастырей	137
Шу Даган, Чжан Сяочэн	
Создание новой конфуцианской системы на высшем уровне «Небо — Человек» во времена династии Синь (9—23 гг. н.э.)	140
Шулдунова Е.К.	
Сорокалетие китайского малого театра	141
Сведения об авторах	144

CONTENTS

Vladimir P. Abramenko	
Two Models of Ancient Chinese Civilizations on the Examples of the Treatises “Zhong Yun” and “Tao te Ching”	11
Sergey A. Abramov	
Lu Xun and Chinese Copyright: to Steal a Book is an Elegant Offense	14
Armen G. Alexanyan	
On Some Grammatical Peculiarities of Buddhist Hybrid Chinese	17
Elena D. Afanasyeva	
Analysis of Taoistic Writing Fuzhou Ritual	20
Kirill M. Barsky	
Chinese Value System, Its Evolution and Role in Contemporary China	23
Irina V. Belaya	
Ten Transformations with Divided Pears: How the Daoist Wang Chong-yang Converted into His Teaching	26
Rostislav V. Berezkin	
Spread of Images of the Mulian Subject in the Countries of East Asia: with the Japanese Materials of the 12 th —17 th Centuries as Examples	29
Anastasia Yu. Blazhkina	
Doctrine of Ritual in the Treatise <i>Kong-zi Jia Yu</i>	32
Wang Yiqun	
Hidden Time: Smoke Clouds in Traditional Chinese Landscape Painting	35
Alla L. Verchenko	
Soviet-Chinese Projects in Cinematography during the 1950s	39
Veronika B. Vinogradskaya	
Literati in Information Space: the Case of Zhang Chao (1650—1709?)	42
Dai Qiaoming	
An Analysis of the Reasons for the Political Application of <i>Yin-Yang</i> and <i>Wu-Xing</i> Theory in Qin Dynasty — From the Perspective of the Ideological Changes of the Fusion of <i>Yin-yang</i> and <i>Wu-xing</i>	46
Anna I. Donchenko	
Chinese Painting Research Society: several reasons for the split	52
Ran Jinhong	
Rethinking the Term “Philosophy” in the Chinese Context	55

<i>Ekaterina A. Zavidovskaya</i>	
Sources of the Descriptions of Guizhou Province Ethnic Groups from the Qing dynasty Miao Albums (<i>baimiaotu</i>)	61
<i>Olga I. Zavyalova</i>	
Latest Publications on the Endangered Languages, Dialects and Local Cultures in China	65
<i>Rinat M. Ziganshin</i>	
The Idea of Emanation in the Chinese Tradition	68
<i>Alexander S. Isaev</i>	
War Theme in the Modern Chinese Cinema	71
<i>Nataliya L. Kvartalova</i>	
The Jesuits in China. The Translations of the Term “Logic”	75
<i>Tatiana V. Klementeva</i>	
Criticism of the Behavior of Hermits in Ying Shao's “Feng su tong yi”	78
<i>Anastasia N. Korobova</i>	
“Stories about Severe Personality Deformation” — Contemporary Chinese Criticism of the “Scar literature”	81
<i>Vladislav V. Kruglov</i>	
The Methodology of Reconstruction of the Basic Terminology of I Ching Tradition on the example of the Classical Chinese Treatise Xici Zhuan (“Commentary on the Appended Phrases”)	85
<i>Andrei A. Krushinskiy</i>	
The Paradoxical Double-edgedness of Supposed Knowledge According to <i>Hanfeizi</i>	89
<i>Anastasiia A. Kulikova</i>	
Gender Issue in Modern Chinese Female Prose of the 1990s — early 2000s	92
<i>Nataliia V. Kutafeva</i>	
Chinese Hieroglyph 气 <i>qi</i> in Japanese Idioms	96
<i>Nina I. Ladygina-Glazounova</i>	
Cultural ASpect of the Society of Jesus in China	99
<i>Katenariy K. Merkulov</i>	
On some Particularities of National Cultural-civilizational and Integral Spiritual-materialistic Interdependence of Russia — the Union State — China	101
<i>Nadezhda V. Mikhalkova</i>	
Logacal and philosophical Antinomies in the Chinese writing	104
<i>Ksenia G. Muratshina, Yevgeniya A. Borodina</i>	
China’s Cultural Activity in Southeast Asia During the Pandemic	107
<i>Alexander V. Pikover</i>	
The Specifics of Internal Wushu Schools on the Example of Traditional Tai Chi	109

<i>Natalia V. Pushkarskaya</i>	
The Primary Sources Authenticity Problem for the Conception of Wu Xing 五行	112
<i>Peng Bangben</i>	
From Confucius to Wen Weng: the Ducational Concept of “Making no Social Distinctions in Teaching” and its Early Practice	116
<i>Polina I. Rysakova</i>	
“Quality Education”: a Step towards Meritocracy or the Preservation of Inequality?	120
<i>Svetlana A. Serova</i>	
The Stage Image of the Theater as a Marker of the Time of History	123
<i>Aglaia B. Starostina</i>	
Philosopher Wang Bi as a Hero in “Records of Anomalies”	125
<i>Su Yvhui</i>	
A Study on the Images in A Scarlet Swan Settling on Tang's House — Also Talk about Related Chinese Early Medical Concepts	127
<i>Anthony E. Terekhov</i>	
On Shennong's Place in the System of Ancient History of the Apocryphal Text <i>Minglixu</i>	131
<i>Zhang Ruxin</i>	
Suggestions for the Dissemination of Chinese Contemporary Literature in Russia	134
<i>Zhang Yong</i>	
A Study on the Titles of Ancient Chinese Writings of Buddhist Temples	137
<i>Shu Dagang, Zhang Xiaocheng</i>	
Creation of a New Confucian System at the Highest Level “Heaven — Man” During the Xin Dynasty (9—23 AD)	140
<i>Evgenia K. Shulunova</i>	
The Fortieth Anniversary of the Small Chinese Theater	141
Information about authors	144

В.П. Абраменко
ИКСА РАН

ДВЕ МОДЕЛИ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ПРИМЕРАХ ТРАКТАТОВ «ЧЖУН ЮН» И «ДАО ДЭ ЦЗИН»

Аннотация. На примерах из текстов древнекитайских канонов описаны процедуры кодирования конфуцианской и даосской цивилизаций. Показано, что, утверждая свой мировоззренческий статус, конфуцианство на первом плане позиционирует космологию, наполненную нравственно-моральными понятиями, в то время как даосизм, выбирая способ своего идейного бытия, выдвигает на первый план космогонию, персонифицируя хаос и намечая точку отсчёта исторического времени (ретроспектива — палингенезис, перспектива — генезис). Отмечается, что конфуцианство, отстраняясь от космогонии, всё же преодолевает безначальность конфуцианского космоса, направляя в вечное-прошлое своего идеального субъекта — *цзюньцзы*. Данный приём палингенезиса конфуцианство позаимствовало у даосизма, не используя его категориальных наименований. Процедура кодирования конфуцианской цивилизации продемонстрирована выдержками из текста трактата «Чжун юн». Подчёркивается, что даосский космос содержит в собственном исходном коде спонтанность своего рождения, и проекция данного космоса на современный требует корректировки последнего: реализацию палингенезиса — возвращение к естественности — *цзыжань*. Два типа цивилизаций — конфуцианская и даосская — воспроизводятся текстуально трактатами «Дао дэ цзин» и «Чжун юн».

Ключевые слова: конфуцианская цивилизация, даосская цивилизация, «Чжун юн», космос.

Vladimir P. Abramenko
ICCA RAS

Two Models of Ancient Chinese Civilizations on the Examples of the Treatises “Zhong Yong” and “Tao te Ching”

Abstract. The coding procedures of Confucian and Taoistic civilizations are described using examples from the texts of ancient Chinese canons. It is shown that, asserting its ideological status, Confucianism positions cosmology filled with moral concepts in the foreground, while Taoism, choosing the way of its ideological existence, brings cosmogony to the fore, personifying chaos and outlining the starting point of historical time (retrospective — palingenesis, perspective — genesis). It is noted that Confucianism, moving away from cosmogony, nevertheless overcomes the beginninglessness of the Confucian cosmos, directing its ideal sub-

ject, Junzi, into the eternal past. Confucianism borrowed this technique of palingenesis from Taoism, without using its categorical names. The coding procedure of the Confucian civilization is demonstrated by excerpts from the text of the treatise “Zhong Yong”. It is emphasized that the Taoist cosmos contains in its own source code the spontaneity of its birth, and the projection of this cosmos onto the modern one requires the correction of the latter: the realization of palingenesis — a return to naturalness — ziran. Two types of civilizations — Confucian and Taoistic — are reproduced textually by the treatises “Tao de ching” and “Zhong yong”.

Keywords: Confucian civilization, Taoistic civilization, “Zhong Yong”, cosmos.

На примерах из текстов древнекитайских канонов описаны процедуры кодирования конфуцианской и даосской цивилизаций. Показано, что, утверждая свой мировоззренческий статус, конфуцианство на первом плане позиционирует космологию (структурное построение), наполненную нравственно-моральными понятиями. Даосизм же, выбирая способ своего идейного бытия, выдвигает на первый план космогонию (учение о происхождении) и персонифицирует природный хаос.

С точки зрения конфуцианства, космос является искусственным социальным организмом, в котором образцы нормативного постоянства отыскиваются в повторяющихся природных циклах. Именно потому, что природный космос постоянен (устойчив), он вместе с созданными в нём конфуцианскими идеалами и выбирается в качестве образца для Поднебесного мира. Конфуцианство, хотя и отстраняется от космогонии, но всё же преодолевает безначальность конфуцианского космоса, направляя в вечное-прошлое своего идеального субъекта — благородного мужа (*君子* *цзюньцзы*). Так осуществляется закладка генетического кода конфуцианской цивилизации в протокосмическое лоно (данный приём конфуцианство позаимствовало у даосизма, не используя его категориальных наименований). Благородный муж, встраиваясь в резонанс первородного лона, становится участником развёртывания социоприродного гена середины (целокупность радости и печали, гнева и веселья) в гармонию (целокупность этих же эмоций, только развёрнутая). В трактате «Чжун юн» процедура кодирования конфуцианской цивилизации отражена текстуально: «Когда веселье, гнев, печаль и радость ещё не разошлись, зовётся это серединой. Когда расходятся они по ритму пульса середины, гармонией зовётся это» [Кобзев, Лукьянов и др. 2004, с. 128]. После пробуждения середины с гармонией устанавливаются Небо с Землёй и нарождаются вещи. Поэтому конфуцианская цивилизация — это срединно-гармоничный космос, спроецированный на природный космос и уложенный в его небесно-земные ландшафты. Небо и Земля здесь социоморфизируются, наделяясь государственными юридическими ценностями, и сопряга-

ются с помощью модифицированных архетипических сущностей (в частности, посредством 仁 *жэнь* — человеколюбия).

В свою очередь даосизм в лице Лао-цзы, намечая точку отсчёта исторического времени, обращается к эмбриональной основе: спонтанному рождению вещей в первородные глубины и видоизменению их до вселенского эмбриона (子 *цзы*) вплоть до растворения последнего во вселенской энергии. Затем направленность вектора времени меняется на перспективу — возвращение вещей из небытия в мир бытия. В основополагающем источнике учения даосизма «Дао дэ цзин» постулируется первоначало Поднебесной: «Есть нечто с хаосом извечным односущее, ещё до Неба и допрежь Земли живущее, не изменяется, пустынное, беззвучное, в себе непрерывающе вращается, и Поднебесной Матерью считается» [Лукьянов 2008, с. 93], то есть воплощается принцип натуралистического конструирования космогонии с передачей идеи генезиса. Именно туда — в первородное космическое лоно — вносит Лао-цзы генетический код будущей даосской цивилизации. Далее это «нечто хаос образующее» порождает космологическую триаду: Небо — Человек — Земля. Очевидно, что здесь Человек — непосредственное произведение природного космоса, в котором кроется закон генезисного выхода Человека, его существования и палингенезисного ухода (принцип палингенезиса предполагает обратное антропогенезу и социогенезу движение к естественности 自然 *цзы жань*). Текстуально этот принцип отражён в § 40 «Дао дэ цзина»: «Возвращение — движение *дао*, ослабление — действие *дао*. Мириады вещей Поднебесной рождаются в бытии, бытие рождается в небытии» [Лукьянов 2015, с. 84]. Даосский космос содержит в собственном исходном коде спонтанность своего рождения, и проекция данного космоса на современный требует корректировки последнего.

Рассмотренным двум видам космогоний соответствуют и два типа цивилизаций: природосоциальная даосская и социоприродная конфуцианская, которые воспроизводятся текстуально в трактатах «Дао дэ цзин» и «Чжун юн».

Библиографический список

Кобзев А.И., Лукьянов А.Е. и др. Конфуцианское «Четверокнижие» (Сы шу) / А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов и др. М.: Восточная литература, 2004. С. 128.

Лукьянов А.Е. Дао дэ цзин / Прозоритмический перевод Лукьянова А.Е., поэтический перевод Абраменко В.П. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 93.

Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия. Часть II. Философия даосизма. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 84.

С.А. Абрамов
 ФГБОУ ВО РАНХиГС,
 Среднерусский институт управления — филиал,
 г. Орел, Россия

ЛУ СИНЬ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА АВТОРСКОЕ ПРАВО КИТАЯ: О ЗАИМСТВОВАНИИ КНИГ

Аннотация. «Заимствование книги нельзя считать воровством... Заимствовать книгу... Так поступает каждый изучающий. Разве это воровство?» — цитата из рассказа «Кун И-цзи» за авторством Лу Синя. В конце XX века эта цитата была, по мнению западных ученых, дефиницией особого отношения жителей КНР к авторскому праву, выраженному в Бернской конвенции. Ко всеобщему заблуждению, эта сентенция не имела прямого отношения к учению Конфуция. В своем рассказе Лу Синь, в то время сторонник марксизма, критикует основы традиционной китайской культуры, которая, по его мнению, веками сдерживала креативность китайского народа. Писатель изображает Кун И-цзи, главного героя рассказа, бедным пьяницей, чьим главным достоинством была грамотность и чистописание, коим он зарабатывал на жизнь, переписывая книги за чашку пищи. Однако именно реплика Кун И-цзи станет отправной точкой для построения китайскими исследователями конфуцианской доктрины авторских прав.

Ключевые слова: Лу Синь, Кун И-цзи, авторское право, конфуцианство.

Sergey A. Abramov
 RANEPА, Orel

Lu Xun and Chinese Copyright: to Steal a Book is an Elegant Offense

Abstract. «Taking a book can't be considered stealing... Taking a book, the affair of a scholar, can't be considered stealing!» — this is a quotation from the short story “Kong Yiji” by Lu Xin. At the end of the 20th century this quotation was, in the opinion of western researchers, a definition of the special attitude of the people of the PRC towards copyright, expressed in the Berne Convention. Nevertheless, it had no direct relation to the teachings of Confucius. In his story, Lu Xin, then a Marxist, criticizes the foundations of traditional Chinese culture, which he believes has held back the creativity of the Chinese people for centuries. The writer portrays Kong Yiji, the protagonist of the story, as a poor drunkard, whose main virtue was literacy and calligraphy, by which he earned living rewriting books for food. However, Kong Yiji's words will become the buildup of the Confucian doctrine of copyright by modern Chinese researchers.

Keywords: Lu Xun, Kong YiJi, copyright, Confucianism.

Лу Синь (1881—1936), урожденный Чжоу Шужэнь, — один из величайших китайских литераторов XX века. Его творчество вдохновлялось революционным дискурсом коммунизма. В своих работах Лу Синь противопоставлял лицемерие и привилегии интеллектуалов страданиям низшего сословия и осуждал традиционную конфуцианскую культуру.

Фраза героя произведения Лу Синя по имени Кун И-цзи о том что, «заимствование книги нельзя считать воровством» (切树不酸头 Це шу бу суань тоу) к концу XX века определит вектор дискуссии о китайском авторском праве и его конфуцианских началах.

В целом эта концепция была не известна конфуцианству и была популяризирована только после публикации Лу Синем в 1919 г. рассказа «Кун И-цзи» [Лу Синь 1919].

В этом произведении Лу Синь подчеркивает, что литература должна быть социально актуальна, а традиционная китайская культура затрудняла и сдерживала креативность китайского народа.

Кун И-цзи — жалкий неудачник, неоднократно проваливавшийся на экзаменах и дошедший до босяцкого состояния [Гриценко 2020, 391]. Он зарабатывал на жизнь копированием рукописей для богатых покровителей, а иногда и воровал книги, чтобы обменять их на вино.

Кун И-цзи (кит. 孔乙己) — посмешище среди посетителей кабачка, его презирает даже мальчуган, от имени которого ведется рассказ и который считает постыдным беседовать с героем и узнавать от него написание новых иероглифов [Гриценко 2020, 391]. Не менее трагична развязка столь печальной судьбы героя — смерть от голода и предшествующая ей моральная смерть в кабачке, куда герой еле приползает с перебитыми ногами, не получая ни капли сочувствия от посетителей, издевающихся над ним.

Заимствование книги нельзя считать воровством — таков был его аргумент, когда над ним насмеялись. Его личность, характер и образ мышления представляются автором с помощью сатиры конфуцианских ценностей. Тем не менее, Кун И-цзи в написании своего имени схож с Конфуцием (кит. 孔(夫)子), оба имени содержат китайский иероглиф 孔, и это во многом послужило причиной возникнувшей путаницы в народном сознании.

Тем не менее, отрицательное отношение Лу Синя к конфуцианству и его усилия по ломке традиционной культуры Китая в конце XX века привели к парадоксальному результату.

Фраза Кун И-цзи 切树不酸头 (Це шу бу суань тоу), вынесенная на обложку книги профессора Уильяма Алфорда о праве интеллектуальной собственности Китая «To steal a book is an elegant offense» [William Alford, 1994] в 1994 г., положила начало бурной научной дискуссии вокруг формирования китайской национальной доктрины интеллектуальной собственности, построенной на конфуцианском трансформационном понимании права интеллектуальной собственности в XXI веке [Абрамов, 2020].

Библиографический список

Абрамов С.А. Конфуцианство как система правовых взглядов на интеллектуальную собственность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 5. С. 63—67.

Гриценко Д.А. Маргинальность на страницах некоторых произведений Лу Синя как отражение социальной действительности в китайском обществе начала XX века // Четырнадцатая Годичная научная конференция: Сб. научных статей. Ереван, 03—07 декабря 2019 г. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2020. С. 388—394.

Лу Синь. Повести. Рассказы. М.: Художественная литература, 1971. 495 с.

William P. Alford To Steal a Book Is an Elegant Offense: Intellectual Property Law in Chinese Civilization, Stanford, California: Stanford University Press. 1995. 214p.

А.Г. Александян
ИКСА РАН

О НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ БУДДИЙСКОГО ГИБРИДНОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассмотрены основные черты так называемого буддийского гибридного китайского языка, возникшего из языка переводов буддийских текстов и сформировавшего особую разновидность литературного языка, оказавшего впоследствии влияние на формирование *байхуа*. Будучи одной из форм среднекитайского языка, отличного от классического *вэньяня*, «буддийский гибридный китайский язык» обладает всеми специфическими чертами, характерными для среднекитайского, имея при этом ряд своих особенностей, одной из которых является феномен гибридизации, причем на двух уровнях: гибридизация «внешняя» с не-китайскими языками, например с санскритом, пали и т.п. (лексическая и синтаксическая) и гибридизация «внутренняя» (также на лексическом и синтаксическом уровнях) с классическим древнекитайским языком.

Ключевые слова: среднекитайский язык, дуньхуанские тексты, буддизм, историческое языкознание.

Armen G. Alexanyan
ICCA RAS

On Some Grammatical Peculiarities of Buddhist Hybrid Chinese

Abstract. This paper focuses on some grammatical peculiarities of ‘Buddhist Hybrid Chinese’, which originated from a language of Buddhist translations and created a specific form of written language, which later influenced on *baihua*. Being a variety of so-called Middle Chinese, which differs from Classical Chinese, BHC shares almost all its specific linguistic properties, although it possesses its own peculiar features, one of which is a hybridization. It happens on two levels: ‘outer’ one, a hybridization with non-Sinitic languages, e.g. Sanscrit, Pali, Middle Iranian, on lexical and syntactic levels, and ‘inner’ one (also on the same two levels) with Classical Chinese, *wenyan*.

Keywords: Middle Chinese language, Dunhuang manuscripts, Buddhism, historical linguistics.

В истории китайского языка одним из самых неоднозначных и дискуссионных этапов является так называемый среднекитайский период, длившийся примерно с IV по XII век. Именно этот период стал формативным для развития новокитайского языка, *байхуа*, легшего позднее в основу современного китайского.

Среднекитайский язык представлен различными документами (как светского, так и религиозного содержания) и структурно довольно сильно отличается от древнекитайского, лежавшего в основе литературного языка *вэньянь*. Одной из особенностей среднекитайского было насыщение его элементами (как лексическими, так и грамматическими) разговорного языка того времени. Примечательно, что одним из катализаторов этого процесса послужила переводческая деятельность буддийских проповедников, создавших по сути особый вариант литературного среднекитайского языка, сильно повлиявший впоследствии на формирование *байхуа*.

Условно исследователи называют эту разновидность языка «буддийский гибридный китайский» (Buddhist Hybrid Chinese, *фозцяо хуньхэ ханьюй* 佛教混合漢語), справедливо считая его разновидностью смешанного языка, испытавшего влияние как некитайских языков (главным образом, индо-иранских языков, с которых переводились буддийские тексты), так и разговорного среднекитайского языка [Zhu and Li 2018]. Возникнув первоначально как язык переводов буддийских текстов, буддийский гибридный китайский со временем стал самостоятельной разновидностью литературного языка, на котором писались самостоятельные, уже китайские, буддийские сочинения различного характера (от философско-религиозных трактатов до поэзии и так называемых *бяньвэней*).

В гибридном характере этой разновидности среднекитайского литературного языка исследователи выделяют, как правило, два уровня:

1. Гибридизация китайского языка с языком/языками текстов, с которых осуществлялись переводы (главным образом, среднеиндийские и среднеиранские языки). При этом гибридизация была как на лексическом уровне (заимствованные слова, фонетически переданные при помощи иероглифов — напр., *фото* 佛陀 «Будда» из снскр. ‘Buddha’, *непань* 涅槃 «нирвана» из пали ‘nibbana’; кальки — напр., *фаньнао* 煩惱 — снскр. kleśa, «клеша, аффект, омрачение, страдание», *цзюэчжэ* 覺著 — снскр. Buddha, «пробудившийся, осознавший, будда»), так и на синтаксическом (классическим примером является традиционное зачатое большинства буддийских сутр *жуши во вэнь* 如是我聞, «так я слышал», скалькированное с снскр. *evam mayā śrutam* и противоречащее нормальному для китайского языка порядку слов П — Ск — Д *我聞如是).

2. Гибридизация внутриязыковая, т.е. с современным среднекитайским разговорным языком (наиболее ярким примером является употребление в буддийском гибридном китайском местоимения первого лица *во* 我 во всех позициях (подробнее [Зограф 2010, 41—42]) вместо трех (*во* 我, *у* 吾 и *юй* 余), распространенных в классическом древнекитайском и различавшихся по своим функциям).

Примечательно, что эта разновидность языка использовалась не только для перевода и написания собственно буддийских текстов, но

также и текстов двух других, не китайских, религий — манихейства и христианства, обнаруженных в Дуньхуане.

Дальнейшее детальное изучение особенностей грамматики и лексики так называемого буддийского гибридного китайского позволяет глубже понять механизмы развития и изменение китайского языка и вносит ощутимый вклад в изучение истории *байхуа* как предшественника современного китайского языка.

Библиографический список

Зограф И.Т. История изолирующего языка с иероглифической письменностью: методы изучения. М.: URSS, 2010.

Zhu Qingzhi, Li Bohan. The language of Chinese Buddhism. From the perspective of Chinese historical linguistics. — *International Journal of Chinese Linguistics* 5:1 (2018). P. 1—32.

Е.Д. Афанасьева

*Институт Лингвистики РГГУ***АНАЛИЗ ДАОССКОГО РИТУАЛА НАПИСАНИЯ ФУЧЖОУ**

Аннотация. Рассмотрены Фучжоу — сложный комплекс китайской каллиграфии и ритуалов. Фучжоу находили в разных литературных источниках, датировки первого появления расходятся. Описаны подробности внешнего вида Фучжоу — комбинации иероглифов и специальных символов, написанных тушью на бумаге или иногда на ткани. Особое внимание уделяется религиозным обозначениям. Также среди символов содержатся печати, однако за неимением источников они рассматриваться не будут. В работе затронуты сферы применения Фучжоу: их писали как для привлечения богатства или любви, так и с более абстрактными целями, например, призывая определенного духа на помощь. Фучжоу рассмотрен как неотъемлемая часть религиозного даосизма, и отмечено его значительное влияние на китайскую культуру вплоть до наших дней. Также упомянута история развития Фучжоу: если раньше Фучжоу писали даосские маги (их упоминание можно найти во многих классических канонах, таких как, например, «Чжуан-цзы»), проводя сложные ритуалы, то в XXI веке Фучжоу продают в интернет-магазинах и печатают на одежде. Даны разбор Фучжоу на составляющие, а также перевод произносимых во время ритуала заклинаний с китайского на русский язык.

Ключевые слова: даосизм, Фучжоу, даосские заклинания, даосские талисманы.

*Elena D. Afanasyeva**Institute of Linguistics, RSUH***Analysis of Taoistic writing Fuzhou ritual**

Abstract. The research is focused on Fuzhou — the complex of Chinese rituals and calligraphy. Fuzhou was found in different literature sources, the dates of the first origin vary. The article describes specifics of the Fuzhou calligraphy — the combination of hieroglyphics and special symbols, written with ink on paper. Special attention is paid to religious meaning of the symbols. The important part of each Fuzhou are seals, but they are absent in the article due to lack of reliable sources. The work explores spheres where Fuzhou is used: Fuzhou was written for love or wealth, or even more abstract aims, like calling for a certain divine being. Fuzhou is described as an essential part of Chinese culture up to this date. The research mentions the story of Fuzhou development: in the past they were written by Taoistic magicians, they are mentioned in such classical canons, like Chuang-Tzu.

Taoist magicians performed complicated rituals to write a Fuzhou, nowadays Fuzhou are sold on-line and printed on clothes. In this article Fuzhou are divided into parts, also the most important spells are translated to Russian.

Keywords: Taoism, Fuzhou, Taoistic spell, Taoistic amulet.

В настоящий момент на русском языке крайне мало информации о даосских ритуалах, в том числе о талисманах Фучжоу (符咒) и ритуале их написания. Первое называется Фу, а второе — Чжоу, из этих иероглифов складывается название. Однако религиозный даосизм имеет значительное влияние на фольклор, литературу, поэзию, живопись и другие важнейшие аспекты китайской культуры. Многие современные китайские слова, используемые в повседневной жизни, также имеют глубокое религиозное значение.

Фучжоу — это неразделимый комплекс из талисмана и заклинания, приносимого при его написании. Цель работы — ввести в научный оборот переведенные на русский язык термины из заклинаний, произносимых при написании Фу. Вторая по значимости цель — разобрать различные талисманы на составляющие и выделить в них иероглифы и религиозные символы.

Для этого потребуется решить ряд задач:

- 1) найти информацию о двух категориях Фу — древних Темных Фу (暗符) и более современных Ясных Фу (明符) и соответствующих им заклинаниях;
- 2) описать ритуал написания Фу;
- 3) описать некоторые различные талисманы из обеих категорий Фу;
- 4) разобрать некоторые Ясные и Темные Фу по составу и выявить наиболее важные смысловые части;
- 5) перевести общие заклинания, необходимые для совершения ритуала.
- 6) составить четкую и удобную к прочтению структуру.

Основная теория возникновения Фучжоу заключается в эволюции ритуальных узоров Фувэнь (符纹) в Фучжоу. Была исследована классификация талисманов на Темные и Ясные, а также классификация по содержанию:

- 1) для свадебных обрядов;
- 2) для мира и спокойствия;
- 3) для защиты и для здоровья;
- 4) для защиты от враждебных сил;
- 5) для богатства.

Все категории Фу включают часто встречающиеся и редко встречающиеся символы. Есть ограниченное количество типов символов, правила нормируют использование новых символов. В работе подробно описан ритуал написания Фучжоу, было обнаружено, что действия, совер-

шаемые даосским магом, неотделимы от произносимых заклинаний. Были переведены девять заклинаний, и описаны действия, совершаемые во время их произнесения. Также работа содержит пять разобранных по составу Ясных Фу из учебника учителя Сюань Гуана [玄光] и два Темных по книге Лю Сяомина [刘晓明 1995, 154—163, 166—169]. Последний выделяет классификацию на Темные и Ясные Фу, используя в качестве критерия ясность содержания носителю китайского языка и культуры.

Подводя итог, можно сказать, что:

1) существуют Темные и Ясные Фу. Темные недоступны простому китайцу, а Ясные состоят из читаемых иероглифов;

2) ритуал написания Фу крайне сложен и неотделим от самих талисманов. Есть строгие правила касательно материалов и композиции;

3) ясные Фу состоят из относительно строгой и относительно вариативной части;

4) названия всех элементов были переведены на русский язык: голова Фу (符头), имя того, к кому обращается просящий (神明), эдикт (敕令), тело Фу (符体), подпись (花子).

В дальнейшем планируется составить корпус символов Темных Фу для удобного толкования исследователями.

Библиографический список

刘晓明, 中国符咒文化大观 [Лю Сяомин. Большой обзор на китайскую культуру Фучжоу] // 江西文艺版. 1995, 第 154—163 页, 第 166—169 页.

玄光, 道教符咒初级 [Сюань Гуан. Даосские Фучжоу. Начальный уровень]. URL: <https://www.5shubook.com/p-11343.html> (accessed: 30.04.2022).

К.М. Барский

*Посол по особым поручениям МИД России,
МГИМО (У) МИД России*

КИТАЙСКАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ, ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ И МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Аннотация. Исконные национальные ценности как часть традиционной культуры Китая зародились на заре китайской цивилизации и формировались в течении длительного времени под сильным влиянием философской мысли, уделявшей первостепенное внимание вопросам государственного управления и рациональной организации общества. В результате сложилась тесная взаимозависимость между морально-этическими нормами и общественно-политическими ценностями.

Анализ причин, факторов и механизма успешной адаптации традиционных ценностей к меняющимся внешним условиям в XX веке и в эпоху Си Цзиньпина позволяет сделать вывод о том, что традиционные ценности являются одним из важнейших факторов «живучести» китайской цивилизации, а в современных условиях играют роль ключевого элемента китайской модели развития и внешнеполитической стратегии КНР.

Ключевые слова: система ценностей, государство, власть, модель развития, внешнеполитическая стратегия.

Kirill M. Barsky

*Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Ambassador at-Large; MGIMO University, Department of Diplomacy*

CHINESE VALUE SYSTEM, ITS EVOLUTION AND ROLE IN CONTEMPORARY CHINA

Abstract. The home-grown national values as a part of China's traditional political culture were shaped at the dawn of the Chinese civilization and were heavily influenced by thinkers who paid particular attention to state governance and rational arrangement of society. This resulted in establishing close bonds between moral norms and socio-political values.

The analysis of origins, factors and mechanisms of successful adjustment of traditional values to changing environment brought the author to a conclusion that traditional values were among key reasons of resilience of the Chinese civilization. In the current circumstances they appear a key element of the PRC's development model and its foreign policy strategy.

Keywords: value system, state, power, development model, foreign policy strategy.

По мере того, как человечество вступает в этап, когда и на национальном, и на международном уровне происходит переход к новым моделям развития и новым формам организации общественных и международных отношений, на первый план выходят ценности. От того, насколько органичной и эффективной будет национальная система ценностей, насколько конкурентоспособной она окажется в сравнении с другими системами ценностей, будет во многом зависеть успешность внутреннего политического и социально-экономического развития и внешнеполитического позиционирования того или иного государства.

Исконные национальные ценности как часть традиционной культуры Китая, в том числе политической культуры, зародились на заре китайской цивилизации и формировались в течение длительного времени. Примечательной особенностью китайской системы ценностей была тесная связь между морально-этическими нормами и общественно-политическими ценностями, а также значительное влияние вторых на первые.

Особое значение для формирования китайской системы ценностей имели сначала культ предков и культ семьи, а затем гипертрофированная роль государства в жизни общества и его воздействие на все сферы человеческой деятельности. Свой интеллектуальный вклад в обоснование важности государства и ценности власти внесли общественно-политические теории: лейтмотивом общественной мысли на протяжении всей ее истории с древнейших времен до наших дней были и остаются темы добродетельного правителя, морального кодекса подданных, оптимального государственного управления и рациональной организации общества.

В XX веке китайские традиционные ценности пережили суровое испытание на прочность. После революций 1911 г. и особенно 1949 г. произошла настолько серьезная трансформация представлений о государстве, о целях и моделях развития и об образе идеального человека, что в течение нескольких десятилетий это трактовалось как тотальный крах традиционных ценностей и привычного жизненного уклада. Однако даже в условиях доминирования в КНР ультрареволюционной идеологии прежние ценности не исчезли. Они либо мимикрировали, либо перешли в латентное состояние, чтобы вновь возродиться благодаря провозглашенной в 1978 г. политике «реформ и открытости». Новые реалии рыночной экономики также не смогли поколебать такие базовые устои, как примат государства, приоритет общественного над личным, роль коллективного начала, характерный для Китая баланс прав и обязанностей человека, национально-окрашенный набор морально-этических ценностей.

Свою задачу автор видит в том, чтобы попытаться вскрыть причины, факторы и механизм успешной адаптации традиционных ценностей к меняющимся внешним условиям. На это направлен анализ эволюции об-

щественных и личностных ценностей в эпоху Си Цзиньпина, их роли в конструировании «китайской мечты» и других идеологием современного Китая, влияния традиционной политической культуры на внешнюю политику и дипломатию КНР, внешней проекции ценностных ориентиров методами «мягкой силы». Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что традиционные ценности являются одним из важнейших факторов «живучести» китайской цивилизации, а в современных условиях играют роль ключевого элемента китайской модели развития и стратегии внешней политики КНР.

Библиографический список

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература, 2001.

Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, М., 2000.

Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2010.

«Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром, отв. ред. А.В.Ломанов, Е.В.Кобелев; предисловие М.Л.Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2015.

Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011.

Тань Аошунан. Китайская картина мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир, 2020.

Шляхов А.Л. Китай и китайцы. Привычки. Загадки. Нюансы. М.: Астрель, 2011.

Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004.

Henry A. Kissinger, On China (NY, Penguin Press, 2011).

Lucian W. Pye, Spirit of Chinese Politics (NY, Harvard University Press, 1992).

Shi Pinghua, Andrew J. Nathan, Chinese Political Culture (NY, Routledge, 2001).

陈来, “中华文明的核心价值: 国学流变与传统价值观” (北京, 三联书店, 2015.)

И.В. Белая

Институт востоковедения РАН

ДЕСЯТЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РАЗДЕЛЕННЫМИ ГРУШАМИ: О ТОМ, КАК ДАОС ВАН ЧУН-ЯН ОБРАЩАЛ В СВОЕ УЧЕНИЕ

Аннотация. В докладе освещается ранний этап становления даосской школы Полного совершенства (Цюаньчжэнь 全真). Эта школа была основана в XII веке даосом Ван Чун-яном 王重陽 и в настоящее время является ведущим направления даосизма в материковом Китае. За основу был взят эпизод обращения Ван Чун-яном в учение Цюаньчжэнь семейной пары Ма И-фу 馬宜甫 и Сунь Юань-чжэнь 孫瑗禎. Убеждая Ма и Сунь расторгнуть брак, оставить состояние и присоединиться к его учению, чтобы достичь духовного бессмертия, он дарил им дольки груш (*фэнь ли* 分梨) — символ раздельной жизни (*ли* 離). На примере поэтических наставлений, которые наставник адресовал семейной паре вместе с половинками груш, рассматриваются представления о человеческом теле как «скелете» (*ку лоу* 骷髏) — символе конечности человеческой жизни и «зале Полного совершенства» (*Цюаньчжэнь тан* 全真堂) — как месте духовного преобразования в небожителя-сяня 仙. Изученный материал позволяет уточнить некоторые содержательные аспекты учения Ван Чун-яна и узнать о самых ранних веках истории школы Цюаньчжэнь.

Ключевые слова: Китай, даосизм, школа Полного совершенства, Ван Чун-ян, Цюаньчжэнь

*Irina V. Belaya**Institute of Oriental Studies, RAS*

Ten Transformations with Divided Pears: How the Daoist Wang Chong-yang Converted into His Teaching

Abstract. The report highlights the early stage of formation of the Taoistic School of Complete Perfection (Quanzhen 全真). This school was founded by Taoistic Wang Chong-yang 王重陽 in the 12th century. It is currently the leading sect of Taoism in the mainland China. The episode of Wang Chong-yang's conversion to the Quanzhen teaching of the married couple Ma Yi-fu 馬宜甫 and Sun Yuan-zhen 孫瑗禎 was taken as the basis. Persuading Ma and Sun to dissolve their marriage, leave their fortunes, and join his teachings in order to achieve spiritual immortality, he gave them pear slices (*fen li* 分梨) — a symbol of separation (*li* 離). Using the example of poetic instructions that the mentor addressed to a married couple along with halves of pears, the ideas of the human body as a "skeleton" (*ku lou* 骷髏) — a symbol of the finiteness of human life, and a "Hall of Complete Perfection" (*Quan zhen tang* 全真堂) — are considered as a place of

spiritual transformation into a Celestial-*xian* 仙. The studied material makes it possible to clarify some substantive aspects of Wang Chong-yang's teaching and to learn about the earliest milestones in the history of the Quanzhen school.

Keywords: China, Taoism, Complete Perfection School, Wang Chun-yang, Quanzhen.

Школа Полного совершенства (Цюаньчжэнь 全真) возникла во второй половине XII века благодаря деятельности даоса Ван Чун-яна 王重陽 (1113—1170) и его первых учеников, известных как «Семь совершенных людей» (*ци чжэнь жэнь* 七真人). Официальным основанием школы считается 1167 г. В этот год Ван Чун-ян прибыл в Нинхай 寧海 (совр. Мупин 牟平), где познакомился с Ма И-фу 馬宜甫 (1123—1183), который стал его любимым учеником и впоследствии преемником. Ван Чун-ян был приглашен Ма И-фу и его супругой Сунь Юань-чжэнь 孫瑗禎 (1119—1182) в их владения, где соорудил себе жилище, которое назвал «хижина Полного совершенства» — Цюаньчжэньань 全真庵 [中華道藏 2004, 47. 580]. Название, которое Ван Чун-ян дал своей хижине, впоследствии станет наименованием созданной им школы. Именно в ней он напишет свою знаменитую поэму «Зал Полного совершенства» (*Цюаньчжэнь тан* 全真堂), в которой разъяснит основы своего учения [中華道藏 2004, 26. 281].

С 14 ноября 1167 г. по 20 февраля 1168 г. даосский наставник заперся в хижине для самосовершенствования. Находясь в хижине, он продолжал убеждать Ма И-фу и Сунь Юань-чжэнь расторгнуть их брак, оставить состояние и присоединиться к его учению, чтобы достичь духовного бессмертия. Для этого он перепробовал множество способов. То угрожал им Подземным узилищем (*ди юй* 地獄), то соблазнял красотами Небесного зала (*Тянь тан* 天堂) [中華道藏 2004, 47. 52]. А однажды подарил картину, на которой изобразил скелет мертвеца, олицетворявший неизбежный итог человеческого существования [中華道藏 2004, 47. 662]. К картине также прилагалась небольшая поэма, поясняющая этот рисунок [中華道藏 2004, 26. 333].

Ван Чун-ян считал, что семья и дети являются обузой на пути самосовершенствования даоса. В «Собрании [поэтических произведений] Чун-яна о Полном совершенстве» (*Чун-ян Цюаньчжэнь цзи* 重陽全真集) он утверждал, что «Жены и дочери — тысяча *цзиней* железа, сыновья и внуки — десять тысяч *чэнов* стали» [中華道藏 2004, 26. 282]. Он настаивал на разводе семейной пары, преподнося им разрезанные на дольки груши, а также клубни батата и каштаны (*фэнь ли юй юй ли* 分梨與芋栗), которые являлись символом их раздельной жизни (*ли* 離). К угощению прилагались поэтические наставления, адресованные семейной паре, которые впоследствии составили собрание из 84 стихотворений под назва-

нием «Собрание [поэтических произведений] “О том, как Чун-ян десять раз преобразовывал разделенными грушами”» (*Чун-ян фэнь ли ши хуа цзи* 重陽分梨十化集) в 2 цз. [中華道藏 2004, 26. 383—391]. Два стихотворения из этого сборника были посвящены непосредственно Сунь Юань-чжэнь [中華道藏 2004, 26. 384, 391].

Через месяц после того, как наставник вышел из хижины, Ма И-фу согласился стать его учеником и получил от наставника даосское прозвище «Киноварный свет» (Дань-ян 丹陽). В пятый день пятого лунного месяца девятого года эры *Да-дин* (1169 г.), через год после супруга, Сунь Юань-чжэнь обратилась к учению Ван Чун-яна. Наставник дал ей «дхармическое имя» (*фа мин* 法名) Бу-эр 不二 и даосское прозвище (*дао хао* 道號) «отшельница Чистоты и покоя» (Цин-цин сань-жэнь 清靜散人) [中華道藏 2004, 47. 52].

На основе поэтических наставлений, которые наставник адресовал семейной паре вместе с половинками груш, можно составить представления о доктринальном содержании раннего учения Цюаньчжэнь. Учение Цюаньчжэнь признавало смерть физического тела как неизбежный факт и ратовало за бессмертие духа (*ян шэнь* 陽神), преобразованного созерцательными методами «внутренней алхимии» (*нэй дань* 內丹). Человеческое тело уничтожительно рассматривалось в качестве «скелета» (*ку лоу* 骷髏), указывая на конечность человеческой жизни. В то же время оно воспринималось как место духовного преобразования в небожителя-сяня 仙 — «залом Полного совершенства» (*Цюань чжэнь тан* 全真堂), переключаясь с названием самого учения — Цюаньчжэнь. Наряду с психофизиологическими методами в школе подчеркивалась важность нравственного совершенствования, соблюдения целибата и аскетического подвижничества.

Библиографический список

中華道藏 [Китайский «Даосский канон»] 張繼禹編. 北京: 华夏出版社, 2004 年. 48 冊.

Р.В. Березкин

*Фуданьский Университет,
Институт Гуманитарных Исследований (КНР) / ИВ РАН***РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СЮЖЕТ
О МУЛЯНЕ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКИХ МАТЕРИАЛОВ XII—XVII ВЕКОВ**

Аннотация. История о том, как монах Мулянь спас из ада свою мать, распространилась из Китая в другие страны Восточной Азии в средневековый период. Этот сюжет стал известен в Японии уже в VII веке, при этом представлен в этой стране как в литературных произведениях, так и в религиозной живописи XII—XVII веков. Существуют также иллюстрированные печатные тексты, рассказывающие историю Муляня (Мокурэна), относящиеся к этому периоду. Разные трактовки сюжета указывают на связь японских произведений с различными китайскими версиями этой истории, представленными в буддийских сочинениях и простонародной повествовательной литературе, что является свидетельством раннего межкультурного взаимодействия в данном регионе. Изображения на сюжет о Муляне (Мокурэне) в Японии демонстрируют значительное влияние китайской простонародной традиции, причем по мере включения этого материала в традиционную культуру Японии произошло его приспособление к местным реалиям.

Ключевые слова: буддизм, религиозные сюжеты, иллюстрация, повествовательная литература.

Rostislav V. Berezkin*Fudan University (China)/ Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences***Spread of Images of the Mulian Subject in the Countries of East Asia:
with the Japanese Materials of the 12th —17th Centuries as Examples**

Abstract. The story of Mulian rescuing his mother's soul from hell, spread from China to other countries of East Asia in the medieval period. This subject became known in Japan already in the 7th century, and is represented in this country in literary works as well as religious painting of the 12th—17th centuries. There are also printed illustrated texts of this period that narrate the Mulian (Mokuren) story. Various versions of this subject demonstrate the connections of Japanese works with different Chinese recensions of this story represented in Buddhist scriptures and vernacular narrative literature, which makes a testimony of early cultural exchange in this region. The images of the Mulian (Mokuren) story in Japan demonstrate considerable influence of Chinese popular culture, and as this

material was incorporated into Japanese traditional culture it was adapted to the local realities.

Keywords: Buddhism, religious subjects, illustration, narrative literature.

История о том, как монах Мулянь (санскр. Маудгальяна, на пали Могаллана, кит. Мулянь, яп. Мокурэн, кор. Мокрён) спас из ада свою мать, нашла широкую разработку в литературных произведениях стран Восточной Азии: Китая, Кореи, Японии, Вьетнама и Монголии. Заимствование этого сюжета в нескольких странах данного региона составляет феномен древнего межкультурного взаимодействия. Одним из аспектов распространения этого сюжета в Восточной Азии является развитие изображений, посвященных истории Муляня, в Японии в XII—XVII веках.

Самым ранним произведением, рассказывающим о том, как Мулянь спас мать, является китайский перевод «Сказанной Буддой сутры об Улламбане» (佛說盂蘭盆經). Он был сделан монахом Дхармаракшей (кит. Чжу Фаху 竺法護) в конце III — начале IV века н.э. [Demiéville 1978, p. 68]. Согласно сутре, Мулянь спас мать из рождения голодного духа после того, как сделал подношение монашеской общине в особом тазу — Улламбане. С сутрой связано распространение обряда таких подношений для облегчения участи умерших предков. Обряд стал основой известного в Китае в средневековье и до сих пор популярного в Японии праздника поминовения умерших (яп. Урабон или сокращ. О-бон) [Джарылгасинова, Крюков 1989, 77—83, 201—207].

Поскольку «Сутра об Улламбане» в оригинале не сохранилась, некоторые исследователи высказывают сомнение в ее иностранном происхождении и считают созданной в Китае [劉禎 1997, 4—6]. Как бы то ни было, сюжет о Муляне получил большую популярность в Китае, так как прояснял отношение буддизма к сыновней почтительности. Он лег в основу многочисленных песенно-повествовательных и драматических произведений [Mair 1983; Teiser 1988; Лю Чжэнь 1997; Березкин 2012 и др.]. Из Китая сюжет был заимствован в других странах Восточной Азии в средневековый период.

Распространение сюжета в странах Восточной Азии происходило в форме не только письменных текстов, но и изображений. Старейшие сохранившиеся иллюстрации к истории Муляня в Китае относятся к X веку. Появление этого сюжета в Японии можно проследить начиная с VII века [野村伸一 2007, 77], старейшие сохранившиеся изображения датируются XII веком. Это «Свиток о голодных духах» (Гаки дзоси 餓鬼草紙) [餓鬼草紙, 3—4], который представляет форму *эмакимоно* 絵巻物 — сочетание изображения с текстом, также связанную с устным рассказом [Kaminishi 2006, 57—58].

В то время как в ранний период (до XIII века) иллюстрации в основном следуют трактовке сюжета в «Сутре об Улламбане», в более поздний период (XIII—XVI века) в религиозной живописи можно найти детали, заимствованные из китайской простонародной литературы; что в целом соответствует и тенденции в японской повествовательной литературе [см. 鷹巢純 1992, 53—65; 岩本裕 1968, 72—80]. В еще более поздних иллюстрированных произведениях на этот сюжет — сэккёбуси 説經節 (XVII век) заметна адаптация этого сюжета к японским реалиям, что проявляется в стиле одежды, причесок, украшений персонажей. Таким образом, изображения на сюжет о Муляне в Японии демонстрируют влияние не только буддизма, но и китайской простонародной литературы, при чем по мере включения этого материала в традиционную культуру Японии произошло его приспособление к местным реалиям.

Библиографический список

Березкин Р.В. Драгоценные свитки (баоцзюань) в духовной культуре Китая: на примере «Баоцзюань о трех воплощениях Муляня». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012.

Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В., Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Наука, 1989.

Demiéville P., edit. *Répertoire du Canon Buddhique Sino-Japonais. Fascicule annexe du Hōbōgirin*. Paris, 1978.

Mair, Victor H., transl., introd. *Tun-huang Popular Narratives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Teiser, Stephen F. *The Ghost Festival in Medieval China*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

餓鬼草紙 [Гаки дзоси — Свиток о голодных духах],

URL: http://www.emuseum.jp/detail/100951/000/000?d_lang=ja (accessed on 12/05/2021)

岩本裕. 目連傳説と盂蘭盆 [Ивамото Ютака. Легенда о Мокурэне и Урабон]. Киото: Хо:дзо:кан, 1968.

劉禎. 中國民間目連文化 [Лю Чжэнь. Китайская народная «культура Муляня»]. Чэнду: Башу шу шэ, 1997.

野村伸一. 東アジアの祭祀伝承と女性救済: 目連救母と芸能の諸相 [Номура Синъ'ити, ред. Ритуальные практики и спасение женщин в Восточной Азии: разные формы исполнительского искусства на сюжет, как Мулянь спасал мать]. Токио: Фукёся, 2007.

鷹巢純. 目連救母説話図像と六道十王図 [Такасу Дзюн. Иллюстрации к повествованию о том, как Мулянь спасал мать и картины «шести путей и десяти владык»]. 仏教芸術 (Буддийское искусство). 1992. № 203. С. 48—70.

А.Ю. Блажкина
ИКСА РАН

УЧЕНИЕ О РИТУАЛЕ В ТРАКТАТЕ «КУН-ЦЗЫ ЦЗЯ ЮЙ»

Аннотация. Дан анализ учения о ритуале (*ли*), которое текстуально закреплено в конфуцианском трактате «Кун-цзы цзя юй». В этом письменном памятнике ритуал занимает центральное место, выступает в качестве средства для гармонизации Поднебесной и укоренения нравственных основ мироздания; маркирует глубинную духовную связь индивида с другими людьми, в том числе и с умершими предками, поддерживает и укрепляет связи внутри сообщества, развивает почтительное отношение к человеческому бытию; представляет собой поведенческую опору конфуцианской этики; является калькой природных процессов, поэтому чужд принуждению и искусственности; осмысляется в качестве компонента конфуцианской доктрины об управлении на основании добродетели; он тесно связан с другими конфуцианскими этическими константами (человеколюбием (*жэнь*), благоговением (*зун*), почтением (*цзунь*), долгом (*и*), добродетелью (*дэ*)). В «Кун-цзы цзя юй» осмысляются разные виды ритуала, которые отражают многообразие человеческой деятельности, нормами ритуала определяется не только последовательность действий, но и используемая ритуальная утварь, а также внешний облик (выражение лица, одеяние, головной убор) участников церемонии вплоть до мельчайших деталей. Занимая достойное место в сфере аристократического быта, ритуал является не только важной частью придворной жизни царствующего дома, обладает эстетическим и этическим содержанием, (ритуал и прекрасен, и добродетелен одновременно), но тесно связан с музыкой (*юэ*).

Ключевые слова: «Кун-цзы цзя юй», ритуал, человеколюбие, конфуцианство.

Anastasia Yu. Blazhkina
ICCA RAS

Doctrine of Ritual in the Treatise *Kong-zi Jia Yu*

Abstract. This article analyzes the doctrine of ritual (*li*), which is textually enshrined in the Confucian treatise “Kong-zi Jia Yu”. The ritual in this written monument takes center stage, acts as a means for harmonizing the *Tianxia* and rooting the moral foundations of the universe; marks the deep spiritual connection of the individual with other people, including dead ancestors, maintains and strengthens ties within the community, develops a respectful attitude towards human being; is a behavioral support base of Confucian ethics; is a tracing paper of natural processes, therefore alien to coercion and artificiality; is understood as a

component of the Confucian doctrine of virtue-based governance; it is closely related to other Confucian ethical constants: humanity (*ren*), reverence (*gong*), reverence (*zun*), justice (*yi*), virtue (*de*). The “Kong-zi Jia Yu” analyzes different types of ritual that reflect the diversity of human activity, the norms of the ritual determine not only the sequence of actions, but also the ritual utensils used, as well as the appearance (facial expression, dress, headdress) of the ceremony participants up to the smallest details. Occupying a worthy place in the field of aristocratic life, the ritual is not only an important part of the court life of the reigning house, has aesthetic and ethical content, (ritual and beautiful, and virtuous at the same time), but also closely associates with music (*yue*).

Keywords: Kong-zi jia yu, ritual, humanity, Confucianism, ethics.

Одной из главных тем философской доктрины трактата «Кун-цзы цзя юй» является учение о ритуале. Ритуал появляется тогда, когда Великое Дао предано забвению и когда миновала эпоха Великого Единения, он необходим для успокоения Поднебесной и укоренения нравственных оснований мироздания. Ритуал осмысливается автором «Кун-цзы цзя юй» как основа социального космоса и корень этического воспитания индивида. Ритуал — способ взаимосвязи между Небом и человеком. Ритуал, являясь формальным установлением, официальным обрядом, который связан с общественной жизнью и маркирует значимые события в рамках социального космоса, устанавливает сопричастность, глубокую духовную связь с другими людьми (в том числе и с умершими предками), поддерживает и укрепляет связи внутри группы, а также возвращает этическую константу почтения по отношению к человеческому бытию как таковому. Причем подлинная, то есть соответствующая мере эмоциональная составляющая превалирует над внешней последовательностью действий, поэтому ритуал всегда связан с чувствами, в том смысле, что, с одной стороны, ритуальная практика предполагает возвращение должных чувств, а с другой — без участия этих чувств невозможно осуществлять саму ритуальную практику. Иными словами, без подлинных чувств ритуал бесполезен. Ритуал — это конкретный социальный инструмент для самосовершенствования и средство гармоничной человеческой коммуникации, поведенческая опора конфуцианской этики. Ритуал часто путают с политической властью или привилегиями, материальным достатком или авторитетом, которые легче определить эмпирически, чем ритуальные действия. Но такое представление ошибочно, поскольку ритуал должен выражать человеколюбие и согласовываться с ним.

Ритуал относится к обширному кругу норм поведения, начиная с определённой последовательности действий в ходе официальных церемоний (разного рода жертвоприношений, сватовства, аудиенции, приветствия и т.д.), и до более общих ограничений и предписаний, которые охватывают едва ли ни весь спектр жизненных ситуаций, касаются надлежа-

щего поведения в семье, на службе и т.д. и не входят в сферу официальных церемоний. Причем нормами ритуала определяется не только последовательность действий, но и используемая ритуальная утварь, а также внешний облик (выражение лица, одяние, головной убор) участников церемонии вплоть до мельчайших деталей. Хотя формально нормы ритуала не носят облигаторный характер, но, по сути, это утверждение касается лишь простолюдинов, поведение которых повторяет поведение правителя и высшего чиновничества.

Ритуал в трактате «Кун-цзы цзя юй», во-первых, выступает в качестве средства для гармонизации Поднебесной и укоренения нравственных основ мироздания; во-вторых, маркирует глубинную духовную связь индивида с другими людьми (в том числе и с умершими предками), поддерживает и укрепляет связи внутри сообщества, развивает почтительное отношение к человеческому бытию; в-третьих, представляет собой поведенческую опору конфуцианской этики; в-четвертых, является калькой природных процессов, поэтому чужд принуждению и искусственности; в-пятых, осмысливается в качестве компонента конфуцианской доктрины об управлении на основании добродетели.

Библиографический список

Кейдун И.Б. Порядок ношения траура в канонических установлениях конфуцианства (по материалам трактата «Ли цзи»). URL: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s13/s13v4/07.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).

Попова Г.С. Введение в изучение «Кун-цзы цзя-юй» («Школьные беседы Конфуция») // Ориенталистика. 2021, 4. С. 901—928.

王盛元: “孔子家语”通解 [Ван Шэнюань. Толкование «Кун-цзы цзя юй»]. — 南京: 译林出版社, 2014 年.

孔子家语 [Кун-цзы цзя юй]. URL: <https://ctext.org/kongzi-jiaayu> (дата обращения: 22.04.2022).

周辅成: 孔子的伦理思想 [Чжоу Фучэн. Этика Кун-цзы]. // 北京大学百年国学文萃哲学卷. — 北京: 北京大学出版社, 1998 年. 399—419 页.

杨朝明: “孔子家语”的成书与可靠性研究 [Ян Чаомин. Изучение подлинности книги «Кун-цзы цзя юй»]. URL: <http://bbs.tianya.cn/post-666-31315-1.shtml> (дата обращения: 21.04.2022).

Ван Ицюнь

Сычуаньский университет

ЗАТАЕННОЕ ВРЕМЯ: ДЫМОВЫЕ ОБЛАКА В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ¹

Аннотация. В традиционной китайской пейзажной живописи дымовые облака почти всегда и везде можно охарактеризовать как неизменных спутников гор и вод. Исходя из теории древней китайской живописи, мы понимаем, что в структуре и отображении традиционной пейзажной живописи дымовые облака имеют важное значение. Предполагается, что основная ценность дымовых облаков заключается в том, что они выражают характеристику времени в мире пейзажа. С одной стороны, в мире гор и вод повсюду скитаются дымовые облака, и их бескрайнее рассеивание открывает бесконечное пространство за пределами картины, указывая на неистощимое время; а с другой — дымовые облака размывают физические объекты на картине, вызывая ощущение невесомости и небытия человеческой жизни, наделяя мир пейзажа временной характеристикой, выходящей за пределы обыденной жизни, недифференцированной и хаотичной, и это есть время, которое пронизано категорией Дао. Только прояснив смысл времени, заключенного в дымовых облаках в традиционной китайской пейзажной живописи, мы можем выявить его сущностную экзистенциальную ценность. Смысл времени, заключенный в дымовом облаке, делает его самой прекрасной и жизнеспособной частью пейзажной живописи.

Ключевые слова: традиционная китайская пейзажная живопись, дымовые облака, время, Дао.

*Wang Yiqun**Sichuan University*

Hidden Time: Smoke Clouds in Traditional Chinese Landscape Painting

Abstract. In traditional Chinese landscape painting, smoke clouds can almost always and everywhere be described as constant companions of mountains and waters. Based on the theory of ancient Chinese painting, we understand that in the structure and display of traditional landscape painting, smoke clouds are essential. The author of this article believes that the main value of smoke clouds lies in the fact that they express the temporal characteristics of the landscape world. On the one hand, in the world of mountains and waters, smoke clouds roam everywhere, and their endless dissipation reveals an infinite space beyond the picture, indicating inexhaustible time; and on the other hand, smoke clouds blur the physical ob-

¹ Перевод А.Ю. Блажкиной.

jects in the picture, causing a feeling of weightlessness and non-existence of human life, endowing the world of the landscape with a temporal characteristic that goes beyond ordinary life, undifferentiated and chaotic, and this is the time that is permeated by Dao. Only by clarifying the meaning of time contained in the smoke clouds in traditional Chinese landscape painting can we reveal its essential existential value. The sense of time contained in the smoke cloud makes it the most beautiful and vital part of landscape painting.

Keywords: traditional Chinese landscape painting, smoke clouds, time, Dao.

Почему дымовые облака являются неотъемлемой частью традиционной китайской пейзажной живописи и каков же, в конце концов, смысл их существования?

Говоря о смысле дымовых облаков в традиционной китайской пейзажной живописи, очевидно, нельзя останавливаться на композиции картины, границах выразительности и т. п., необходимо рассматривать мир пейзажа в традиционной китайской пейзажной живописи с позиций онтологии. Это мир, состоящий из гор и вод, трав и деревьев, домов и построек, павильонов и террас, дымки и облаков и т. д., мир, который опьянял, очаровывал древних китайцев.

В сочинениях древних китайцев дымовые облака играют важную роль в выражении характеристики времени в мире пейзажа.

Туманные дымовые облака повсюду плавают, наполняя мир пейзажа, и темпоральность, которую они приносят, главным образом происходит из пространства картины. Древние китайцы подчеркивали, что при создании пейзажа следует «использовать одну кисть, чтобы имитировать телесную форму Великой пустоты». «Великая пустота» — это ландшафт гор и вод, который занимает пространство между Небом и Землей, он «необозримый и бескрайний». Взяв за единицу измерения размеры картины, художник хотя и может передать множество уровней реального пейзажа и даже смену времен года, но этот реальный пейзаж, пусть даже богатый и разнообразный, все же имеет границы. Что же касается дымовых облаков, то они создают фантастический визуальный эффект: они туманные, хаотичные, мерцающие, кажущиеся бесконечными, ломающими любые границы. В действительности, существование дымовых облаков никогда не указывает просто само на себя — оно всегда скрывает, затушевывает другие предметы и постоянно напоминает о существовании скрытого. В этом смысле дымовые облака открывают далеко идущее пространство, пространство, затаенное за пределами картины. Дисперсия дымовых облаков требует времени, а безграничная дисперсия предполагает бесконечное время.

Также следует заметить, что дымовые облака туманные и тусклые; там, где они нависают и кружат, горы, деревья, строения, тропинки, мосты также становятся туманными: границы физических объектов уже не

четкие, очертания размыты, а формы едва различимы, изображение на картине сокровенное, безграничное, смутное. Если говорить о визуальном эффекте, то дымовые облака размывают объекты на картине, побуждая их казаться нереальными, как будто их природные качества разбавлены, разжижены, а по весу эти объекты становятся легче, чем в реальности, такими же легкими, как и сами дымовые облака. Что касается этого ощущения невесомости, то если мы принимаем во внимание тот факт, что дымовые облака подразумевают мир, который намного шире пространства картины, а предметы на картине кажутся маленькими, то ощущение невесомости становится еще более заметным.

Таким образом, мы открыли второе временное измерение мира пейзажа, которое можно назвать «время дымового облака» (烟云时间 *яньюнь шицзынь*). Это не то будничное и обыденное время человеческой жизни, которое можно точно измерить часами, годами и эпохами — это время, в котором редуцировано, нивелировано все обыденное и суетное. «Время дымового облака» — это дегуманизированное время: при размытости пейзажа и устранении мирских ценностей человек в мире пейзажа не будет искать никакого устойчивого положения в системе координат обыденной жизни. Такой человек активизирует свою изначальную связь с природой с «сердцем лесов и родников», как бы растворяясь в природе и возвращаясь к ней.

Библиографический список

高居翰：图说中国绘画史[История китайской живописи с иллюстрациями]，李渝译，北京：生活·读书·新知三联书店，2014。

郭熙：林泉高致 [О высокой сути лесов и потоков]，鲁博林编著，南京：江苏凤凰文艺出版社，2015。

董其昌著，叶子卿点校：画禅室随笔 [Очерки об изображении монашеских кельей]，杭州：浙江人民美术出版社，2016。

罗大经撰；孙雪霄校点：鹤林玉露 [Журавлиная роща и яшмовая роса]，上海：上海古籍出版社，2012。

苏立文：中国艺术史 [История искусства в Китае]，徐坚译，上海：上海人民出版社，2014。

唐岱：绘事发微 [Скрытый смысл живописи]，上海：上海人民美术出版社，1987。

陶渊明显著，龚斌校笺：陶渊明集校笺 [Критические замечания к собранию сочинений Тао Юаньмина]，上海：上海古籍出版社，2018。

吴兴明：中国传统造物的空间精神——以建筑及水墨画的天人之感为中心 [Дух пространства в традиционном китайском творчестве — Небо и Человек в архитектуре и живописи тушью]//文艺研究，2020年第2期。

韩拙：韩氏山水纯全集 [Всеобъемлющие записи о пейзаже Хань Чжо], 上海：商务印书馆，1939。

荆浩撰、王伯敏注释、邓以蛰校阅：笔记法 [Записки о приемах письма кистью], 北京：人民美术出版社，1963。

宗炳、王微：画山水序·叙画 [Предисловие к пейзажной живописи, разговоры о живописи], 北京：人民美术出版社，1985。

俞剑华编著：中国历代画论大观 第二编 宋代画论一、二 [Детальное рассмотрение теории китайской живописи в прошлые эпохи. Часть II. Теория живописи династии Сун, часть I и II], 南京：江苏凤凰美术出版社，2016。

周积寅编著：中国画论辑要 [Сборник по теории китайской живописи], 南京：江苏美术出版社，2005。

朱利安：大象无形：或论绘画之非客体 [Великий образ не имеет формы, или — Через живопись к не-объекту], 张颖译，郑州：河南大学出版社，2017。

А.Л. Верченко
ИКСА РАН

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ КИНОПРОЕКТЫ 1950-х ГОДОВ

Аннотация. Документальные фильмы «Победа китайского народа», «Освобожденный Китай» и серия короткометражных фильмов о Китае, вышедшие в 1950 г., получили высокую оценку как в СССР, так и в КНР. Они выполнили поставленные перед съемочными группами задачи пропаганды, агитации и ознакомления, заложили основу для дальнейшего взаимодействия.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать, что, несмотря на проявившиеся во второй половине 1950-х годов проблемы в советско-китайских отношениях, сотрудничество в области кино продолжалось и распространялось на новые жанры, с которыми знакомили советские специалисты. В. Шнейдеров помогал в организации Шанхайской студии научно-образовательных фильмов, вместе с китайскими коллегами снял в экспедиционно-этнографическом жанре фильм «Над небом древних пустынь». Известный советский режиссер-мультипликатор А. Атаманов готовился в 1958 г. к съемкам совместного с Китаем мультфильма «Начжа покоряет морского дракона». Год 10-летия КНР был отмечен двумя большими работами: художественным цветным полнометражным фильмом «В едином строю» и научно-популярным фильмом о животных «Тропю джунглей». Все фильмы готовились на русском и китайском языках и демонстрировались, хотя и под разными названиями, в обеих странах.

Ключевые слова: советско-китайское сотрудничество в 1950-е годы, кино, Шнейдеров, Атаманов, Дзиган, Згуриди.

Alla L. Verchenko
ICCA RAS

Soviet-Chinese Projects in Cinematography during the 1950s

Abstract. The first joint production of documentary films “The Victory of the Chinese People”, “The Liberated China”, and a series of landscape films about China, released in 1950, were highly appreciated, both in the USSR and in the PRC. They fulfilled the tasks of doing propaganda, agitation and introduction — the tasks, which had been assigned to them by their respective governments, and laid the foundation for further interaction in that sphere.

The purpose of this study is to show that despite the disputes, that surfaced in the Soviet-Chinese relations in the second half of the 1950s, the cooperation in the field of cinema continued further on and extended to new genres, which had been

suggested by Soviet specialists. V. Shneiderov personally helped in organizing the Shanghai Studio of Scientific and Educational Films, and in practice introduced to the Chinese colleagues an expeditionary-ethnographic genre during the filming of “Above the Sky of Ancient Deserts”. In 1958, the well-known Soviet animation director A. Atamanov was preparing to shoot a joint cartoonfilm with China called «Nazha Conquering the Sea Dragon». The year of the first tenth anniversary of the PRC was marked by two big works: the feature color film “In Unity” and the popular scientific film about animals “The Jungle Path”. All films were produced in Russian and Chinese, and were shown, though under different titles, in both countries.

Keywords: Soviet-Chinese cooperation in 1950s, cinema, Shneiderov, Atamanov, Zguridi, Dzigan.

Совместная работа советских и китайских киноработников в 1949—50 гг. показала плодотворность сотрудничества и его большое значение для обеих стран. Документальные фильмы «Победа китайского народа», «Освобожденный Китай» и серия короткометражных видовых фильмов о Китае получили высокую оценку как в СССР, так и в КНР [Верченко 2021]. Они выполнили поставленные перед съемочными группами задачи пропаганды, агитации и ознакомления, заложили основу для дальнейшего взаимодействия.

В 1951 г. по согласованному с китайской стороной сценарию и с участием китайских актеров был снят художественный фильм «Пржевальский». Однако в китайский прокат он не вышел, так как, по оценке Отдела пропаганды ЦК КПК, показывал китайский народ слишком слабым.

В первые годы сотрудничества советские специалисты обучили китайских коллег работать с современной аппаратурой, снимать на цветной пленке, использовать новые методы. Владимир Шнейдеров оказал помощь в создании Шанхайской киностудии научно-просветительских фильмов. А в 1958 г. он вместе с Цинь Чжэнь снял в экспедиционно-этнографическом жанре первую совместную ленту «Под небом древних пустынь» («Алма-Ата — Ланьчжоу» в китайском прокате). В марте 1958 г. Ван Шучэнь, Хэ Юймэнь и Ху Цзиньцин с Шанхайской киностудии вели в Москве переговоры о производстве мультфильма «Начжа покоряет морского дракона». Предполагалась совместная работа одного из основоположников советской мультипликации Л. Атаманова и Ван Шучэня (Шанхайская киностудия). Однако сотрудничество не состоялось, в 1979 г. китайцы сняли фильм самостоятельно.

Десятилетие КНР было решено отметить совместными работами в кинематографии [РГАЛИ, л. 3]. Известные режиссеры Ефим Дзиган («Мосфильм») и Гань Сюэвэй и Линь Шань (Чанчуньская киностудия) по сценарию Вадима Кожевникова сняли цветной художественный фильм, который демонстрировал советско-китайскую дружбу на строительстве

ГЭС в Северо-Западном Китае — «В едином строю» (в Китае «Ветер с Востока»). В тот же год вышел фильм «Тропой джунглей» (в Китае «Джунгли Сишуан-баньна»), совместная работа режиссеров А. Згуриди Н. Дзугутовой («Моснаучфильм») и Ян Чжэнья (Пекинская киностудия им. 1-го августа). Это был новый для Китая жанр научно-популярного кино о животных. Для съемок отдельных эпизодов был приглашен оператор Л. Котляренко, награжденный за эту работу Почетной грамотой Минкульта КНР, а фильм был отмечен наградами в 1960 г. на Всесоюзном и международном фестивалях .

Вторая половина 1950-х годов была отмечена всплеском сотрудничества в области кинематографии. В нем с обеих сторон участвовали известные мастера. Прделанная работа показали свою эффективность, находилась на подъеме, получила высокую оценку в обеих странах, оставляла надежду на продолжение сотрудничества. Однако назревавшие идейно-политические разногласия не могли не выйти наружу и не вылиться в прекращение сотрудничества, в том числе по линии кино.

Библиографический список

Верченко А.Л. Из истории становления советско-китайского сотрудничества в документальном кино // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 420—432.

РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 1165. Л. 3.

命运多舛的经典——动画电影《哪吒闹海》幕后揭秘[Классика с неудачной судьбой — закулисные тайны анимационного фильма «Начжа покоряет морского дракона»] URL: <https://www.nxhh.net/zzz/5659.html> (дата обращения: 04.04.2022).

В.Б. Виноградская
ИКСА РАН

**ЛИТЕРАТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
 СЛУЧАЙ ЧЖАН ЧАО (1650—1709?)**

Аннотация. Чжан Чао (1650—1709?) — литератор и книгоиздатель начала династии Цин (1644—1911), по своей социальной принадлежности, занятиям и личным склонностям был ориентирован на заметное присутствие в информационном пространстве. Его случай интересен резкими поворотами личной судьбы и изменением восприятия его жизни и деятельности в исторической перспективе — от традиционной текстуальной культуры, в академическом дискурсе и на книжном рынке XX—XXI веков, а также в нынешних медиа. Разнонаправленные факторы, влиявшие на положение Чжан Чао в современном ему и нам информационном пространстве, то способствовали его заметности, то приближали к забвению. С точки зрения конфуцианского идеала государственной карьеры, Чжан Чао оказался неудачником, но успешно занимался любимым делом; попал в коммерческий тренд издания современной популярной литературы, но был забыт под влиянием цензуры и напором времени, а затем «возрожден» по линии переоценки традиционного культурного наследия. Не менее драматичны и колебания его оценки со стороны общества: от несостоящего внимания официальной истории представителя низовых литерати и популярного автора низового сегмента литературы до полузабытого рядового участника литературного процесса, а затем до классика знакового жанра и объекта нишевой медийной популярности в наши дни.

Ключевые слова: Чжан Чао, литерати, Цин, информационное пространство.

Veronika B. Vinogradskaya
ICCA RAS

**Literati in Information Space: the Case of Zhang Chao
 (1650—1709?)**

Abstract. Zhang Chao (1650—1709?) is a writer and book publisher of the early Qing dynasty (1644—1911), he was predisposed to expand his presence in the information space due to his social identity, occupation and personality. His case is interesting both because of the turns in personal fate and the changes in perception of his life and work in a historical perspective — in the traditional textual culture, in the academic discourse and in the book market of the 20—21st centuries, as well as in the current media landscape. A complex interplay of factors that influenced Zhang Chao's position in information space contributed to his visi-

bility, or brought him closer to oblivion. He was a failure from the point of view of the Confucian idea of career success, but he successfully pursued his passion for book publishing; he caught a commercial trend of publishing modern popular literature, but was nearly forgotten under the influence of censorship and the pressure of the times, and then was “brought back to life” in the process of reevaluation of the cultural heritage. Equally dramatic were the shifts in the way society valued him: as an insignificant representative of lower literati, a famous author of the popular literature, a half-forgotten ordinary literatus in the context of the literary process, a classical author of an iconic genre, and popular niche media content nowadays.

Keywords: Zhang Chao, literati, Qing, information space.

В современных энциклопедических справках Чжан Чао 张潮 (1650—1709?) определяют как литератора и книгоиздателя. Он писал много и в разных жанрах, а на пике социальной реализации был владельцем успешного книгопечатного бизнеса, издал более 40 книг. [Son 2010, p. 285—287]. Но в официальных исторических источниках не содержится упоминаний о нём, не говоря о собственном жизнеописании, и даже год его смерти точно не установлен. Это вполне объяснимо тем, что Чжан Чао не получил высокой ученой степени и никогда не занимал приличных постов. И как литератор, и как издатель Чжан Чао активно участвовал в литературной жизни Янчжоу 扬州 (совр. пров. Цзянсу), одного из культурных центров династии Цин (1644—1911). Успешная торговля солью делала его также заметным экономическим актором, но не в контексте государственной идеологии, поэтому сведения о нем в основном исходят из изданной им самой обширной личной и деловой переписки [Son 2010, p. 285—287] и упоминаний в чужих произведениях.

Чжан Чао был отпрыском родовитой и богатой во многих поколениях семьи, но со смертью деда в 1616 г. наступил длительный период бедности. В 1649 г., незадолго до рождения Чжан Чао, его отец Чжан Сикун 张习孔 получил степень *цзиньши* и поступил на службу, а семья вошла в полосу удачи. Мальчик рос в достатке и воспитывался в строгости. У него рано проявился литературный талант, и в возрасте 13 лет он получает статус перспективного студента (补诸生 *бу чжу шэн*). Но потерпев за последующие 12 лет 4 провала на экзаменах, Чжан Чао отказывается от чиновничьей карьеры и, продолжив семейную торговлю, с головой погружается в писательство, книгоиздание и составление антологий современной популярной литературы. Чрезвычайная любовь к чтению и книгам, вкупе с незаурядной экстравертностью способствовали его успеху книгоиздателя и автора. В 1699 г. Чжан Чао по навету попадет в тюрьму. Подробностей не сохранились, но недолгое заключение серьезно подкосило его здоровье, самооущение и благосостояние. Из-за резкого со-

крашения социальной активности о последних годах его жизни почти ничего не слышно.

К XX веку Чжан Чао был почти забыт, так как многие его произведения попали под запрет цензуры. В 1936 г. рукописная копия сборника «Ю мэн ин» 幽梦影 («Тени ускользящих снов») [Виноградская 2015, 52—71] попала в руки влиятельному интеллектуалу, писателю и переводчику Линь Юйтану 林语堂 (1895—1976), много сделавшему для переоценки наследия традиционной культуры в период модерна [Chan, Lee 2015]. Переиздание и перевод на английский этого сборника афоризмов положили начало новой известности Чжан Чао, росту которой также способствовала постепенная переоценка статуса *бицзи* 笔记 и *сяопинь* 小品: низовая неформальная несюжетная проза превратилась в классический и знаковый литературный жанр династий Мин и Цин. В Тайване избранные изречения из «Ю мэн ин» были включены в школьную программу.

Во второй половине XX века постоянно увеличивалось количество переизданий его произведений, росло количество научных работ, сначала на китайском, а в XXI веке также и на английском языке, посвященных его творчеству и роли в культурных процессах начала династии Цин [Son Suyoung 2018]. Выходят переводы на другие языки, в том числе на русский. С подъемом микроблогов в 2012 г. и повсеместным распространением социальных сетей во второй половине 2010-х годов растет известность Чжан Чао в более широком медийном пространстве, опять прежде всего в связи с переоткрытием «Ю мэн ин», необычный формат которого заиграл новыми красками в контексте соцсетей [黑王辉 2012; 清代 2021]. Его имя на глазах становится более узнаваемым, и не только в китайском Интернете.

Библиографический список

Виноградская В.Б. «Ю мэн ин» Чжан Чао (1650—1709?) как интерактивный проект // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2014. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 52—71.

Chan Shirley, Lee Daniel. Lin Yutang: Reinterpreting the ancients for moderns // Journal of the Oriental Society of Australia. V.47., January 2015. P. 116—137.

Son Suyoung. Publishing as a Coterie Enterprise: Zhang Chao and the Making of Printed Texts in Early Qing China. // Late Imperial China. V.31, N.1, June 2010. P. 285—287.

Son Suyoung. Writing for Print: Publishing and the Making of Textual Authority in Late Imperial China. — Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Asia Center: Harvard University Press, 2018. 264 p.

黑王辉： 清朝也有“微博控” [*Хэй Ванхуй*. При Цин тоже были «подсевшие на микроблоги»] // Шаньтоу жибао 汕头日报. 15.06.2012. URL: http://www.stdaily.com.cn/html/2012-06/15/content_330096.htm (дата обращения: 15.06.2012).

清代涨潮的《幽梦影》 [«Тени ускользящих снов» цинского Чжан Чао]. URL: <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=7a442b40a8e807c8e0b3fb0f> (дата обращения: 31.05.2021).

Дай Цяомин

Институт истории и культуры
Сычуаньского университета

**АНАЛИЗ ПРИЧИН ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИЙ «ИНЬ-ЯН»
И «У СИН» В ПОЛИТИКЕ ДИНАСТИИ ЦИНЬ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
СЛИЯНИЯ «ИНЬ-ЯН» И «У СИН»**

戴巧明

四川大学历史文化学院

秦王朝对阴阳五行学说政治应用的原因探析——以阴阳、
五行概念融合的思想变迁为视角

文章摘要：阴阳五行的思想是中国人的价值体系和思维方式的重要组成部分，其来源于先民们的宇宙观与世界观。其发展经历了阴阳、五行两套思想体系不同的发展，最终合二为一，成为阴阳五行思想。这套世界观、自然观在战国末年逐渐形成了以阴阳五行为思想基础的社会理论，即“五德终始说”。这种社会理论得到了中国第一个封建王朝秦王朝的认可，“五德终始说”首次被应用于政治领域。本文试图解释阴阳五行思想起源与发展的过程中是如何由一套宏大而玄妙的哲学观世界观发展成为一套政治理论，又为何最终会被秦王朝选择应用于政治领域这几个问题。

关键词：阴阳；五行；五德终始说；政治理论

Qiaoming Dai

School of History & Culture, Sichuan University

**An Analysis of the Reasons for the Political Application of Yin-Yang
and Wu-Xing Theory in Qin Dynasty — From the Perspective
of the Ideological Changes of the Fusion of Yin-yang and Wu-xing**

Abstract: The thought of *Yin-yang* (the two opposing principles in nature) and *Wu-xing* (five elements of metal) is an important part of the Chinese people's value system and way of thinking, which is derived from the cosmology and world outlook of the ancestors. Its development has experienced the development of two ideological systems of *Yin-yang* and *Wu-xing*, and finally merged into one, becoming the *Yin-yang* and *Wu-xing* thought. This set of world outlook and nature outlook gradually formed a social theory based on Yin-Yang and Wu-xing in the last years of the Warring States Period, that is, the Cycle of Five Elements. This social theory was recognized by the Qin Dynasty, and the Theory of “Five Cyclic Virtues” was first applied to the political field. This article attempts to explain how the origin and development of *Yin-yang* and *Wu-xing* thought developed from a set of grand and mysterious philosophical worldviews into a set of political theo-

ries, and why it was finally chosen by the Qin Dynasty to be applied to the political field.

Keywords: Yin-Yang; Wu-Xing; the Cycle of Five Elements; political theory.

阴阳五行的思想是中国人的价值体系和思维方式的重要组成部分，这种观念是中国思想文化的重要构成因子。当阴阳五行思想在战国末年初步形成五德终始说。这种政治理论被秦王朝统治者首次应用于政治领域。为何秦王朝会做出这样的选择，阴阳五行学说是怎样由一种哲学思想中构建出一套政治理论，它在秦以前经历了怎样的发展，笔者希望通过对这三个问题的思考与探索，窥见阴阳五行思想政治化应用及其影响之一隅。

一、先秦阴阳五行思想从支离片段到成型体系的发展过程

阴阳五行学说由来已久，是先民朦胧的世界观。在早期的先民观念中，“阴阳”与“五行”这两个概念的出现有先后，含义也不同。

阴阳观来自于古人的自然崇拜而产生的世间万物皆是两两相对的观念。²[阮元 1980, 541]直至春秋时期，“阴阳”也一直被用作解释自然现象。³[阮元 1980, 1808]战国时期将阴阳思想引入到社会法则，以马王堆出土帛书《黄帝四经》为代表，阴阳观已经开始影响社会架构。⁴[陈鼓应 2007, 210—344]此时的阴阳观形成了敬授民时、阴阳刑德的政治观。因此阴阳说在社会、政治方面的架构，基本在战国中期的时候已经形成。

与阴阳说对比起来看，五行的由来众说纷纭。从五行神秘化来看，“五星说”与“五方说”两种说法比较有说服力。而从五行社会化来看，“五材说”是五行所代表的社会性的本源。

就五星说来看，其提出者刘起釞先生认为，“五行”这一词汇指代的应是天球运行的五大纬星，因而被称为“五行”。⁵[刘起釞 1998, 134]提出“五方说”的学者胡厚宣先生将殷代的“四方”与“四方风”视为后代五行说的滥觞。[胡厚宣 1956, 49—86]方位术数字化应是伴随着五行一体化产生，

² 《诗经·大雅·公刘》：“即景乃冈，相其阴阳。”

³ 《左传·僖公十六年》中记载：“春，陨石于宋五，陨星也；是月，六鷁退飞，过宋都，风也。周内史叔兴聘于宋，宋襄公问焉，曰：是何祥也，吉凶焉在？对曰：……退而告众人曰‘君失问，是阴阳之事，非吉凶所生也。’”

⁴ “阴阳未定，吾未有以名。今始判为两，分为阴阳，离为四时。”“俗阳修刑，重阴长夜，气闭而地孕者，所以继之也。”“阳亲而阴恶。谓外其肤，而内其膝。不由内乱，必有外客。肤既为肤，膝既为膝。内乱不至，外客乃却。”

⁵ “五行”这一词汇的出现最原本的意义，就是指代的应是天球运行的五大纬星，即岁星、太白、荧惑、填星、辰星，因这五个星辰在天球运行，因而被称为“五行”。

“五方”的出现也就是方位观术数化开始，也就是说至少在春秋末期已开始出现。而反映战国初期情况的《墨子·贵义》中已有阴阳与五行学说开始融合的萌芽。⁶[吴毓江 2006, 685]“五材说”大约于西周晚期才开始兴起，其说法的源流大概可以由“六府”这一概念演变而来。⁷[阮元 1980, 1846]“五材”之说则初见于《左传·襄公二十七年》⁸[阮元 1980, 1991]，后来由于“五”作为常用数被人们越来越习惯的使用 [范毓周 1998, 127]，“五材”一词也逐渐的开始取代“六府”被主要使用。

综上所述，阴阳说与五行说从起源的角度上来说，是先民从最基本的生产生活经验的基础上，以神话与祭祀为依托构建出来的人类生活秩序的法则与规范。

二、五德终始说的理论依据及其政治应用

阴阳说与五行说在春秋战国之际已经各自形成理论体系，为之后阴阳五行学说的建立奠定了理论基础。

阴阳说比较早地被学者们用理论架构起来，早在春秋时期老子就提出“无为而治”的政治理论，战国时期庄子将其发展为阴阳调和。到了战国中期，一批黄老之学的学者就在对立统一、阴阳循环的自然观的理论前提下，形成了天道轮回、顺应天数的政治观。

五行说则是在战国以来就被各家学派进行广泛探讨。率先开启的是墨家，《墨子》中有对五行非常明显的描述。⁹[吴毓江 2006, 529—685]此后杂家著作《管子》实现了阴阳与五行的合流，阴阳五行模式在这些著作中定型。 [白奚 1997, 24]《管子》中《幼官》等四篇将自然界与人类

⁶《墨子·贵义》：“子墨子北之齐，遇日者。日者曰：“帝以今日杀黑龙于北方，而先生之色黑，不可以北。”子墨子不听，遂北。至淄水不遂而反焉。日者曰：“我谓先生不可以北。”子墨子曰：“南之人不得北，北之人不得南，其色有黑者，有白者。何故皆不遂也？且帝以甲乙杀青龙于东方，以丙丁杀赤龙于南方，以庚辛杀白龙于西方，以壬癸杀黑龙于北方。若用子之言，则是禁天下之行者也，是围心而虚天下也，子之言不可用也。”

⁷《文公七年》：“六府、三事，谓之九功。水、火、金、木、土、谷，谓之六府；正德、利用、厚生，谓之三事。”

⁸《襄公二十七年》：“宋子罕曰：‘天生五材，人并用之，废一不可，谁能去兵？’”

⁹《墨子校注·经下》：“五行，毋常胜，说在宜。”“火铄金，火多也；金靡炭，金多也；合府之水，木离本。”《墨子校注·贵义》：“帝以甲乙杀青龙于东方，以丙丁杀赤龙于南方，以庚辛杀白龙于西方，以壬癸杀黑龙于北方。若用子之言，则是禁天下之行者也，是围心而虚天下也，子之言不可用也。”

社会发展归于五行运转与阴阳消长。¹⁰[黎翔凤 2004, 840—858]这种阴阳与五行相结合的大胆尝试取得了初步效果。

阴阳五行学说发展至邹衍这一时期，阳家逐步形成了五德终始说这一思想理论。五德终始说是阴阳五行学说与儒家思想的结合，目的是强调统治者要修养自己的品行，这是承自孟子修身的思想。¹¹[阮元 1980, 2737]《吕氏春秋·应同》中的一段记载一直被认为是邹衍五德终始说的具体内容。¹²[陈奇猷 2002, 682]根据这段记载可以看出新王朝建立的时候，为了证明其合法性与神圣性，必须通过以下三个方面来证明：

(一) 符瑞。

(二) 符德。

(三) 改正朔，易服色，更官号。

由此我们可以看到，阴阳五行说发展到邹衍的“五德终始说”的时候，其政治理论已经基本完备了，从历法、政权建设、政治思想、服色舆制等各个方面都有了比较明晰的框架予以规定具有很强的可操作性。

三、秦王朝对阴阳五行学说的政治化应用及原因

前文已经谈过，阴阳五行学说已经发展完善，逐步形成了“五德终始说”。这一学说继承与发展了阴阳五行中阴阳循环、五行轮回、敬授民

¹⁰《管子校注·四时》：“东方曰星，其时曰春，其气曰风，风生木与骨。其德喜赢，而发出节时。其事：号令修除神位，谨祷弊梗，宗正阳，治堤防，耕芸树艺，正津梁，修沟渎，嵇屋行水，解怨赦罪，通四方。然则柔风甘雨乃至，百姓乃寿，百虫乃蕃，此谓星德。星者掌发，为风。”“南方曰日，其时曰夏，其气曰阳，阳生火与气。其德：施舍修乐。其事：号令赏赐赋爵，受禄顺乡，谨修神祀。量功赏贤，以助阳气。九暑乃至，时雨乃降，五谷百果乃登，此谓日德。”“中央曰土，土德实辅四时出入，以风雨节，土益力。土生皮肤。其德和平用均，中正无私，实辅四时：春赢育，夏养长。秋聚收，冬闭藏。大寒乃极，国家乃昌，四方乃服，此谓岁德。”

“西方曰辰，其时曰秋，其气曰阴，阴生金与甲。其德忧哀、静正、严顺，居不敢淫佚。其事：号令毋使民淫暴，顺旅聚收，量民资以畜聚。赏彼群干，聚彼群材，百物乃收，使民毋怠。所恶其察，所欲必得，我信则克。此谓辰德。”“北方曰月，其时曰冬，其气曰寒，寒生水与血。其德：淳越、温怒、周密。其事：号令修，禁徙民，令静止。地乃不泄，断刑致罚，无赦有罪。以符阴气。……冬行春政则泄，行夏政则雷，行秋政则旱。”

¹¹《孟子注疏·万章句上》：“匹夫而有天下者，德必若舜禹，而又有天子荐之者。”

¹²《吕氏春秋新校释·应同》：“凡帝王者之将兴也，天必先见祥乎下民。黄帝之时，天先见大螾大蝼，黄帝曰土气胜。土气胜，故其色尚黄，其事则土。及禹之时，天先见草木秋冬不杀，禹曰木气胜。木气胜故其色尚青，其事则木。及汤之时，天先见金刃生于水，汤曰，金气胜，故其色尚白，其事则金。及文王之时，天先见火赤鸟衔丹书集于周社，文王曰火气胜，故其色尚赤，其事则火。代火者必将水，天且先见水气胜。水气胜，故其色尚黑，其事则水。水气至而不知，数倍将徙于土。”

时、顺应天命的思想，神圣性与实用性并存。秦王朝对“五德终始说”的应用可以说是中国历史上首次将阴阳五行学说应用于政治领域，用以建立统治纲领与规范。¹³[司马迁 1995, 223]秦王朝选择用阴阳五行学说作为立政依据，笔者认为有如下两个原因：

首先，“阴阳”、“五行”是中国古代先民最原始的世界观与自然观，是中国最早的哲学体系与宗教体系。阴阳五行学说形成的政治理论体系能为统治者迅速确立起自身政权合法性与神圣性。正是这种广泛的包容性与神秘性，使得秦王朝能够将一直以来崇尚的法家思想融入其中，确立法家思想在国家统治思想中的主导地位。

其次，五德终始说的形成原因是秦王朝选择它的关键。前文已经谈到过，邹衍为代表的阴阳家们希望通过五德轮回的历史观，解决战国末年诸侯如何取得天下的问题。战国中期到末期，诸侯们纷纷希望提升等级，提高地位，地位较高国力较强的诸侯国已经纷纷称王，并希望能够取得更高的地位，即“帝”之位，于是战国中晚期的大规模“帝制运动”便应运而生。¹⁴[司马迁 1995, 2345]因帝制运动而产生，为帝制运动而创立的五德终始说，自然得到同样在帝制运动中跃跃欲试的秦国的推崇。

Библиографический список

阮元刻：《十三经注疏（附校勘记）》[*Ruan Yuan. Thirteen Classics Explanatory Notes and Commentaries*] // 北京：中华书局，1980年。

司马迁著，司马贞索隐，张守节正义，裴骃集解：《史记三家注》[*Sima Qian, Sima Zhen, Zhang Shoujie. The Three Scholars Annotated Versions of Shiji (the Historical Records)*] // 北京：中华书局，1995年。

陈奇猷：《吕氏春秋新校释》[*Chen Qiyou. New Interpretation and Proofreading of Lu's Spring and Autumn Annals*] // 上海：上海古籍出版社，2002年。

吴毓江撰，孙启治点校：《墨子校注》[*Wu Yujiang, Sun Qizhi. The Proofreading and Annotation of Mozi*] // 北京：中华书局，2006年。

¹³ 《史记三家注·秦始皇本纪》：始皇推终始五德之传，以为周得火德，秦代周，德从所不胜，方今水德之始。改年始朝贺皆自十月朔。衣服旄旌节旗皆上黑。数以六为纪。符法冠皆六寸；而舆六尺。六尺为步。乘六马。更名河曰德水，以为水德之始。刚毅戾深，事皆决于法，刻削毋仁恩和义，然后和于五德之数，于是急法，久者不赦。

¹⁴ 《史记三家注·孟子荀卿列传》：“（邹衍）适赵，平原君侧行撤席。如燕，昭王拥彗先驱，请列弟子之座而受业，筑碣石宫，身亲往师之。”

黎翔凤撰，梁运华：《管子校注》[*Li Fengxiang, Liang Yunhua. The Proof-reading and Annotation of Guanzi*] // 北京：中华书局，2004年。

陈鼓应：《黄帝四经今注今译》[*Chen Guying. The Modern Translation of Huang Di's Four Classics*] // 北京：商务印书馆，2007年。

顾颉刚等：《古史辨》[*Gu Jiegang et al. Ancient History Discrimination*] // 上海：上海古籍出版社，1981年。

艾兰、汪涛、范毓周等主编：《中国古代思维模式与阴阳五行说探源》[*S. Allan, Wang Tao, Fan Yuzhou. Chinese Ancient Thinking Mode and the Origin of the Theory of Yin-Yang and Five Elements*] // 南京：江苏古籍出版社，1998年。

胡厚宣：《释殷代求年于四方和四方风的祭祀》[*Hu Houxuan. Explaining the Sacrifice of Abundance from the God of Four Directions and Four Winds in Yin Dynasty*] // 《复旦学报（人文科学版）》，1956年第一期。

汤其领：《秦汉五德终始初探》[*Tang Qiling. A Tentative Study on the Theory of Five Cyclic Virtues in the Period of Qin-Han Dynasties*] // 《史学月刊》，1995年第1期。

白奚：《中国古代阴阳与五行说的合流——〈管子〉阴阳五行思想新探》[*Bai Xi. The Convergence of the Theory of Yin-Yang and Five Elements in ancient China*] // 《中国社会科学》，1997年第5期。

А.И. Донченко
ИКСА РАН

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ РАСКОЛА ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАНИЙ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Аннотация. В начале XX века Пекин становится центром социальных преобразований и источником нового культурного движения. Формируется и получает развитие Пекинская школа живописи. Одним из самых значимых достижений того периода было создание Общества исследований китайской живописи, которое практически сразу стало одним из самых влиятельных объединений художников Китая. В состав Общества вошли лучшие представители прогрессивных художников традиционной живописи, деятельность которых оказала глубокое влияние не только на дальнейшее формирование Пекинской школы, но и на развитие изобразительного искусства Китая. Несмотря на успешную деятельность этого художественного объединения, ряд внешних причин и внутренних противоречий привели к его расколу.

Ключевые слова: китайское искусство, китайская живопись, культура, живопись.

Anna I. Donchenko
ICCA RAS

Chinese Painting Research Society: Several Reasons for the Split

Abstract. In the beginning of 20th century Beijing became the center for social transformation and the source of the new cultural movement. The painting school of Beijing is being established and developed. One of the major achievements of that period was the creation of Chinese painting research society, which immediately became an incredibly influential union of Chinese artists. The Society included the best representatives of progressive traditional style artists, whose activities had a profound influence on the further formation of the Beijing school as well as development of the fine arts of China. Despite successful performance of the union several outside forces and internal disagreements led to its downfall.

Keywords: Chinese art, Chinese painting, culture, painting.

В начале XX века одной из самых влиятельных и долго просуществовавшей художественной организацией в Китае было Общество исследований китайской живописи 中国画学研究会. Созданное 29 мая 1920 г., Общество действовало в течение 30 лет и играло важную роль с 1920-х по 1940-е годы.

С 1921 по 1926 г. Общество провело четыре художественные выставки совместно с японскими живописными кругами. Летом 1926 г. в Япо-

нии прошла четвёртая Совместная китайско-японская выставка живописи. С китайской стороны организатором этого мероприятия выступил председатель Общества исследований китайской живописи Чжоу Чжаосян 周肇祥 (1880—1954). Во время поездки между председателем Общества и его заместителем Цзинь Чэном 金城 (1878—1926) обострились разногласия по кадровым и организационным вопросам. Помимо проведения выставки, целью визита было обсуждение дальнейшего двустороннего сотрудничества. 2 июля 1926 г. в Токийском китайском обществе Чжоу Чжаосян как представитель Китая принял участие в обсуждении конституции «Общества восточной живописи» с японской стороной и на следующий день подписал документ. Цзинь Чэн не присутствовал на этом заседании.

После возвращения из Японии Чжоу Чжаосян написал и опубликовал «Дневник путешествия на Восток» 东游日记, в котором содержатся некоторые сведения о разрыве между руководителями Общества исследований китайской живописи, а также подробности художественных обменов между Китаем и Японией в то время. Можно сделать вывод, что эта совместная поездка в Японию стала одной из причин распада крупнейшего сообщества китайских художников на севере страны.

В январе 1927 г. произошёл раскол Общества исследований китайской живописи и было основано Общество живописи Хушэ. Его возглавил сын Цзинь Чэна Цзинь Цяньань 金潜庵. В состав нового объединения вошло более 200 художников, большая часть которых изначально состояли в Обществе исследований китайской живописи. Противостояние и конкуренция между двумя крупнейшими объединениями пекинских художников оказали большое влияние на дальнейшее развитие Пекинской школы живописи в первой половине XX века.

Библиографический список

Донченко А.И. Развитие живописи в Пекине в начале XX века // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 39—50.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. + доп. том. Т. 3: Литература. Язык и письменность; Т. 6: Искусство / гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2008, 2010.

郎绍君: 探问集——20 世纪中国画学研究 [Лан Шаоцзюнь. Сборник статей по вопросам исследования китайской живописи в XX веке] // 商务印书馆, 2020, 第 18—21 页

吕鹏: 湖社研究 [Люй Пэн. Общество живописи Хушэ] // 文化艺术出版社, 2010, 第 29—30 页, 第 47—48 页

周肇祥: 东游日记 [Чжоу Чжаосян. Дневник путешествия на Восток] // 民国, 京华印书局, 第 1—14 页, 第 21—23 页

云雪梅: 金城和中国画学研究会 [Юнь Сюэмэй. Цзинь Чэн и Общество исследований китайской живописи] // 美术观察. 1999, 第 1 期, 第 60—61 页

张 涛: 中国画学研究会与金城, 周肇祥关系考 [Чжан Тао. Исследование отношений между Обществом исследований китайской живописи, Цзинь Чэном и Чжоу Чжаосяном]. URL: <https://www.cafamuseum.org/exhibit/newsdetail/2445> (accessed: 11.03.2022).

韦力撰: 金城. 精研古法, 博采新知 [Вэй Личжуань. Цзинь Чэн: изучение древних методов и получение новых знаний] URL: https://www.sohu.com/a/505785083_121119370 (accessed: 15.03.2022).

民初北京画坛领袖金城: 从传统中国绘画中寻找中国改良之法 [Лидер пекинского художественного сообщества начального периода Китайской Республики Цзинь Чэн: поиск методов реформирования традиционной китайской живописи] URL: http://www.360doc.com/content/18/0820/13/9742787_779690000.shtml (accessed: 3.04.2022).

Жань Цзиньхун (КНР)

МГУ им. Ломоносова

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ФИЛОСОФИЯ» В КИТАЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Традиционная *гэ-и* («категоризация понятий») использует собственные концепции для объяснения иностранных буддийских терминов, а современная обратная *гэ-и* использует западные философские концепции для объяснения традиционных китайских терминов. Рассмотрено соответствие между понятием «чжэсюэ», используемом в китайском языке для обозначения философии, и западной концепцией философии. Прослеживаются истоки возникновения термина и его сущностное наполнение. На основании сравнения сфер применения китайского и западного терминов для философии как науки делается вывод о необходимости переосмысления термина «чжэсюэ» и — шире — концепции философии в китайском контексте.

Ключевые слова: *гэ-и* (格义), обратная *гэ-и*, *чжэсюэ*, западная философия, китайская философия.

Ran Jinhong

Moscow State University

Rethinking the term “philosophy” in the Chinese context

Abstract. Traditional *ge-i* uses its own concepts to explain foreign Buddhist terms, while modern reverse *ge-i* uses Western philosophical concepts to explain traditional Chinese terms. The article discusses the correspondence between the concept of “zhesue”, used in Chinese to denote philosophy, and the Western concept of philosophy. The origins of the term and its essential content are traced. Based on a comparison of the areas of application of the Chinese and Western terms for philosophy as a science, a conclusion is made about the need to rethink the term “zhesue” and, more broadly, the concept of philosophy in the Chinese context.

Keywords: *ge-i* (格义), reverse *ge-i*, *zhexue*, Western philosophy, Chinese philosophy.

Гэ-и 格义 («категоризация понятий») — неизбежное явление на ранних стадиях культурных обменов. *Гэ-и* и обратная *гэ-и* являются методами адаптации и слияния между культурами. В более общем контексте *гэ-и* и обратную *гэ-и* можно рассматривать как две традиции в развитии китайской культуры. Первая позволила древнему Китаю создать велико-

лепную цивилизацию, а вторая стала основным направлением общественного развития с новейших времен. *Гэ-и* появилась в процессе распространения и адаптации буддизма в Китае. Для ознакомления китайцев с буддийским учением, которое привнесло в китайскую культуру множество принципиально важных новаций, возникла *гэ-и*, являющаяся методом для объяснения списков санскритских терминов из буддийского канона с сопоставимыми списками из китайских классиков. Например, бодхи (просветление) передавалось термином «дао» — путь, а нирвана — даосским понятием «увэй» — недеяние [Философия... URL]. Благодаря этому начался процесс китаизации и адаптации буддизма, в результате в Китае сформировался особый тип буддизма, который впитал в себя многие элементы даосизма и традиционной китайской культуры.

Термин «обратная *гэ-и*» *фань гэ-и* (обратная интерпретация по аналогии) впервые был предложен в 2006 г. Лю Сяоганем. По его мнению, «под термином «обратная *гэ-и*» понимается современный метод изучения и интерпретации китайской философии через осознанное использование понятий и терминов западной философии» [Лю Сяоган 2006, №2].

Традиционная *гэ-и* состоит в том, чтобы «понимать и объяснять незнакомые понятия на основе знакомых китайцами трудов классиков и понятий» [Лю Сяоган 2006б 37]. Обратная *гэ-и* — это метод, в котором мысли, концепции и понятия китайской философии осмысляются с использованием конкретных и готовых концепций западной философии [Там же, 28].

Считается общепринятым, что в традиционной школе китайской мысли отсутствует термин, точно соответствующий западному понятию «философия». На основании этого в китайских научных кругах ведется дискуссия о том, существует ли вообще китайская философия. По мнению некоторых исследователей, термин «философия» — это понятие, заимствованное с Запада, поэтому в строгом смысле в Китае до контактов с Западом философии не существовало. По мнению их оппонентов, если считать, что в Китае есть философия, то она подобна своему западному аналогу. В последнее время эта дискуссия обострилась до постановки вопроса о праве китайской философии на существование как академической дисциплины; более того, эта тема была признана одной из 10 наиболее острых проблем развития науки в КНР [Чжан Жулунь 2005, 28].

В действительности оба вышеуказанных мнения до определенной степени ошибочны, поскольку основываются на неявном допущении, что западная философия является единственной формой философии как таковой. Однако бесспорным остается тот факт, что в Китае существует многовековая самобытная школа мысли, отличающая от западной философии. Она носит название учение о надформенном, *син эр шан сюэ*

(形而上学), в которое входят все виды учений об исчерпывающем изучении принципов.

Китайский термин «чжэсюэ» (哲学), обычно используемый для обозначения философии как академической дисциплины, состоит из двух иероглифов, каждый из которых имеет ряд значений; при этом первый означает «мудрость», а второй — «учение».

Китайские ученые впервые соприкоснулись с западным термином «философия», вероятно, во времена династии Мин (1368—1644 гг.). Следует отметить, что хотя китайские мыслители того времени еще не могли полностью осознать первоначальный смысл западного термина «философия», но в целом их понимание было правильным. Еще в период Ваньли династии Мин (1563—1620 гг.) китайские учёные уже предложили перевод термина западного происхождения «философия» на китайский язык как «учение о любви к знанию». В четвертом году правления императора Чунчжэня династии Мин (1631 г.) Ли Чжицзао¹⁵ и О. Ф. Фуртадо¹⁶ совместно перевели книгу «Минли тань» («Поиски имен и принципов» 名理探) (оригинальное название книги «Введение в диалектику Аристотеля») на китайский язык. В предисловии к книге Ли Чжицзао пишет, что термин философия является общим названием для всех видов учений об исчерпывающем изучении принципов вещей, а философия буквально значит любовь к знаниям [Фу Фаньцзи и Ли Чжицзао 1935, 1]. Хотя в китайской традиции не существует такого учения, которое носит название «любовь к знаниям», Ли Чжицзао подчеркивал, что по своему содержанию учение о «любви к знаниям» является общим названием для всех видов учений об исчерпывающем изучении принципа вещей, и в Китае также имеется аналог такого учения. Таким образом, Ли Чжицзао четко разграничивает форму и содержание философии: иными словами, по форме (названию и академической форме) такого учения, как учение о любви к знаниям в Европе, в Китае нет, однако по содержанию (объектам исследования и проблемам) это учение подобно так называемому учению об исчерпывающем изучении принципа вещей, издревле существующему в Китае.

Китайские учёные вновь соприкоснулись с западной философией уже в конце династии Цин (1644—1912 гг.). Это был период утери традиционной китайской культурой своей субъектности. Следствием этого стал тот странный феномен, что конструкция из двух китайских иероглифов «чжэ» (哲) и «сюэ» (学), которая обозначает новый перевод термина «философия» и сейчас широко используется в китайском языке, возникла даже не в Китае, а в Японии.

¹⁵ Ли Чжицзао (1565—1630) — ученый, бюрократ и христиан в конце династии Мин в Китае, он общался с иезуитами и познакомил Китай с западной наукой.

¹⁶ О.Ф. Фуртадо (1587—1653) — португальский миссионер.

Следует отметить, что в стремлении ослабить связи с Азией и укрепить отношения с Европой в эпоху Мэйдзи (1868—1912 гг.) японские интеллектуалы считали, что необходимо прервать многовековые традиционные отношения с Китаем и китайской цивилизацией и по возможности влиться в европейскую культуру.

В конце правления династии Цин Китай, ослабленный опиумными войнами с Великобританией, потерпел поражение в китайско-японской войне (1894—1895 гг.). Китайские интеллигенты того времени полагали, что причина победы Японии над Китаем заключается в том, что японцам удалось многому научиться у Запада, из чего делался вывод, что и для Китая Запад должен послужить примером для подражания. Однако, по мнению китайцев, легче всего было достичь этой цели не прямым копированием, а воспроизведением опыта обучения у Запада Японии, которая в свое время успешно освоила китайскую культуру.

Образованные японцы того времени, воспитанные в атмосфере многовекового влияния китайской цивилизации, владели китайским языком, но глубокого знатоками его они не были. Ниси Аманэ (西周, 1829—1897) был пламенным сторонником западной цивилизации как образца для подражания в модернизации Японии. Примерно в 1873 г. Ниси использовал китайские иероглифы «чжэсюэ» для перевода слова «философия». По его замыслу термин «чжэсюэ» мог быть использован для противодействия китайскому конфуцианству, имевшему в то время глубокое влияние в Японии. Следовательно, термин «чжэсюэ» японского происхождения построен по принципу обратной э-и.

В то же время в начале XX века многие китайские интеллектуалы считали своей задачей доказательство существования китайской философии. Термин «чжэсюэ» впервые был употреблен в 1902 г. в журнале «Синьминь кунбао». Китайские ученые считают, что конструкция из двух китайских иероглифов «чжэ» и «сюэ» является в китайском языке безграмотной. Поэтому ни один из выдающихся китайских мыслителей того времени не использовал слово «чжэсюэ» японского происхождения как правильную передачу термина «философия». Как говорил выдающийся философ и филолог Чжан Тайянь: «Словосочетание «чжэсюэ» не служит образцом и поучением, а поэтому придворным господам трудно говорить об этом»¹⁷.

Китайское название «чжэсюэ» является неадекватным переводом термина «философия». Слово «философия» обозначало не только «знание» или «мудрость», но и «любовь» или «стремление»; при этом последний смысл полностью отсутствует в китайском аналоге «чжэсюэ». Слово

¹⁷ Чжан Тайянь (1869—1936), “哲学者，名不雅故，缙绅先生难言之” «Гогу Лунхэн», том II, «Минцзянь» (《国故论衡》下卷‘名见’)

«чжэ» в китайском языке тесно связано не только с понятием «знания», но и «мудрости». Буквальное значение слова «чжэ» — «свет» (明), лишь позже оно стало пониматься как «знание», но никогда не имело смысла «любовь к знаниям», присутствующему в европейских языках. Поэтому слово ««чжэсюэ»» ни в коем случае не является точным и подходящим переводом слова «философия».

Как упоминалось выше, еще в период династии Мин Ли Чжицзао перевел «философию» как «айчжисюэ» (爱知学 или «учение о любви к знаниям»). Этот термин, очевидно, больше соответствует первоначальному значению западной философии и употребляется для описания учения о надформенном, т.е. сущности вещей и явлений, это китайское выражение философских вопросов. Поскольку термин «чжэсюэ» был построен на основе обратной *гэ-и*, это приводит к ошибочному отождествлению философии как таковой с западной философией.

В ответ на вызов западной философии нам надо вернуться к спору между именем и реальностью, предложенный ещё в доциньский период. Ядром науки об именах является исправление имен *чжэн мин* 正名, одна из центральных концепций конфуцианской философии. Как говорил Конфуций, «Если имя неправильно, то слово противоречит делу» (Цзы-Лу, XIII). Исправление имен — это императив, утверждающий необходимость правильно выстраивать понятия (*мин* 名). Термин «чжэсюэ», построенный на основе обратной *гэ-и*, искажает сущность китайской философии. Поэтому нужно переопределить термин «чжэсюэ» по смыслу китайского языка. «История китайской философии должна быть написана заново, с самого своего начала» [Чжан Жулунь 2005, 33]. Важнейшей задачей для поддержания субъектности китайской философии является — с точки китайской философии — переосмысление термина «чжэсюэ» в китайском, а не западном контексте. Эта программа не означает полного отказа от использования последнего. Переосмысление понятия «философия» в китайском контексте позволит разрешить так называемый спор о легитимности китайской философии и решить вопрос об использовании этого термина.

Библиографический список

Философия древнего Китая. URL: https://studbooks.net/713819/filosofiya/filosofiya_drevnego_kitaya (дата обращения: 03.03.22).

Лю Сяоган. «Обратная гэ-и» и дилемма исследования китайской философии // Вестник Нанкинского университета (философия, антропология, гуманитарные науки, социальные науки). 2006. № 2.

Лю Сяоган. Обратная гэ-и и размышление о методологии китайской философии // Философские исследования. 2006. № 4.

Чжан Жулунь. Философская наука в КНР: проблема идентичности // Социальные науки в Китае. Пекин, 2005. Вып. 26. № 1. 张汝伦: 《中国哲学科学: 身份问题》, 《中国社会科学》, 北京, 2005年, 第26卷, 第1期, 第28页

Фу Фаньцзи и Ли Чжисунь. Поиск Мин и Ли. Пекин: издательство Шаньгу иньшу гуань, 1935. 傅汎际 李之藻: 《名理探》, 商务印书馆, 北京, 1935年, 第1页。

Е.А. Завидовская

ИКСА РАН/Брянский государственный университет

ИСТОЧНИКИ ОПИСАНИЙ НАРОДНОСТЕЙ ПРОВИНЦИИ ГУЙЧЖОУ В ЦИНСКИХ «АЛЬБОМАХ ОБ ИНОРОДЦАХ» (БАЙМЯОТУ)¹⁸

Аннотация. Дана характеристика тех письменных источников, которые послужили основой (или оригиналом) для описаний народностей, населявших провинцию Гуйчжоу в цинский период. Исследуются такого рода описания их уникальных рукописных «альбомов об инородцах» (*баймяоту* 百苗圖), хранящихся в Научной библиотеке им. М.Горького СПбГУ, в частности, анонимный альбом с шифром F-25а, содержащий 72 иллюстрации с описаниями, а также альбом «Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу» (*Цюаньцянь мяоту* 全黔苗圖, шифр F-27), в котором сохранилось 27 иллюстраций с описаниями из 40. «Альбомы об инородцах» стали возникать около середины XVIII века. Данные экземпляры датируются примерно 1840—1850 гг., были привезены из Пекина Китаеведом В.П. Васильевым. Для изучения описаний в них наибольшую ценность представляет сочинение эпохи Мин Тянь Жучэна 田汝成, 1503—1557 «Записи об увиденном в жарких местах» (*Яньцзюа цзивэнь* 炎徼紀聞, 1558, 4 цз.), а также «Общие историко-географические описания провинции Гуйчжоу» (*Гуйчжоу тунчжи* 貴州通志) периодов Канси (1673, 1692, 1697) и Цяньлуна (1741). Подготовка придворного издания «Изображения данников правящей династии Цин» (*Хуанцин чжигунту* 皇清職貢圖, перв.изд. 1751—1761) расширила круг описанных народностей из Гуйчжоу до 42, а также повлияло на содержание описаний.

Ключевые слова: «альбомы об инородцах», Гуйчжоу, описания народностей, источники.

*Ekaterina A. Zavidovskaya**ISSA RAS/Bryansk State University*

Sources of the Descriptions of Guizhou Province Ethnic Groups from the Qing Dynasty Miao Albums (*baimiaotu*)¹⁹

Abstract. This study aims to delineate written materials that served as sources for textual descriptions of local ethnic groups of Guizhou province featured in Mi-

¹⁸ Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00119 «Цинские «альбомы об инородцах» как важный источник сведений о культуре и этнографии народов юго-запада Китая XVIII—XIX веков: исследование, перевод, комментарии».

¹⁹ This study was funded by the Russian Scientific Fund, project № 22-28-00119.

ao Albums (*baimiaotu* 百苗圖) of the Qing period. This study focuses on two hand-written albums from the collection of the Scientific Library of St.Petersburg State University: 1) anonymous album No.F-25a including 72 sheets of illustrations with textual descriptions; 2) album “Miao Illustrations of the Entire Qian [Guizhou]” (*Quanqian miaotu* 全黔苗圖, No.Xyl 27) which originally had 40 plates with only 27 left. Miao Albums emerged around mid-18th century, these two copies are dated by 1840—1850, they were brought to Russia from Beijing by sinologist V.P.Vasiliev. Sources most relevant to the study of their written descriptions are Ming dynasty work by Tian Rucheng (田汝成, 1503—1557) “Notes of the Heard from Hot Areas” (*Yanjiao jiwén* 炎徼紀聞, 1558, in 4 scrolls), as well as General Guizhou province gazetteers (*Guizhou tongzhi* 貴州通志) produced during Kangxi era (in 1673, 1692, 1697) and Qianlong era (in 1741), compilation of the imperial edition “Qing Imperial Illustrations of Tributary Peoples” (*Huangqing zhigongtu* 皇清職工圖, first edition 1751—1761), extended the number of descriptions of Guizhou ethnic groups to 42 and affected the descriptions in Miao Albums as well.

Keywords: Miao Albums, Guizhou province, descriptions of ethnic groups, sources.

Проанализированы истоки текстовых описаний в двух «альбомах об инородцах», описывающих народы пров. Гуйчжоу из Научной библиотеки СПбГУ (шифр Xyl. F-25a, Xyl. F-27), которые датируются периодом 1840—1850 гг. [Маяцкий 2020, 211]. Проведенная ранее работа по сопоставлению альбомов из библиотеки СПбГУ с доступными в онлайн-формате альбомами из других библиотек подтверждает тот факт, что единого «лекала» или единого «альбома-предка», который бы копировался всеми художниками, не существовало. Между версиями альбомов о народах Гуйчжоу существуют различия, будь то содержание описаний, последовательность размещения картин, содержание, композиция и манера исполнения картин. Удалось найти подтверждения того, что расширенный вариант альбома о народах Гуйчжоу, включающий 82 картины, сформировался скорее всего на грани XVIII—XIX столетий, даже более вероятно в первом десятилетии XIX века. Более ранние доступные для исследования альбомы середины — конца XVIII века содержат около 40 описаний. Так, хранящийся в Берлинском Etnologisches Museum альбом «Картины 40 видов народностей мяо» (*Мяоминь тусы шиэрчжун* 苗民圖四十種) с предисловием, датированным 1768 г., включает 39 картин с описаниями. «Альбом с картинами мяоских варваров: не разделенный на цзюани» (*Мяомань туцзе: бу фэнь цзюань* 苗蠻圖冊頁: 不分卷) из Библиотеки Конгресса США, с предисловием Фан Тина 舫亭 1784 г. содержит 41 картину [苗蠻圖冊頁: 不分卷 URL]. Опубликованный в 2006 г. Д. Дилом (D.Deal), Л. Хостетлер (L.Hostetler) альбом, который они датируют «после 1797 г.», содержит 82 картины [Deal, Hostetler 2006]. Важно

то, что местонахождение и данные об оригинале этого альбома из США так и остались невыясненным, известно лишь, что фотокопии альбома поступили к исследователям из галереи Freer Gallery of Art, Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institution.

Нами был проведен сопоставительный анализ описания лишь двух народностей — черных и белых *лоло* (в совр.КНР — *ицзу*) из ряда источников. Было выяснено, что в первом цинском «Общем историко-географическом описании Гуйчжоу» 1673 года (ред. Цао Шэньци 曹申吉, 1635—1681, 31 описание народностей с иллюстрациями) описания «лоло» 羅羅 и «белых лоло» 白羅羅 были почти полностью скопированы с некоторыми изменениями из 4 цзюаня сочинения Тянь Жучэна (田汝成, 1503—1557) «Записи об увиденном в жарких местах» (*Яньцзю цзивэнь* 炎徼紀聞, 1558, 4 цз.). «Общее описание Гуйчжоу» 1692 .а (ред. Вэй Цзици 衛既齊 1645—1701, Сюэ Цзайдэ 薛載德, 36 цз., 31 описание с иллюстрациями) полностью копирует это описание 1673 г. Для нас важно то, что примерно половина фраз, использованных для описания *лоло*, заимствована в берлинском альбоме (1768) и альбоме Дил, Хостетлер (после 1797 г.), но *лоло* вообще не фигурируют в альбоме Библиотеки Конгресса (1784).

Что касается петербургского альбома с шифром Хул. F-25а, то в нем под 52-м номером содержится описание «белых голо» 白猓 (этноним *голо* появился, вероятно, в «Общем описании Гуйчжоу» 1741 г., цз.7, раздел «Варвары *мямань*» 苗蠻, 貴州通志 URL), полностью копируя первую часть описания «белых голо» из [Deal, Hostetler 2006, 6], ниже содержание описания из альбома Хул. F-25а:

白猓在大定府猓上種黑被尊白者為卑不並婚三足釜然團坐處茹毛飲血古風存

«Бай-голо (белые лоло) в Дадин-фу. У бай-голо высший вид — черные уважаемые, белые — презираемые, сидят вместе вокруг треного котла, пожирают сырое мясо [с остатками шерсти] и пьют кровь животных, сохраняют древние обычаи». Далее приводим описание из альбома [Deal, Hostetler 2006, 6]:

白猓

猓上種黑稱尊白者為卑不締婚三足釜燃團作處茹毛飲血古風存

白猓大定安順皆有之與黑猓同而為下姓無論鼠雀蝼蟻蠕動之物攫而燔之飲食無盤盂以三足釜攢食若斃死則以牛馬皮裹而焚之居普定者為阿和多敗茶為業

«Белые голо

Среди голо черные — почитаемые, белые — презираемые, не заключают браки друг с другом, зажигают огонь у треножника сидят вокруг, пожирают сырое мясо и пьют кровь животных, древние обычаи сохраняют.

Белые голо есть в Дадин, Аньшуне, одинаковы с черными голо, являясь нижним родом. Неважно это мышь, воробей, муравьиные яйца, мос-

киты, ползучие животные, хватают когтями и жарят это. Пьют и едят без тарелок и чашек. В треножнике жарят [пищу], по-собачьи скучившись, едят, как свиньи. Умершего заворачивают в шкуру быка или лошади и сжигают. Живущие в Пудине в сговоре, в большинстве торгуют чаем».

В альбоме с шифром F-27 под №17 приведено описание «белых голо», текст которого является точной копией описания этой народности из «Общего описания Гуйчжоу» 1741 г. Приведем его ниже, жирным выделены отличия от описания из [Deal, Hostetler 2006, 6]:

白猓亦在大定之水西安順之安寧州皆有之名曰白蠻與黑猓同而為下姓風俗亦異同飲食無盤盃以三足釜灼毛醋血無論鼠雀蜥蠃攢食若甦人死則以牛馬革裹而焚之居普定者為阿和其俗相同以販茶為業

«Белые голо есть в Шуйси Дадина, Аньнин-чжоу в Аньшуне. Зовутся «белыми варварами-мань», одинаковы с черными голо, являясь нижним родом. В обычаях есть разное и общее. Едят и пьют без тарелок и чашек, в треножнике обжигают шерсть [с мяса], кусают с кровью, неважно это мышь, воробей, муравьиные яйца, москиты, ползучие животные, хватают и поджаривают ее. По-собачьи скучившись, едят, как свиньи. После смерти человека его заворачивают в шкуру быка или лошади и сжигают. С живущими в Пудине в сговоре, обычаи схожие, ведут торговлю чаем».

Таким образом, прослеживается четкая преемственность в описаниях народности лоло (совр. ицзу) с данными, записанными еще в эпоху Мин.

Библиографический список

Маяцкий Д.И. Цинские иллюстрированные описания нравов народов Юго-Восточного Китая в собрании редких книг// Международная научная конференция, посвященная 65-летней годовщине начала изучения языков Юго-Восточной Азии в нашей стране: Сб.материалов (Санкт-Петербург, 15—16 сентября, 2020). Сост. Е.Н. Колпачкова. СПбГУ: Издательство АИК, 2020. С. 208—216.

Deal D., Hostetler L. The art of Ethnography: a Chinese “Miao Album” [Дил Д., Хостетлер Л. Искусство этнографии: китайский «альбом об инородцах»]. Seattle: University of Washington Press, 2006.

苗蠻圖冊頁: 不分卷 [Альбом с картинами мясских варваров: не разделенный на цзюани]. URL: <https://www.loc.gov/item/2014514069/?locrl=blogint> (accessed: 10.04.2022).

貴州通志 [Общее описание Гуйчжоу]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=875723> (accessed: 10.04.2022).

О.И. Завьялова
ИКСА РАН

НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ОБ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКАХ, ДИАЛЕКТАХ И ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ В КИТАЕ

Аннотация. На некоторых из многочисленных языков народов Китая и на отдельных разновидностях китайских диалектов могут говорить всего несколько десятков или даже менее десяти местных жителей старшего поколения. В 2015—2019 гг. в рамках масштабной государственной программы были обследованы 1712 пунктов в разных районах Китая, обнаружены десятки находящихся под угрозой исчезновения языков малых народов, китайских диалектов и вариантов локальных культур. Полученные данные представлены на уникальном по своему содержанию и объему сайте в Интернете. Он ориентирован как на специалистов, так и частично на обычных пользователей сети, которые могут посмотреть разнообразные видеозаписи, сделанные в ходе обследований. По результатам программы изданы многочисленные публикации. В 2017 г. вышли из печати 20 томов серии «Лингвокультурный фонд Китая». В 2019—2020 гг. изданы первые 30 томов еще одной серии, посвященной описанию исчезающих языков народов Китая и китайских диалектов. В ближайшее время будут подготовлены и опубликованы еще 20 выпусков этой же серии.

Ключевые слова: языки Китая, китайские диалекты, локальные культуры, обследования исчезающих диалектов и языков, сохранение языкового и культурного наследия.

Olga I. Zavyalova
ICCA RAS

Latest publications on the endangered languages, dialects and local cultures in China

Abstract. Some of the languages of the peoples of China and some varieties of the Chinese dialects are spoken by only several local residents of the older generation. In 2015—2019, dozens of endangered languages, Chinese dialects and local cultures were discovered in different regions within a large-scale program initiated by the Ministry of Education and the State Language Committee. The data collected within the survey is represented on a unique website, available for specialists and partially for ordinary users who can watch a variety of videos with the samples of local cultures. Among important publications with the results of the survey, there are 20 volumes of the “Language and Cultural Repository of China” series, as well as 30 volumes of the series devoted to the description of the endan-

gered languages and dialects. Another 20 volumes of this series are to be published in the nearest future.

Keywords: languages of China, Chinese dialects, local cultures, surveys of endangered languages and dialects, preservation of language and cultural heritage.

В Китае обнаружено в общей сложности 130 языков, включая китайский. На некоторых из них — как и на некоторых разновидностях китайских диалектов — могут говорить всего несколько тысяч, несколько десятков или даже менее десяти местных жителей старшего поколения [我国 2022]. В 2021 г. вышел из печати сборник, в котором 100 авторов делятся воспоминаниями и впечатлениями о своем общении с носителями редких языков народов Китая и китайских диалектов во время последних полевых обследований в разных районах страны [语保故事 2021].

В 2015—2019 гг. эти обследования проводились в рамках очередной масштабной программы Министерства образования КНР и Комитета по работе в области языка и письменности, целью которой было описание и сохранение на электронных носителях языков, диалектов и образцов локальных культур [王莉宁 2016; 中国 2020]. В проекте принимали участие десятки лингвистов, специалистов в смежных областях, местных чиновников и энтузиастов-добровольцев, были обследованы 1712 населенных пунктов в разных районах Китая, обнаружены десятки находящихся под угрозой исчезновения языков малых народов, китайских диалектов и локальных культур.

Полученные результаты представлены на уникальной по своему содержанию и объему платформе в Интернете. Доступный специалистам вариант сайта состоит из трех разделов. Первый посвящен китайским диалектам и содержит данные, полученные у 8344 информантов в 1288 населенных пунктах. Второй включает собранную в 430 пунктах информацию о языках малых народов, относящихся к 8 языковым семьям, в опросе участвовали 1095 носителей этих языков. И наконец, третий раздел, этнографический, посвящен локальным образцам духовной и материальной культуры. Общедоступный раздел сайта содержит видеоролики с диалогами, песнями, театральными сценами, демонстрациями приготовления местных блюд [语保].

По результатам обследований изданы также многочисленные публикации. Так, в 2017 г. вышли из печати 20 выпусков серии «Лингвокультурный фонд Китая» (中国语言文化典藏). В 2019 г. и частично в 2020 г. (один выпуск) опубликованы первые 30 томов еще одной серии, посвященной исчезающим языкам народов Китая и китайским диалектам (中国濒危语言志). В ближайшее время будут изданы еще 20 выпусков этой же серии.

Библиографический список

王莉宁. 中国语言资源保护工程的实施策略与方法 [Ван Линин. Стратегия и методы осуществления «Программы сохранения языковых ресурсов в Китае»] // 中国语言生活状况报告 2016 [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2016 г.]. 北京: 商务印书馆, 2016. 037—042 页.

我国有一门语言, 只有 6 个人能流利使用 [В нашей стране есть язык, на котором могут свободно говорить всего шесть человек]. 02.04.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1728925018035524970&wfr=spider&for=pc> (accessed: 15.04.2022).

《中国语言生活状况报告(2020)》(绿皮书)有关情况 [Обзор «Доклада о языковой ситуации в Китае в 2020 г.» («Зеленая серия»)]. 02.06.2020. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1668354591604324223&wfr=spider&for=pc> (accessed: 17.04.2022).

中国 25 种语言使用人口不足千人! 濒危语言如何保护? [Число говорящих в Китае на каждом из списка в 25 языков не достигает 1000 человек! Как защитить исчезающие языки?]. 27.01.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1723071327866908075&wfr=spider&for=pc> (accessed: 13.04.2022).

语保工程采录展示平台 [Платформа с данными, собранными в рамках программы сохранения языковых ресурсов]. URL: <https://zhongguoyuyan.cn/ind ex.html?lang=cn> (accessed: 16.04.2022).

语保故事 [Истории о сохранении языков]. 王莉宁主编. 北京: 光明日报出版社, 2021.

Р.М. Зиганшин
ИБ РАН

ИДЕЯ ЭМАНАЦИИ В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Во многих религиозных учениях и мифологиях весь мир и сам человек рассматривается как проекция, эманация (лат. emanatio — вытекание, истечение) неких высших сверхъестественных сил. Это нашло отражение, например, в греческой, индийской, китайской философии, в авраамических религиях, где говорится о божественном происхождении и природе человека. Своеобразную интерпретацию и подтверждение эманационной теории мы можем наблюдать в китайском варианте, где всё в мире есть эманация Дао. У Лао-цзы и Конфуция Дао различно. У первого оно естественно, у последнего оно социально и порождается посредством деятельности благородного мужа. Во времена модернизма, когда человек фактически сам почувствовал себя творцом, как оказалось временно, эманация сменилась эволюцией, верой в светлое будущее. Но постмодернизм, связанный с потрясениями свойственным высокоразвитым цивилизациям вследствие их отхода от традиционных институтов и ценностей, во многом избавил человечество от таких иллюзий. В настоящее время в массовом сознании происходит некая реставрация традиционализма, что выражается, например, в увлечении древними учениями и оккультизмом. Понятно, что не всегда это принимает конструктивные формы.

Ключевые слова: эманация, Дао, Лао-цзы, Конфуций.

Rinat M. Ziganshin
Institute of Oriental Studies, RAS

The Idea of Emanation in the Chinese Tradition

Abstract. In many religious teachings and mythologies, the whole world and man himself are considered as a projection, emanation (Latin emanatio — outflow) of some higher supernatural forces. This is reflected, for example, in Greek, Indian, Chinese philosophy, in the Abrahamic religions, which speak of the divine origin and nature of man. We can observe a peculiar interpretation and confirmation of the emanation theory in the Chinese version, where everything in the world is an emanation of the Tao. Lao Tzu and Confucius have different Tao. In the former it is natural, in the latter it is social and is generated through the activities of a noble husband. In the days of modernism, when a person actually felt like a creator himself, as it turned out temporarily, the emanation was replaced by the evolution, the faith in a bright future. But postmodernism, associated with the upheavals inherent in the highly developed civilizations due to their departure from the traditional institutions and values, has largely freed humanity from such illu-

sions. At present, a certain restoration of traditionalism is taking place in the mass consciousness, which is expressed, for example, in the fascination with ancient teachings and occultism. It is clear that this does not always take constructive forms.

Keywords: emanation, Tao, Lao Tzu, Confucius.

«Эволюция полагает идею совершенства в конце процесса, эманация, напротив, в его начале, а самый процесс рассматривает как постепенное ухудшение путем истечения. Подобно тому, как сила света уменьшается соразмерно с удалением от своего источника — солнца, так и совершенство бытия уменьшается по мере отдаления от божества, причем последней, худшей ступенью является материя. По мнению Плотина, из Единого проистекает Дух, из него — мир сверхчувственных идей, из последнего — мировая душа, из мировой души — отдельные души, а из душ — телесный мир. Некоторую выгоду теория эманации представляет для объяснения зла в мире: положив целый ряд звеньев между Божеством и материей, мы тем самым отдаляем зло от первоисточника бытия» [Эманация / Энциклопедия Брокгауза и Эфрона].

Дао эманурует в благую силу Дэ, гуманность, справедливость и во все другие положительные и отрицательные явления этого мира. «...Дэ появляется только после утраты дао; человеколюбие — после утраты дэ; справедливость — после утраты человеколюбия; ритуал — после утраты справедливости. Ритуал — это признак отсутствия доверия и преданности. [В ритуале] — начало смуты» (Дао дэ цзин, гл. 38). При всем отрицательном отношении Лао-цзы к ритуалу, это последнее, что удерживает общество от хаоса и распада. Не случайно Конфуций больше всего почитал именно ритуал и музыку.

«Когда устранили великое Дао, появились «човеколюбие» и «справедливость». Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются «сыновняя почтительность» и «отцовская любовь». Когда в государстве беспорядок, тогда появляются «верные слуги» (Дао дэ цзин, § 18). Из этого параграфа можно заметить, что эманация сопровождается дуализмом, т.е. появление каждого явления сопровождается появлением его противоположности. Лицемерие появляется как неизбежный спутник «мудрствования», а «верные слуги» всегда сопутствуют возникшим в стране беспорядкам. Одно явление тут же уравнивается другим — ему противоположным, которые с точки зрения Дао, а значит совершенномудрых, проникших в суть вещей, не являются ни отрицательными, ни положительными.

Конфуций в «Лунь юй» возрождает Дао в Поднебесной посредством совершенствования духовно-нравственной сущности человека, оно у него

социально. Благородный муж (*цзюньцзы*) осваивает традиционные семейные нормы отношений старших и младших, приспособливает их к новым социальным условиям и таким образом создает почву для роста духовных добродетелей *дэ-жэнь-и-ли-синь*²⁰ и рождения из них Дао: «Благородный муж трудится над основой, основа утверждается, и Дао рождается. Почитание родителей и старших братьев — это и есть основа человеколюбия» [Лунь юй, I,2].

Особая роль здесь отводится правителю. Он наделялся сакральным смыслом и был символом власти. Верховный правитель («Сын Солнца», «Сын Неба», «Тень Аллаха на Земле») был посредником между Высшими силами и народом, являясь, таким образом, гарантом мирового порядка.

Библиографический список

Дао дэ цзин, перевод Ян Хин-шуна // Древнекитайская философия. Собрание текстов, в 2-х т. Т. I. М.: «Мысль», 1972. С. 114—138.

Лунь Юй. Суждения и беседы / А. Е. Лукьянов, В. П. Абраменко, Хуан Лян. Москва : ИДВ РАН, 2012. 189 с.

Эманация / Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. URL: <https://www.rulit.me/books/enciklopedicheskij-slovar-h-ya-read-1304-133.html>

²⁰ Благость—Човеколюбие—Долг—Ритуал—Доверие.

А.С. Исаев
ИКСА РАН

КИТАЙСКАЯ ВОЕННАЯ КИНОДРАМА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. Одной из особенностей развития современного жанрового кино остается производство военных фильмов. Эта особенность в одинаковой степени характерна для развития национального кинематографа любого государства. Этот жанр играет важную роль в патриотическом воспитании населения страны, продвигающей военное кино в прокатные сети. Особое значение военно-патриотическое кино играет в современном Китае, где военные драмы или кинобоевики являются частью идеологической работы в социуме Поднебесной. Рассмотрены основные тенденции в развитии военного жанра в современном китайском кино, дан анализ тематики, вовлеченности в производство военного кино ведущих китайских кинопродюсеров, режиссеров-постановщиков.

Показано также, что батальные сцены в таком кино постепенно уступают место показу психологии людей, вовлеченных в войну. Особо отмечено значение военного кино в патриотическом воспитании современной китайской молодежи, в преодолении аполитичности и гедонизма в молодежной среде.

Ключевые слова: военное кино, роль кино в воспитании патриотизма, кино и идеология, война и человек.

Alexander S. Isaev
ICCA RAS

War Theme in the Modern Chinese Cinema

Abstract. One of the distinguishing characteristics of the modern genre cinema development is the production of war films. This feature is equally typical for the development of the national cinema in any state. War films play an important role in the patriotic education of the country's population. Military-patriotic cinema is of particular importance in modern China, where films made in the genres of military drama or action movies are part of the ideological work. This report examines the main trends in the development of war films in the modern Chinese cinema, analyzes the themes, and involvement in the production of military movies by the leading Chinese film producers and directors.

The report also shows that battle scenes in such films are gradually giving place to showing the psychology of people involved in the war. The role of mili-

tary cinema in the patriotic education and in overcoming indifference to politics and hedonism among the youth is especially noted.

Keywords: war film, the role of cinema in patriotic education, cinema and ideology, war and man.

Лидером мирового кинопроката в 2021 г. стала китайская военная кинодрама «Битва при Чосинском водохранилище» (长津湖), вышедшая на экраны в конце сентября 2021 года. При бюджете в 200 млн долл. военно-исторический эпик заработал в национальном и мировом прокате более 860 млн. Потрясающий успех идеологически насыщенной картины заставил зарубежных прокатчиков обратить пристальное внимание на современное китайское кино.

Создатели картины пошли нестандартным путем: у киноленты три режиссера — все они кинопостановщики с мировыми именами. Вот они: китайский киноклассик Чэнь Кайгэ (陈凯歌), мастер авторского кино, режиссер знаменитых исторических костюмированных лент «Прощай, моя наложница», «Император и убийца», остросоциальных драм о китайских крестьянах «Желтая земля», «В сетях паутины» — о растущей зависимости людей от Интернета и социальных сетей, Данте Лэм (林超贤), сянганский мастер криминальных и полицейских боевиков, сюжеты которых нередко заимствовали голливудские производители фильмов в жанре экшн. А также еще один знаменитый кинопостановщик, снимавший кинофэнтези и фильмы о китайских боевых искусствах — Цуй Харк (徐克).

Другим важным элементом успеха упомянутой вначале военной кинодрамы стал выбор темы, совпавшей с нарастанием военно-политического давления на Китай со стороны США и стран НАТО.

В связи с этим уместно напомнить о выступлении председателя КНР Си Цзиньпина на совещании Центрального военного совета 4 января 2019 г., в котором он подчеркнул: «Вся армия должна... основательно претворять в жизнь военно-стратегический курс новой эпохи, на новой отправной точке наладить работу по подготовке к военной борьбе и создать новую ситуацию в деле формирования первоклассной мощной армии» [Си Цзиньпин 2022, т. 3, с. 582].

13 ноября 2019 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Госсовет КНР опубликовали план действий по усилению патриотического воспитания в новую эпоху. Документ требует наилучшим образом использовать СМИ, лучшую литературу и художественные работы, а также патриотический онлайн-контент для создания здоровой атмосферы для патриотического воспитания в новую эпоху [Си Цзиньпин 2022, т. 3, с. 582].

В этой киноистории мы увидим «Великого кормчего» Мао Цзэдуна, его единственного сына Мао Аньнина, который служил в советской армии, участвовал в Великой отечественной войне, закончив ее в Берлине, и получил от И.В. Сталина наградной пистолет, потом добровольцем воевал с американцами в Корее и погиб там, знаменитого маршала Пэн Дэхуая, американского генерала Дугласа Макауртура.

Лента рассказывает о начальном периоде китайско-американской схватки на Корейском полуострове. В фильме много символических пробросов и откровенных намеков. Эти реминисценции вызывают высокие чувства и гордость у китайских кинозрителей, продолжающих идти на фильм.

Напутствуя плохо одетых в канун наступления лютой зимы 1951 г. бойцов 9-го добровольческого корпуса, который первым перешел китайско-корейскую границу, маршал Пэн Дэхуай говорит:

— Перед нами общий враг — американцы! У них лучшее в мире снаряжение и снабжение. Но мы должны им показать, что такое крепко сжатый кулак настоящего китайца!

Это героическое кино должно напомнить молодым о патриотизме, великих деяниях их дедов и прадедов.

За последние три года китайские кинематографисты выпустили более трех десятков военных фильмов, к производству которых приложили руку самые известные китайские режиссеры. Так, в начале октября 2021 г. московские кинозрители смогли посмотреть киноленту мэтра китайского кинематографа Чжана Имоу «Идущий по краю», в котором рассказывает история прошедшей обучение в СССР китайской разведывательно—диверсионной группы, заброшенной в тыл японских оккупантов зимой 1944 г. Сегодняшнее китайское военное кино отличается не только жанровым многообразием, но и оригинальными сюжетами. Например, лента «Основание армии», исторический эпик о создании НОАК, «Война боевых волков», о героических деяниях китайского спецназа в Китае и на севере Африки. Стоит обратить внимание на еще одного лидера кассовых сборов — картину «Операция в Красном море», которая в 2018 г. заработала 70 млн долл. НОАК в фильме предстает как армия, способная вести «высокотехнологичные войны» и использовать стратегию ведения сетевидной войны с применением информационных технологий.

Чжан Имоу в начале 2000-х снял кинокартину «Цветы войны», в которой патриотическая тема звучит очень нестандартно. Не прошел он и мимо темы Корейской войны, сняв в 2020 г. ленту «Снайперы».

Но вернемся к «Битве при Чосинском водохранилище». Один из героев картины спрашивает командира: «Зачем мы воюем?» Командир отвечает: «чтобы не воевали наши дети». Солдат удовлетворенно кивает. Но устроит ли такой ответ молодых китайских гедонистов, привыкших

черпать знания из социальных сетей, материальные блага получать от родителей и из интернет-магазинов?

По времени выход киноленты в прокат совпал с развертыванием в Китае кампании патриотического воспитания и борьбы с гедонизмом и аполитичностью в молодежной среде. Молодые китайские эпикурейцы нередко утверждают, что «лучше грустно ехать в BMW, чем весело смеяться — на велосипеде». В ходе кампании власти даже потребовали убрать с экранов женоподобных телеведущих мужского пола.

Героическое военное кино призвано напомнить молодым о патриотизме и великих деяниях их дедов и прадедов. История участия китайских добровольцев в корейской войне предоставляет значительный материал для военно-патриотических лент.

Эти ленты проникнуты монументальным символизмом, верой в китайский национальный дух и волю, скрепленные необходимостью сохранять национальную идентичность даже при самых ужасных обстоятельствах. В «Битве при Чосинском водохранилище» сильное впечатление производит финальная сцена. Так, американского генерала шокирует вид замерзших китайских солдат, которые, даже превратившись в припорошенный изморозью лед, продолжают целиться во врагов. Подводя итоги, скажем, что военно-патриотическое кино сегодня стало одним из мейнстримов современного китайского кинематографа. Еще одной отличительной чертой военно-патриотического кино стало разнообразие исторических сюжетов, позволяющих выполнить главную воспитательную задачу. Важно и то, что сценаристы нового военного кино привлекают оригинальные материалы, демонстрация которых среди широкой общественности еще недавно была нежелательной по политическим, либо идеологическим мотивам.

Библиографический список

На новой отправной точке требуется наладить работу по подготовке к военной борьбе // Тезисы выступления на совещании ЦВС 4 января 2019 г. *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2022. Т. 3. С. 582.

Н.Л. Кварталова
ИКСА РАН

ИЕЗУИТЫ В КИТАЕ. ПЕРЕВОДЫ ТЕРМИНА «ЛОГИКА»

Аннотация. Проанализирован перевод европейского термина «логика» на китайский язык. В духе традиции *зэ-и* будут рассмотрены особенности перевода терминологии в период первых иезуитских миссий и сравнение с более поздними переводами этого понятия. Первые миссионеры привезли в Китай, наряду с христианскими, и научные трактаты, в том числе «Начала» Евклида и сочинения Аристотеля. О переводах термина «логика» и интерпретациях этого понятия в китайской традиции пойдет речь в докладе. Привнесенная усилиями иезуитов логическая терминология оставалась неизменной больше двух столетий, так что тем более интересно, как трактовали логику для китайского общества.

Ключевые слова: иезуиты, переводы Аристотеля, логика в Китае.

Nataliya L. Kvartalova
ICCA RAS

The Jesuits in China. The Translations of the Term “Logic”

Abstract. The report is devoted to the translation of the European term “logic” into Chinese. In the spirit of the *ge-i* tradition, the features of the translation of terminology during the period of the first Jesuit missions and comparison with later translations of this concept are considered. The first missionaries brought to China, along with Christian, and scientific treatises, including the “Beginnings” of Euclides and the writings of Aristotle. Translations of the term “logic” and interpretations of this concept in the Chinese tradition will be discussed in the report. The logical terminology introduced by the Jesuits remained unchanged for more than two centuries, so it is all the more interesting how logic was interpreted for Chinese society.

Keywords: Jesuits, translations of Aristotle, logic in China.

Рассмотрим перевод европейского термина «логика» на китайский язык. В духе традиции *зэ-и* (格义) будут рассмотрены особенности перевода именно терминологии, без обращения к традиции интерпретации древней мысли как логической. Обычно термины не являются самоцелью исследования, но в данной ситуации они представляют некоторый интерес.

Простой перевод термина возможен только в том случае, если в обеих культурных традициях существуют идентичные друг другу денотаты этого термина, а это чаще всего не так, особенно когда дело доходит до абстрактных категорий и терминов.

Первый этап переводов. В XVII веке иезуиты, прибывшие в Китай с целью распространения христианского учения, помимо собственно христианских текстов переводили также Аристотеля, причем и логику тоже, поскольку логика Аристотеля со времен Игнатия Лойолы (1491—1556) была одобрена для изучения в иезуитских школах. Но образованная часть китайского общества не впечатлилась столь отличным от традиционного знанием. Зачем же вообще понадобилось переводить такую непростую для перевода и понимания систему? С одной стороны, в рамках продвижения европейской науки в Китае, но это было не самоцелью, а, скорее, следствием, потому что наука должна была помогать внедрять христианство.

О Маттео Риччи (Ли Мадоу 利瑪竇, 1552—1610) нельзя не упомянуть только потому, что он был первым: первым переводчиком, первым иезуитом, прожившим в Китае большую часть жизни, первым переводчиком философских, религиозных и научных трудов. При этом Риччи понимал, что введение слишком большого количества новых слов могло повлиять на восприятие текста. И в дальнейшем иезуиты придерживались этой идеи, пытаясь использовать по максимуму уже существующие термины. Но в логике такой подход оказался несостоятельным. В переводах Риччи «Истинное значение Господа Неба» (Tianzhu shiyi 天主實義, 1603 г.) и «Цзихэ юань бэнь» (几何原本, 1607) не было слова «логика».

Настоящая история слова «логика» начинается в 1623 г., когда Джулио Алени (艾儒略) в «Записях о местах вне юрисдикции» Управления географии (Чжи фан вайцзи 職方外記) перечисляет предметы, преподаваемые в европейских странах. И одним из предметов оказывается *ложизья* (落日加), которая занимается различением истинного и ложного (бянь ши фэй чжи фа 辨是非之法). В дальнейшем более подробно о логике рассказывается в трактате «Общий очерк западных знаний» (Си сюэ фань 西學凡). Здесь «логика» записана как 落日伽, определяется как «путь ясного различения» (минбянь чжи дао 明辯之道) и является фундаментом наук. Еще в тексте встречается «учение о спорах» (бяньсюэ 辯學), которое тоже иногда ассоциируют с логикой.

Минли тань 名理探 (De logica, или «Исследование принципов имен»). Два ученых, Франциско Фуртадо (Francisco Furtado, Fu Fanji 傅汎際) и Ли Цжицзао (李之藻), перевели логические тексты того времени, тут же была сделана попытка перевести силлогистику. Здесь логику перевести либо как *бяньи* 辨藝 — «искусство спора», либо как в названии — *минли* 名理, «принципы имен». Также для околологических и вопросов аргументации использовались похожие термины: *минли сюэ* 名理學 — «наука о принципах имен», *минли чжи лунь* 名理(之)論 «теория о принципах имен», которые были в ходу с ранней династии Хань (II в. до н. э.).

В иерархии наук логика была в числе «низших наук» (*сялунь* 下論), в отличие от физики или теологии, но среди «низших» это было искусство практическое наряду с политикой и экономикой, но все же более ценное. Важность логики заключалась в том, что она помогает людям отличать правильное от неправильного, помогает развивать ум. И здесь же дается различие логики и диалектики (*дияледийя* 第亞勒第加): первая говорит о принципах имен и апеллирует к достоверности, а вторая говорит о случайном (*лянкэчжэ* 兩可者).

Такая логическая терминология продержалась почти до конца XIX века, когда логика на волне популярности получила новую жизнь, переводы учебников с японского породили новый набор терминов для обозначения этого понятия, а ее статус из разряда непонятных дисциплин (книги по логике причисляли то к «диалектам», то к «разному») перешел в разряд дисциплин доминирующих.

Библиографический список

Jinmei Yuan. Aristotelian Logic in China— a Case Study of the Chinese Translations of Euclid's Elements. // Journal of East-West Thought. P. 81—94. URL: <https://www.cpp.edu/~jet/Documents/JET/Jet3/Yuan81-94.pdf> (accessed: 01.09.2021)

Kurtz J. The Discovery of Chinese Logic. Leiden — Boston 2011.

Т.В. Клементьева

*Восточный факультет Санкт-Петербургского
государственного университета***КРИТИКА ПОВЕДЕНИЯ ОТШЕЛЬНИКОВ
В ТРАКТАТЕ ИН ШАО «ФЭН СУ ТУН И»**

Аннотация. Рассмотрено одно из направлений критики восточноханьского мыслителя и государственного деятеля Ин Шао, представленное в его трактате «Фэн су тун и», а именно критика поведения отшельников. Данная критика была направлена против современного автору общества и нашла свое отражение в целом ряде глав упомянутого трактата. В каждом случае Ин Шао пользовался конкретными историческими примерами, относящимися к эпохе Хань, чтобы раскрыть тот или иной аспект своей критики, отсылающий к нормам как морального, так и служебного долга человека. Проанализированы актуальность подобной критики в конце Восточной Хань и распространение популярности идей отшельничества в интеллектуальной среде того времени, а затем поочередно рассмотрены шесть сюжетов в трактате, в которых была представлена критика отшельников. Содержание нескольких из данных сюжетов сопоставлено с данными об этих отшельниках, имеющимися в их жизнеописаниях в династийной истории «Хоу Хань шу». На основании сравнительного и исторического анализа сделаны выводы касательно особенностей критического подхода Ин Шао, а также целей проведения подобной критики в его трактате.

Ключевые слова: Восточная Хань, Ин Шао, «Хоу Хань шу», отшельничество.

Tatiana V. Klementeva*Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg University***Criticism of the Behavior of Hermits in Ying Shao's «Feng su tong yi»**

Abstract. This report examines criticism of the behavior of hermits in the treatise «Feng su tong yi» of the Eastern Han thinker and statesman Ying Shao. This criticism was directed against the contemporary Han society and was reflected in a number of chapters of the mentioned treatise. In each case, Ying Shao used specific historical examples from the Han era to reveal one or another aspect of his criticism, referring to the norms of both moral and call of duty of a person. The report first analyzes the relevance of such criticism at the end of the Eastern Han and the spread of the popularity of reclusion in the intellectual environment of that time, and then, in turn, considers six subjects in the treatise, which presented criticism of hermits. The content of several of these plots is compared with the data about these hermits available in their biographies in the dynastic history «Hou

Han shu». Based on a comparative and historical analysis, conclusions are drawn regarding the features of Ying Shao's critical approach, as well as the goals of such criticism in his treatise.

Keywords: Eastern Han, Ying Shao, Hou Han shu, reclusion.

Ин Шао (應劭, ум. ок. 204 г.) — государственный деятель конца Восточной Хань (東漢, 25 — 220 гг.). Его деятельность на службе была во многом определена кризисом центральной власти и направлена на восстановление порядка в стране. В своем трактате «Фэн су тун и» (風俗通義, «Проникновение в смысл повертий и обычаев») Ин Шао преследовал цель исправить распространенные заблуждения, касающиеся разных сфер: от соблюдения ритуала и норм морали в поведении до суеверий и оценок персонажей прошлого.

Сразу в нескольких главах трактата Ин Шао подверг критике исторических лиц, которые отказывались от мирских дел и вели замкнутый образ жизни. Всего в дошедших до нас десяти главах работы имеется четыре сюжета, затрагивающие такое поведение. Каждый раз критика была связана с разными социальными аспектами:

1) отшельничество, связанное с поисками бессмертия: автор критикует его как с позиции возможности достижения телесного бессмертия, так и со стороны религиозного почитания отшельника;

2) игнорирование семейных отношений и ритуалов почитания старшего поколения отшельником, что означало для Ин Шао нарушение долга почтительности;

3) выставление собственной аскезы напоказ, чтобы завоевать чужое уважение: автор понимал это как злоупотребление человеком собственной репутацией;

4) отказ от неоднократных приглашений на службу, что было для Ин Шао равносильным игнорированию общественных интересов в угоду личным.

Любопытно то, что два из четырех критикуемых персонажа, биографии которых также имеются в «Хоу Хань шу» (後漢書, «Книга [династии] Поздняя Хань»), охарактеризованы там лишь положительно [Хоу Хань шу, Фаншу лечжуань Шан], [Хоу Хань шу, Чжоу Хуан Сюй Цзян Шэньту лечжуань], в то время как Ин Шао делал акцент на их проступках и обходился стороной заслуги.

К рассматриваемой проблеме можно отнести еще один сюжет, где Ин Шао дал положительную оценку *тайшоу* Чжи Юню 鄧曄, выступившему против несправедливого выдвижения на службу другого чиновника. В «Хоу Хань шу» говорилось о том, что он, разочаровавшись, ушел на время в отшельники после своей безрезультатной критики [Хоу Хань шу, Шэньту Ган Бао Юн Чжи Юнь лечжуань]. Однако Ин Шао умолчал о

данном факте и лишь упомянул, что он продолжал служить и в дальнейшем [Фэнсу тунъи цзяочжу 1980, 126 — 127].

Единственный случай в трактате, когда Ин Шао встал на сторону отшельнического поведения — это сюжет о приглашении придворным евнухом-тираном Цао Цзе 曹節 (ум. в 181 г.) на службу двух людей. Здесь автор указал на то, что отказаться от такой службы и быть отшельником — лучший выбор, по сравнению со служением узурпатору власти в стране.

Таким образом, через тему отшельничества раскрывается целая палитра критических взглядов Ин Шао на современное ему общество, получившая отражение и в сфере морали, и в понимании служебного долга. Показано, что ради дидактической цели автор стремился либо подчеркнуть негативные стороны такого поведения, либо игнорировать упоминание об отшельничестве при необходимости, продемонстрировать положительный образ персонажа.

Библиографический список

Фэнсу тунъи цзяоши 風俗通義校釋 [Замечания и комментарии к тексту «Проникновение в смысл нравов и обычаев»] / Дун Хань Ин Шао чжуань; У Шупин цзяоши 【東漢】應紹撰, 吳樹平校釋 [Восточная Хань. Соч. Ин Шао; замеч. и коммент. У Шупина]. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 天津人民出版社, 1980. 570 с.

Хоу Хань шу 後漢書 [Книга династии Поздняя Хань]. Фаншу лечжуань Шан фаньшэ 方術列傳上 [Жизнеописание магов. Верхняя часть]. URL: <https://ctext.org/hou-han-shu/fang-shu-lie-zhuan-shang> (дата обращения: 01.05.2022).

Хоу Хань шу 後漢書 [Книга династии Поздняя Хань]. Чжоу Хуан Сюй Цзян Шэньту лечжуань 周黃徐姜申屠列傳 [Жизнеописание фамилий Чжоу, Хуан, Сюй, Цзян, Шэньту]. URL: <https://ctext.org/hou-han-shu/zhou-huang-xu-jiang-shen-tu> (дата обращения: 01.05.2022).

Хоу Хань шу 後漢書 [Книга династии Поздняя Хань]. Шэньту Ган Бао Юн Чжи Юнь лечжуань 申屠剛鮑永郅惲列傳 [Жизнеописание Шэньту Гана, Бао Юна, Чжи Юня]. URL: <https://ctext.org/hou-han-shu/shen-tu-gang-bao-yong-zhi> (дата обращения: 01.05.2022).

De Crespigny, R. A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23 — 220 AD). Leiden: Brill, 2007. P. 107, 374, 1006, 1131 — 1132, 43 — 44.

А.Н. Коробова
ИКСА РАН

**«ИСТОРИИ О ТЯЖЕЛОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ» —
СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ КРИТИКА
О «ЛИТЕРАТУРЕ ШРАМОВ»**

Аннотация. С «литературы шрамов» (伤痕文学) принято вести отсчет китайской «литературы нового периода». Основная проблематика «литературы шрамов» — осуждение репрессий и произвола хунвэйбинов во время «культурной революции», предательство близких, трагические судьбы интеллигенции, нравственные ориентиры молодого поколения, сбитые под влиянием политической пропаганды. Рассказы Лу Синьхуа 卢新华 «Шрамы» (伤痕) и Лю Синью 刘心武 «Классный руководитель» (班主任), стоящие у истоков появления «литературы шрамов», задали определенные векторы развития новейшей китайской литературы конца 1970 — первой половины 1980-х годов, предопределили ее темы, образы, мотивы и т.д. Рассмотрена трансформация оценки «литературы шрамов» китайкой критикой за 40 лет.

Ключевые слова: «литература шрамов», «литература нового периода», Лу Синьхуа, Лю Синью, Фэн Цицай.

Anastasia N. Korobova
ICCA RAS

“Stories about severe personality deformation” — contemporary Chinese criticism of the “Scar literature”

Abstract. “Scar literature” (伤痕文学) is a mainstream movement in the Chinese literature which emerged in the late 1970s and existed till the middle of 1980s. It deals mainly with the fate of the younger generation, who, under the influence of political propaganda, abandoned genuine human values; tragic fates of the intelligentsia and betrayal of loved ones. The “literature of scars” is associated with the revival of the literary process after the Cultural revolution and the emergence of the Chinese “literature of the new period” (新时期小说). The paper deals with transformation of Chinese literary critics’ assessments of “Scar literature” for the last 40 years.

Keywords: “Scar literature”, “literature of the new period”, Liu Xinwu, Lu Xinhua, Feng Jicai.

С «литературы шрамов» (шан хэнь вэнь сюэ 伤痕文学), которую в Китае называют «литературой крови и слез» (сюэ хэ лэй дэ вэнь сюэ 血和泪的文学) принято вести отсчет китайской «литературы нового периода» (синь ши ци сяо шо 新时期小说). Основная проблематика «литературы шрамов» — осуждение репрессий и произвола хунвэйбинов во время «культурной революции», предательство близких, трагические судьбы интеллигенции, нравственные ориентиры молодого поколения, сбитые под влиянием политической пропаганды.

Рассмотрим трансформацию оценки «литературы шрамов» китайкой критикой за 40 лет.

Появление «литературы шрамов» — во многом стихийный процесс, когда пострадавшие от «культурной революции» люди выплескивали на страницы литературных произведений, нередко основанных на автобиографическом материале, свою боль, делились своим горьким опытом. На первых порах преобладало изображение смертей, пыток, публичного унижения на так называемых «митингах критики и борьбы» и т.д.

Рассказы Лу Синьхуа 卢新华 «Шрамы» (伤痕) и Лю Синьбу 刘心武 «Классный руководитель» (班主任), стоящие у истоков появления «литературы шрамов», задали определенные векторы развития новейшей китайской литературы конца 1970 — первой половины 1980-х годов, предопределили ее темы, образы, мотивы и т.д. В рассказе «Классный руководитель» звучит призыв «Спасите души детей, отравленные “бандой четырёх”!», и в последующих произведениях, за крайне редким исключением, мы видим смещение вектора ненависти на «банду четырёх», возложение на нее вины за происходившее в Китае.

Возможно, единодушие, с которым ответственность за все бедствия народа представителями «литературы шрамов» впоследствии возлагалась на «банду четырёх», было своеобразной попыткой пережить травмирующий опыт максимально щадящим образом. Чэнь Сяомин, автор книги «Тенденции новейшей китайской литературы», справедливо заметил, что благодаря этому молодое поколение «превратилось в пострадавшую сторону, которой можно простить некоторые поступки». Как отметил Чэнь Сяомин, «выявление “главных виновников” позволяло оправдать отдельных лиц, сплотиться и посмотреть в будущее. Вопросы истории и человеческой природы оставались нераскрытыми» [陈晓明 2009, 233—234]. Действительно, в произведениях «литературы шрамов», как правило, не анализировались причины, которые привели страну к катастрофе, в них не ставился вопрос ответственности хунвэйбинов за свои действия.

Помимо критики действий «четверки», в произведениях «литературы шрамов» так или иначе затрагивалась проблема молодых людей, которых заманили, обманули, оглушили красивыми лозунгами. Примером тому —

одна из первых повестей Фэн Цзицяя «На развилке, усыпанной цветами» [冯骥才 1979]. Новаторский характер этой повести заключается в попытке раскрыть психологию верящего в высокие идеалы подростка, примкнувшего к хунвэйбинам, в ее раскаянии.

Полемика по поводу «литературы шрамов» началась сразу же после ее возникновения и продолжалась долгие годы. Несмотря на очевидное ослабление идеологического контроля, название «литература шрамов» не одобрялось властью и даже имело отрицательную коннотацию: в 1979 г. в прессе Китая появились статьи, авторы которых выступали против употребления выражений «литература шрамов» и «обличительная литература» (暴露文学), призывая не акцентировать внимание на мрачных сторонах прошлого. В июньском номере 1979 г. «Литература и искусство Хэбэя» была опубликована статья молодого хэбэйского писателя Ли Цзяня 李剑 «Воспевание морали и "аморальность"» 《歌德与“缺德”》, автор которой заявил, что произведения «литературы шрамов» есть «исполненные классовых предрассудков злобные нападки на социализм». Статья вызвала бурную полемику в литературных кругах, длившуюся несколько месяцев.

По прошествии нескольких десятилетий точка зрения критики изменилась. Авторы монографии «Течения в китайской литературе за последние 30 лет» (2009) указывают на «топорность и прямолинейность» «литературы шрамов», упрекая ее в критике идеологии на эмоциональном уровне и упрощенной трактовке причин страданий жертв. Тем не менее, называя «литературу шрамов» «прорывом в запретную для литературы зону» и подчеркивая ее значение в переосмыслении истории, современные китайские литературоведы отмечают также значимость психологических описаний тяжелой деформации личности в указанных произведениях.

Библиографический список

Ба Цзинь. Думы. Эссе // Ба Цзинь. Избранное: Сборник / сост. и предисл. В. Сорокина; пер. с кит. М., 1991.

Литература и искусство КНР, 1976—1985 / [В. Ф. Сорокин, Н. Е. Боревская, И. В. Гайда и др. // отв. ред. В. Ф. Сорокин]; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока. М., 1989.

Лю Синь. Класный руководитель. / пер. А. Желуховцева // Люди и оборотни: рассказы китайских писателей, пер. с кит. М.: Прогресс, 1982. С. 84—106.

Чэнь Сяомин. Тенденции новейшей китайской литературы / пер. с кит. Никитиной А.А., Яковенко М.С., Батыгина К.В. М., 2019.

《近三十年中国文学思潮》雷达主编,兰州大学出版社 [Течения в китайской литературе за последние 30 лет. /Под ред. Лэй Да. — Ланьчжоу]. 2009. URL: 第三章: 1980年代文学思潮对“人”内在精神的诉求_中国作家网 (chinawriter.com.cn)

冯骥才: 铺花的歧路 // 冯骥才选集 (全三册) [Фэн Цицай. На развилке, усыпанной цветами. //Избранные сочинения Фэн Цицая, в 3-х томах]. Тяньцзинь, 1984. Т. 2. С. 5—142.

吴炫: 新时期文学热点作品作品讲演录。[У Сюань. Лекции о популярных произведениях литературы нового периода]. 桂林. 2004.

В.В. Круглов

МГИМО МИД России, ИСАА МГУ

**МЕТОДОЛОГИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ОСНОВНОГО
ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ИЦЗИНИСТИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ НА ПРИМЕРЕ КОММЕНТАРИЕВ
«СИЦЫ ЧЖУАНЬ»
(«ПОВЕСТВОВАНИЕ ПРИВЯЗАННЫХ СЛОВ»)**

Аннотация. Представлена методология реконструкции основного понятийного аппарата ицзинистической традиции на примере комментариев *Сицы чжуань* («Повествование привязанных слов»). Исследование терминологии включало в себя четыре этапа: на первом на основе синоптических списков традиционной китайской философии и культуры, составленных отечественными (А.И. Кобзев, А.М. Карапетьянц), китайскими (Чэнь Юнцзе, У И) и европейскими (Джозеф Нидэм) синологами, было выявлено бытийно-динамическое семантическое поле ицзинистической терминологии; на втором — эксплицированы элементы структурного параллелизма с опорой на труды В.С. Спирина и предложены модели синтаксической схематизации и морфологического глоссирования; на третьем — разработана классификация оппозиционных терминов и описаны синтаксические и структурные особенности их вхождения в текст памятника; на финальном четвертом этапе — сформирована модель комплексного лингвокультурологического анализа терминологии *Сицы чжуань* и описаны принципы ее построения. Конкретная реализация модели была продемонстрирована на примере описания терминов «Небо — Земля», составляющих оппозиционную пару. В результате исследования были эксплицированы основные термины ицзинистической традиции на примере текста *Сицы чжуань*. Данная модель также может служить методологическим инструментом реконструкции понятийных аппаратов других письменных памятников древнекитайской культуры.

Ключевые слова: Ицзин, терминология, синоптический список, структурный параллелизм.

Vladislav V. Kruglov

*MGIMO University, Institute of Asian and African Studies
of Moscow State University*

**The Methodology of Reconstruction of the Basic Terminology
of I Ching Tradition on the example of the Classical Chinese Treatise
Xici Zhuan (“Commentary on the Appended Phrases”)**

Abstract. The paper presents a methodology of the reconstruction of the basic conceptual apparatus of the *I Ching* tradition on the example of the commentaries

Xici Zhuan (“Commentary on the Appended Phrases”). The study of terminology includes four stages: at the first stage, on the basis of synoptic lists of traditional Chinese philosophy and culture compiled by Russian (A.I. Kobzev, A.M. Karapetyants), Chinese (Chan Wing-tsit, Wu Yi) and European (Joseph Needham) sinologists, the existential-dynamic semantic field of *I Ching* terminology was revealed; at the second stage, the elements of structural parallelism are explicated based on the works of V.S. Spirin and models of syntactic schematization and morphological glossing are proposed; at the third stage, the classification of oppositional terms is developed and the syntactic and structural features of their entry into the text of the commentaries are described; at the final fourth stage, a model of complex linguo-cultural analysis of the terminology of the *Xici Zhuan* is formed and the principles of its construction are described. The concrete implementation of the model was demonstrated by the example of the description of the terms “Heaven — Earth”, which make up the oppositional pair. As a result of the study, the main terms of the *I Ching* tradition were explicated on the example of the text of the *Xici Zhuan*. This model can also serve as a methodological tool for reconstructing the conceptual apparatus of other texts of ancient Chinese culture.

Keywords: I Ching, terminology, synoptic list, structural parallelism.

Исследование вопросов формирования и экспликации терминологического аппарата памятников древнекитайской традиции на примере ицзинистической традиции, а также описание методологии анализа текстов, написанных на классическом китайском языке *вэньянь*, представляются крайне важными для выявления оппозиционных и непарных терминов, которые составляют ядро понятийного аппарата памятников.

На первом этапе исследования были рассмотрены синоптические списки понятий традиционной китайской философии и культуры, составленные российскими и западными синологами. В качестве основного источника выделяется синоптический список, составленный А.И. Кобзевым, в рамках классификационной модели которого производится расчет коэффициента частотности употребления терминов в тексте Ицзина и комментариев *Сицы чжуань*. При описании выделенной группы терминов также учитывались лингвокультурологические характеристики, указанные в синоптических списках Чэнь Юнцзе (комплексное описание терминов с выявлением их взаимосвязи в различных философских школах), Джозефа Нидэма (краткие этимологические сведения), У И (описание однословных терминов с привлечением контекстов использования в древнекитайских трактатах) и А.М. Карапетьянца (отнесенность терминов к предикатам и именам).

На следующем этапе исследования были выявлены основные закономерности строения текста памятника и их проекция на формирование его терминологического аппарата. В исследовательском фокусе — понятие универсального параллелизма, выражающегося в структурном парал-

лелизме текстов древнекитайских памятников. Основными признаками структурного параллелизма признаются синтаксическое тождество цепочек иероглифов; количественное тождество в смысле числа знаков в группе иероглифов и в смысле количества таких групп; композиционное тождество; явное совпадение объектов мысли (формально-содержательный признак); рифмы; подобие внешнего оформления отрывков текста.

На третьем этапе была разработана классификационная модель парных терминов трактата, параметры которой включают позицию, которую занимают оппозиционные термины в тексте, семантическую отнесенность компонентов, частеречный идентификатор и синонимические и антонимические отношения между компонентами. Эxpлицитировав оппозиционные термины, можно начинать анализ конкретных понятий в русле традиционной китайской философии с привлечением контекстов использования этих лексических единиц в других древнекитайских трактатах.

На четвертом этапе исследования на материале *Сицы чжуань* и таких текстов, как «*Шуцзин*», «*Чжуанцзы*», «*Лунь юй*», «*Хуайнань-цзы*» и «*Дао дэ цзин*», рассматривались оппозиционные пары. Комплексный лингвокультурологический анализ проводился по разработанной нами модели: идеографическая запись понятия; фонографическая запись понятия; общепринятая русская транскрипция; перевод; количество употреблений; номер понятия в списках А.И. Кобзева, А.М. Карапетьянца, Дж. Нидэма, У И и Чэнь Юнцзе; отнесенность к предикатам/именам; форма изображения на гадательных панцирях и костях; грамматологический комментарий с указанием источника и интерпретация понятия в русле традиционной китайской философии.

Таким образом, была выявлена и комплексно описана методология экспликации терминологического аппарата древнекитайских трактатов на примере ицзинистической традиции.

Библиографический список

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. [Т. 1:] Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. 2-е изд. 2011.

Карапетьянц А.М. К проблеме структуры «Ицзина» // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1983. С. 51—74.

Карапетьянц А.М. Раннекитайская системология. М.: Наука, 2015.

Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности: собрание трудов. М.: Наука, 2010.

Кобзев А.И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Духовная культура Китая: энциклопедия; в 5-ти т. / гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература. С. 66—81.

Круглов В.В. Бытийно-динамические понятия традиции «Ицзина» и модель их лингвокультурологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 2. С. 252—266.

Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Спирин В.С. Формальное построение «Сицы чжуань» // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. М., 1982. С. 212—242.

Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга Перемен». 2-е изд. М.: Наука, 1993.

Chan Wing-tsit. Basic Chinese Philosophical Concepts // PEW. 1952, vol. 2, № 2. 15 p.

Needham, J. Science and Civilization in China. Vol. 2. Cambridge, 1956. P. 220—230.

Wu, Yi. Chinese philosophical terms. University Press of America, 1986. 152 p.

А.А. Крушинский
ИКСА РАН

ТРУДНОСТЬ УБЕЖДАТЬ ПО ХАНЬФЭЙЦЫ: ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ОБОЮДООСТРОСТЬ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. Обсуждается один из важнейших аспектов центрального положения философской рефлексии Ханьфэйцзы (около 280—233 гг. до н. э.) о сущностной **трудности** (*нань* 難) творческого учреждения истины — в частности, социально-политического творчества. Этот краеугольный методологический тезис, к несчастью, роковым образом сбывся над самим аргументировавшим его китайским мыслителем, судьба которого стала красноречивым примером трагического фиаско на тернистом пути убеждения власть имущих: Ханьфэйю так и не удалось совладать с превосходно проанализированными им же трудностями убеждения автократов своего времени.

По мнению философа, фатальная помеха, постоянно встающая на пути претендента на роль советника государя — это парадоксальная **обоюдоо-
стрость** предположительного знания подлинных намерений суверена.

Действительно, с одной стороны, недостаточная осведомленность относительно подлинных намерений монарха чревата выбором в корне неверной аргументативной стратегии, ну, а с другой — излишняя осведомленность в отношении тайных замыслов властителя традиционно расценивается как прямая угроза конечному успеху этих замыслов.

В итоге, эксплицируемая прославленным мыслителем Древнего Китая парадоксальная **обоюдоо-
стрость** оказывается вмонтированной в саму структуру предположительного знания скрытых мотивов самодержца: удел его приближенных — всегда знать о помыслах своего владыки либо слишком мало, либо, напротив, слишком много.

Ключевые слова: предположительное знание, оппозиция внутреннее-
внешнее, недостаток/избыток.

Andrei A. Krushinskiy,
ICCA RAS

The Paradoxical Double-edgedness of Supposed Knowledge According to Hanfeizi

Abstract. One of the most important aspects of the central point of the philosophical reflection of Hanfeizi (circa 280—233 BC) about the essential difficulty (*nan* 難) of the creation of truth (in particular, socio-political creativity) is discussed. This key methodological thesis, unfortunately, came true in a fatal way with the Chinese thinker who argued it, whose fate became an expressive example

of a tragic fiasco on the thorny path of persuading those in power: Hanfei never managed to cope with the difficulties of persuading the autocrats of his time.

According to the philosopher, the fatal hindrance that constantly gets in the way of the applicant for the role of the sovereign's adviser is the paradoxical double-edged sword of the supposed knowledge of the sovereign's true intentions.

Indeed, on the one hand, insufficient awareness of the true intentions of the monarch is fraught with the choice of a fundamentally wrong argumentative strategy, and on the other hand, excessive awareness of the ruler's secret plans is traditionally regarded as a direct threat to the ultimate success of these plans.

As a result, the paradoxical double-edgedness explicated by the famous ancient Chinese thinker turns out to be built into the very structure of the supposed knowledge of the autocrat's hidden motives: the lot of his entourage is to always know either too little or, on the contrary, too much about the thoughts of their master.

Keywords: supposed knowledge, internal-external opposition, lack/excess.

Сердце человека, мыслимое как его **сердцевина**, среди прочего подразумевает потаенность и сокрытость его помышлений (так сказать, тайну намерений сердечных) — ведь сердцевина занимает позицию **внутреннего** в бинарной оппозиции внутреннее-внешнее. Вот почему главная трудность убеждения вышестоящих согласно *Ханьфейцзы* заключается в проблематичном статусе знания о подлинных (часто не совпадающих с демонстрируемыми) намерениях адресата увещаний.

«Трудность убеждать обычно состоит в том, чтобы уяснить помыслы (букв. «сердце» *синь* 心 — А.К.) убеждаемого и суметь нацелить на них свои убеждения» [*Ханьфейцзы* 1973, 232]. Такой переход от сердца/сердцевины как сокровенного **нутра** человека к сердцевине как **мишени** криптографической стратегии претендента на роль советника, по мере сил пытающегося заглянуть во внутренний мир своего государя, знаменует переход от **двоичной** (внутреннее—внешнее) *инь-ян* классификации к **троичной** *саньцай* классификации. В рамках последней возможны лишь **два** исхода дешифровки тайных замыслов правителя: во-первых, попадание в цель — *чжун* 中 (т.е. разгадка), во-вторых, один из двух возможных типов промахивания мимо цели — либо «недолет» *бу цзи* 不及 (как своего рода недостаточность), либо «перелет» *го* 過 (как, напротив, переизбыточность).

Замечательной иллюстрацией злокозненности диалектики дефицита/переизбытка, коварно затрудняющей точное попадание, является широкоизвестный сюжет рисования змеи наперегонки (*хуа шэ тьянь цзу* 畫蛇添足). В этой удивительной истории рутинный ход соревнования на скорость, когда проигравшим по самому смыслу игры должен стать **недостаточно** быстрый рисовальщик, вдруг осложняется вторжением темы

переизбыточности, которое в мгновение ока переворачивает ситуацию, чудесным образом меняя местами победителя и побежденного.

Ханьфэй, также рассуждавший в пространстве троичной парадигмы, конкретизирует промахи недостатка/избытка уже гораздо более жизненными примерами: «Если говорить о серьезных материальных выгодах тому, кто стремится к (созданию) высокого имени» [*Школа Фа*, 60], то он, сочтя советника приземлено-ограниченным (букв. **низкого** разряда 下節 — *А.К.*), «отнесется к нему с презрением и обязательно устранил его подалее от себя» [там же, 60]. Наоборот, если высочайшая особа, которую стремишься убедить, сориентирована лишь на весомую выгоду, то говоря ей о высоком имени, «не встретишь сочувствия, и это (предложение), сочтенное за утопию, не будет принято ни в коем случае» [там же, 60].

Парадоксальным образом, взыскуемая точность поражения цели тоже зачастую не только не спасительна, но, напротив, губительна. Исповедуемый китайским философом в полном согласии с традицией принцип секретности — «дела приходят к положительному результату, благодаря тайне и проекты (слова) рушатся, вследствие того, что они обнаруживаются» [там же, 61] — чреват повторением обескураживающей развязки змеиной истории: попадание в цель может легко обернуться промахом по типу избыточности. Парадоксальная обоюдоострость предположительного знания состоит в мучительном противоречии между риском не преуспеть в своих увещаниях правителя из-за недостаточной осведомленности касательно его подлинных намерений и нешуточной (подчас смертельной) опасностью как раз таки чрезмерной проницательности в отношении тех же самых намерений.

Библиографический список

Ханьфэйцзы. Древнекитайская философия: собр. Текстов, в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1973.

Школа Фа // Материалы по китайской философии. Школа Фа. Хань Фэйцзы / пер. А.И. Иванов. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 518 с.

А. А. Куликова
СПбГУ

ГЕНДЕРНЫЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ 1990-х — НАЧАЛА 2000-х ГОДОВ

Аннотация. Женская литература, феминизм и гендерный вопрос на протяжении последних нескольких лет стали одними из самых популярных тем для исследований в западном и отечественном востоковедении. Тем не менее, несмотря на довольно внушительное количество публикаций по женской литературе и гендерному вопросу в китайской прозе и поэзии, много аспектов в данной области по-прежнему остаются нераскрытыми, что в первую очередь связано с особенностями методологии исследования китайской женской литературы. Несмотря на то, что современная китайская женская проза отличается большим разнообразием в плане женских персонажей, делая акцент на проблемах и гендерных стереотипах, с которыми сталкиваются женщины в личной и профессиональной жизни, ее нельзя назвать феминистической или феминной в прямом смысле данных терминов, что четко прослеживается в образах персонажей, сюжетной динамике. Более того, при анализе гендерного вопроса в китайской женской литературе необходимо учитывать социально-культурным тренды, которые ярко отражены не только в творчестве каждого поколения писательниц, но непосредственно в их публичном образе («писательницы-красотки» как «современные городские женщины 1990-х»), что позволяет прийти к выводу писательницы — это не только «продукт своей эпохи», но также «производители культуры», в связи с чем изменения социального статуса женщины наряду с размытием гендерных стереотипов находят отражение в их творчестве.

Ключевые слова: гендер, женская проза, феминизм, современная китайская литература.

Anastasiia A. Kulikova
St. Petersburg University

Gender Issue in Modern Chinese Female Prose of the 1990s-early 2000s

Abstract. Women's literature, feminism and the gender issue have become one of the most popular topics for research in Western and domestic Oriental studies over the past few years. Nevertheless, despite the rather impressive number of publications on women's literature and the gender issue in Chinese prose and poetry, many aspects in this area still remain undisclosed. Despite the fact that modern Chinese women's prose is very diverse in terms of female characters, focusing on the problems and gender stereotypes that women face in their personal and professional lives, it cannot be called feminist or feminine in the literal sense of these

terms, which is clearly seen in the characters' images, plot dynamics and the language of the writers. Moreover, in the matter of gender issue in Chinese women's literature, it is necessary to take into account socio-cultural trends that are vividly reflected not only in the work of each generation of female writers, but directly in their public image (“beauty writers” as “modern urban women of the 1990s”), which allows us to come to the conclusion that writers are not only “a product of their era”, but also “producers of culture”, as a result, changes in the social status of women, along with the blurring of gender stereotypes, are reflected in their work.

Keywords: gender, Chinese female literature, feminism, female prose.

В течение последних нескольких лет в западной синологии гендерный вопрос стал одним из самых популярных и актуальных тем для исследования. Тем не менее, несмотря на довольно внушительное количество публикаций по женской литературе и гендерному вопросу в китайской прозе и поэзии, много аспектов в данной области по-прежнему остаются нераскрытыми, что в первую очередь связано с особенностями методологии исследования китайской женской литературы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что расцвет профессиональной женской литературы в Китае пришёлся на вторую половину 1980—1990-х годов, когда на литературную сцену вышла группа ярких писательниц (Ван Аньи, Чжан Цзе, Цань Сюэ, Те Нин, Сюй Кун и др.), которые успешно конкурировали с мужчинами во многих жанрах. Данные писательницы представили новые образы героинь, осознающих свою ценность как женщины и исследующих свой внутренний мир, что привело к тому, что многие западные исследователи причислили их творчество к феминистическому, хотя Ван Аньи и Те Нин неоднократно высказывались, что таковыми себя не считают. Необходимо учитывать национальные особенности китайского феминизма, и феминистское сознание несомненно нашло отражение в женской литературе нового периода, но в довольно мягком варианте. Неоднозначно и отражение гендерного вопроса. Как отмечает теоретик современной китайской литературы Чэнь Сяомин, китайская женская литература всегда находится на грани между гендерным сознанием (сопротивлением патриархату) и бегством от деспотии традиционной эстетики. [Сяомин Ч., 2019, 212] По своей типологии целесообразно причислить ее к «надгендерной» или «андрогинной».

В частности, интересным явлением с точки зрения гендерного вопроса и феминизма в литературе является творчество писательниц из Шанхая Вэй Хой и Мянью Мянью, получивших прозвище «красотки» за свой эксцентричный литературный стиль и публичный образ. Китайские и западные литературоведы неоднозначно относятся к данным писательницам. Некоторые специалисты отмечают значимость литературы «красоток» с феминистической точки зрения, так как эти произведения написаны «совре-

менными женщинами для современных женщин», которые не стесняются исследовать собственную сексуальность. Современная китайская женщина создает самопрезентацию, частично основанную на стереотипных представлениях о женственности, основанных на эмоциях, нарциссизме, желании и т.д. Получается, что «женщина» приобретает рыночную ценность в современном обществе, но при этом имеет ограниченную свободу действий в своей самопрезентации, что четко прослеживается на примере главной героини романа «Крошка из Шанхая» Коко, которая хочет добиться успеха в писательском деле, но признание мужчин для нее намного важнее.

Таким образом, творчество Вэй Хой, Мянью Мянью и других «писательниц-красоток» конца 90-х — начала нулевых — это социо-культурное явление и коммерческий продукт своего времени. Эмансипация китайских писательниц как и сама концепция свободы могла возникнуть только в рамках общепринятого дискурса культуры того времени. Тем не менее, на тот момент именно коммерческая направленность литературного рынка Китая в конце 90-х — начале нулевых позволила высказаться этим писательницам и раскрыть в своих произведениях потребительское отношение общества к женщинам. По уровню художественного мастерства и психологизма «красотки» в значительной мере уступали произведениям писательниц предыдущего поколения, но гендерные стереотипы китайского общества второй половины 90-х были отражены в их работах в полной мере.

При анализе гендерного вопроса в современной китайской женской литературе необходимо учитывать социально-культурные тренды, которые ярко отражены не только в творчестве каждого поколения писательниц, но непосредственно в их публичном образе («писательницы-красотки» как «современные городские женщины 1990-х»), что позволяет прийти к выводу писательницы — это не только «продукт своей эпохи», но также «производители культуры», в связи с чем изменения социального статуса женщины наряду с размытием гендерных стереотипов находят отражение в их творчестве.

Библиографический список

Молодых В. И., Леонтьева Т. И. Трансформация женского образа в современной китайской художественной литературе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 3. С. 207—219.

Синецкая Э.А. «Путешествие на Запад» китайской женщины, или Феминизм в Китае. СПб.: Институт востоковедения РАН, Нестор-История, 2019.

Сяомин Ч., Тенденции новейшей китайской литературы / Ч. Сяомин — Международная издательская компания «Шанс», 2018.

Ferry M.M. Marketing Chinese Women Writers in the 1990s, or the Politics of Self-Fashioning / China's Literary and Cultural Scenes at the Turn of the 21st Century. New York: Routledge, 2008. P. 20—45.

Rofel L. Other Modernities: Gendered Yearnings in China after Socialism. Berkeley, CA: University of California Press, 1999.

赵洪霞, 20 世纪 80 年代以来中国女性主义文学批评研究 [Чжао Хунся. Исследование критики китайской феминистической литературы 1980-х].

Н.В. Кутафьева
Новосибирский госуниверситет

КИТАЙСКИЙ ИЕРОГЛИФ 气 *qi* В ЯПОНСКИХ ИДИОМАХ

Аннотация. Категория 气 *qi* (яп. 気 *ki*), являющаяся одной из основных категорий китайской философии, была заимствована в Японию вместе с многозначным иероглифом 氣. Считается, что 气 *qi* находится в небе в виде воздуха и в теле человека в качестве пневмы, души, настроения и влияет на характер человека. Дан анализ значения лексемы 氣, связанные с эмоциональной и рациональной деятельностью человека, в идиомах японского языка. Сплошной выборкой из японских словарей было найдено 122 примера с компонентом 氣. Идиомы были разделены на 6 групп в зависимости от выражаемого ими значения: настроение, характер, склонность, интерес, душа, забота и сознание. Были найдены идиомы, говорящие о том, что у души есть форма, на которую можно физически воздействовать. В основном значения идиом с компонентом 氣 *ki* связаны с чувствами, характеризующими отношение человека к явлению или предмету, его личностное восприятие ситуации, лишь незначительное количество характеризуют состояние разума человека. Поскольку идиомы являются наиболее устойчивой частью языка и культуры, в них в течение длительного времени продолжают сохраняться изначальные значения китайского иероглифа 气 *qi*, который японцы заимствовали, а затем адаптировали к своему языку и культуре.

Ключевые слова: культура, Китай, Япония, идиомы, значение.

Nataliia V. Kutafeva
Novosibirsk State University

Chinese Hieroglyph 气 *qi* in Japanese Idioms

Abstract. The category 气 *qi* (jap. 気 *ki*), which is one of the main categories of Chinese philosophy, was borrowed to Japan with the multi-valued hieroglyph 氣. It is supposed that 气 *qi* is in the sky in the form of air and in the human body as a pneuma, soul, mood and effects on the character of a person. This paper analyzes the meaning of the lexeme 氣 associated with the emotional and rational activity of a person in the Japanese idioms. We found 122 examples by sampling from the Japanese dictionaries. Idioms were divided into six groups depending on the meaning: mood, character, inclination, interest, soul, care and consciousness. There were found idioms, which expressed that the soul has a form that can be physically affected. Basically, the meanings of idioms with the 氣 *ki* component are associated with feelings that characterize a person's attitude to a phenomenon or object, his personal perception of the situation. Only a small number of idioms

characterize the state of a person's mind. Since idioms are the most stable part of the language and culture, they continue to retain the original meanings of the Chinese hieroglyph 气 *qi* that was borrowed by the Japanese, and then was adapted to their language and culture.

Keywords: culture, China, Japan, idiom, meaning.

Категория 气 *ки* (яп. *ки*) является одной из основных категорий китайской философии, заимствованной в Японию. Это субстанция, благодаря изменению и движению которой существует Вселенная. Выделяются три уровня понятия: космогонический (универсальная субстанция Вселенной), антропологический (связанный с кровообращением наполнитель человеческого тела), психологический (психологический центр или 心 «сердце», находящийся под влиянием воли и регулирующий чувства) [Духовная культура Китая 2006, 549—551]. Вместе с понятием в японский язык был заимствован и многозначный иероглиф, так, в китайско-русском словаре приведено 12 значений [Китайско-русский словарь 1988, 450].

В Японии в специальных областях знаний — таких, как традиционная китайская философия, медицина, боевые искусства и *бусидо* («путь воина»), лексема 气 *ки* продолжает использоваться для выражения трех указанных выше понятий. Заимствованный многозначный иероглиф и в японском языке также является многозначным. В «Большом словаре японского языка» приведено 8 значений: 1 — воздух, атмосфера; 2 — то, что происходит в атмосфере, например, погода, климат; 3 — дыхание; 4 — особый элемент; 5 — запах, аромат; 6 — работа сердца, настроение, дух, душа; 7 — особая атмосфера; 8 — сознание; в китайской философии «жизненная энергия» [日本語大辞典 1989, 438].

В данном случае нас интересует значение, связанное с эмоциональной и рациональной сторонами деятельности человека. Из японских словарей методом сплошной выборки были отобраны 122 идиомы с компонентом 气. После проведенного анализа были выделены 6 групп с разными значениями идиом с компонентом 气 *ки*.

1. Значение «чувства, настроение, изменение настроения»: 気が変わる *ки-га кавару* «настроение изменяется». Передается широкий набор чувств — от печали до радости.

2. В сочетании с прилагательными передается значение «черты характера»: 気がいい *ки-га ий* «добрый».

3. Значение «намерение, склонность, интерес»: 気が向く *ки-га муку* «иметь желание сделать что-либо».

4. Значение «душа, сердце, состояние»: 気が尽きる *ки-га цукиру* «обессилить, устать душевно».

5. Значение «забота или ее отсутствие»: 気が付く *ки-га цуку* «заботливый».

6. Значение «состояние сознания, разума»: 気がふれる *ки-га фурэру* «сходить с ума, терять рассудок».

В идиомах с компонентом 気 *ки* душевные силы представлены как поток чувств или конкретное субъективное чувство, тем не менее, у духа есть некоторая форма, на которую как на физический объект можно оказать воздействие. Ее можно 落とす *отосу* «ронять» (気を落とす *ки-о отосу* «падать духом»), 回す *мавасу* «вращать» (気を回す *ки-о мавасу* «подозревать, ревновать»), 揉む *мому* «мять» (気を揉む *ки-о мому* «беспокоиться»), 張る *хару* «тянуть» (気を張る *ки-о хару* «воодушевляться»).

Многозначность идиом с компонентом 気 *ки* в основном связана с чувствами, характеризующими отношение человека к явлению или предмету, его личностное восприятие ситуации, лишь незначительное количество характеризуют состояние разума человека. Поскольку идиомы являются наиболее устойчивой частью языка и культуры, в них в течение длительного времени продолжают сохраняться изначальные значения китайского иероглифа 气 *ци*, который японцы заимствовали, а затем адаптировали к своему языку и культуре.

Библиографический список

Духовная культура Китая: энциклопедия / ред. М.Л. Титаренко. Т. 1. М.: Вост. лит., 2006.

Китайско-русский словарь / ред. Б.Г. Мудров. М.: Русский язык, 1988.

日本語大辞典 [Нихонго дайзитэн. Большой словарь японского языка] //東京: 講談社. 1989.

Н.И. Ладыгина-Глазунова
СПбГУ

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВА ИИСУСА В КИТАЕ

Аннотация. Рассматривается культурный аспект Миссионерской деятельности Общества Иисуса, его уникальной гибкости в адаптации к мультикультурным и географическим пространствам, создающим новые принципы практического мышления и взаимодействия. Стоит отметить, что иезуиты использовали мощный язык искусства для продвижения своих духовных ценностей и веры как некое мета сообщение — универсальный язык визуальных образов. Огромное значение иезуиты придавали развитию интеллектуального и творческого потенциала, формируя жизненное и духовное пространства, что позволило им проникнуть в самые дальние уголки нашей планеты, собирая вокруг себя разнородные вселенные различных типов и форм, таким образом осуществлялась основная цель их миссий — направление к Богу. Основной акцент работы сделан на Китае как одном из основных направлений стратегии интеркультурализации Общества Иисуса в данном регионе.

Ключевые слова: Общество Иисуса, иезуиты, Китай, миссии, религия, искусство, интеркультурализация.

N.I. Ladygina-Glazounova
Saint-Petersburg State University

Cultural ASpect of the Society of Jesus in China

Abstract. This work focuses on the cultural dimension of the Society of Jesus missionary work, its unique flexibility in adapting to multicultural and geographic spaces that create new principles of practical thinking and interaction. It is worth noting that the Jesuits used a powerful language of art to promote their spiritual values and faith as a kind of meta message — a universal language of visual images. The Jesuits paid great attention to the development of intellectual and creative potential, forming vital and spiritual spaces, which allowed them to be in the farthest corners of our planet, gathering around themselves heterogeneous universes of various types and forms, fulfilling the main purpose of their missions — the direction to God. The main focus of the work is on China, as one of the main directions of the strategy of interculturalization of the Society of Jesus in this region.

Keywords: Society of Jesus, Jesuits, China, missions, religion, art, interculturalization.

«Культурный вклад (иезуитов)
позволил открыть двери для диалога,
снизить социальную напряжённость
и принять культурный релятивизм»
[Mendonca 2010: 431]

Миссионерская деятельность Общества Иисуса как один из процессов глобализации и взаимодействия с мультикультурным пространством позволила им, благодаря сети миссий и интеллектуальных центров везде, где бы они ни оказались [The Jesuits 1999: 233], распространять католическую веру в самые дальние уголки нашей планеты, собирая вокруг себя разнообразные вселенные различных типов и форм. Китай стал одной из таких вселенных, где Общество Иисуса использовало стратегию интеркультурализации (взаимопроникновения культур). Желая быть понятыми, они взяли на вооружение самое наднациональное средство коммуникации — универсальный язык культуры, искусства и науки.

Религия и искусство — два великих проводника человека в его внешней, действительной жизни и внутренней, духовной — сокровища их, суть богатейшие и ценнейшие кладези мыслей и чувств, которым присуща чудесная власть над людьми. Иезуитам удалось поймать эту суть и объединить воедино в церковном искусстве, полагая, что воспитание высоких духовно-нравственных ценностей начинается с визуальных образов, а стремление к возвышенному закладывается в человеческие души через «Духовные упражнения» [Loyola Ignatius, 1847] Игнатия де Лойолы.

Сегодня не востребованность высоких духовных норм и традиций в культуре пластических форм отторгает человеческое начало, где «художник отстранён от реальности, разучился посредством своих творений разговаривать с Богом и другими людьми, общается лишь с самим собой» [Clement 1973: 90], что говорит о мощных деструктивных процессах в общественном сознании и обществе в целом.

Библиографический список

Clement J., McNaspy S. J. Art in Jesuit Life // Studies in the Spirituality of Jesuits. V. 3. April, 1973.

Loyola Ignatius The spiritual exercises of St. Ignatius of Loyola (1847). London: Charles Dolman, 1847.

Mendonca D. Jesuits as international culture brokers. Xavier Center of Historical Research. The Jesuits, refined scholars and polymaths with ... 2010. URL: <http://dspace.ce.unav.es/dspace/bitstream/10171/20279/1/Mendon%20C3%A7a.pdf> (accessed: 08.02.2022).

The Jesuits: Cultures, Sciences and the Arts, 1540—1773. University of Toronto Press, 1999.

К.К. Меркулов
ИКСА РАН

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ И ИНТЕГРАЛЬНОЙ
ДУХОВНО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ
РОССИИ — СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА — КИТАЯ**

Аннотация. Китайская модель социокультурного развития имеет много достоинств, которые следует учитывать, в том числе в плане Возрождения и Преображения нашей Родины.

Перспективы Истинно Доброго Возрождения и Преображения великорусской, православно-славянской и новоевразийской цивилизаций исследованы в целом ряде фундаментальных и прикладных научных трудов, в том числе в научно-вероисповедальном завещании ученых семьи Меркуловых в виде проекта (био)идеологии истинного добра.

С учётом собственных богатейших традиций культурно-цивилизационной самобытности и высокой духовности народов Отечества мы не являемся примером «бедного родственника» или «бедного соседа» у великой китайской нации, а сами представляем достойную великую державу и затем возрождённую «ультра-сверхдержаву» = добродержаву.

С точки зрения национальной культурно-цивилизационной и совокупной духовно-материалистической идентичности нашу Родину многое исторически и т.д. «роднит» с Китаем, с одной стороны, но с другой — есть явные и существенные отличия, в том числе в духе специфики «общинной культуры Востока» и «индивидуалистической цивилизации Запада» и их синтеза в виде идеалов «оптимальных евразийства и евразеоцентризма» в духе «истинно доброй мировой идеи-мечты» как квинтэссенции (био)идеологии истинного добра.

Ключевые слова: Россия, Союзное государство, Китай, национальная культурно-цивилизационная и интегральная духовно-материалистическая взаимозависимость.

Katenariy K. Merkulov
ICCA RAS

**On Some Particularities of National Cultural-Civilizational
and Integral Spiritual-Materialistic Interdependence of Russia —
the Union State — China**

Abstract. The Chinese model of sociocultural and civilizational development has many advantages, which, of course, should be taken into account, incl. in terms of modeling the processes of the Renaissance and the Transfiguration of our

Motherland. Prospects for the Truly Good Revival and Transfiguration of the Great Russian, Orthodox-Slavic and New Eurasian civilizations have been studied in a number of fundamental and applied scientific works, incl. in the scientific and confessional testament of the scientists of the Merkulov family. Taking into account our own richest traditions of cultural and civilizational identity and high spirituality of the peoples of the Fatherland, we are not an example of a “poor relative” or “poor neighbor” of the great Chinese nation, but we ourselves represent a worthy great power and then a revived “ultra-superpower” = good-power. From the point of view of the national cultural-civilizational and integral spiritual-materialistic identity, our Motherland has many historical, etc. “kindred” features with China, on the one hand, but, on the other hand, there are obvious and significant differences, incl. in the spirit of the specifics of the “communal culture of the East” and the “individualistic civilization of the West” and their synthesis in the form of the ideals of “optimal Eurasianism and Eurasiacentricism” in the spirit of the “truly good world dream idea” as the quintessence of the ideology of true good.

Keywords: Russia, Union State, China, national cultural-civilizational and integral spiritual-materialistic interdependence.

Выводы. В целом и Отечеству, и Поднебесной, и другим истинно доброугодно прогрессивным геоцентрам в своём культурно-цивилизационном и вообще в интегральном духовно-материалистическом развитии необходимо ориентироваться на подлинную мирно-доброгармоничную «золотую середину» соответствующего собственного передового наследия, с одной стороны, с другой — на, верится, универсальный идеал Божественной Симфонии мировых, региональных, международных, национальных, местных, общинных, семейных и личных духовности, культуры и т.д. в виде ожидаемого в будущем Всемирного Свода Истинного Добра, включая Конституцию Истинно Доброй Земли, Кодекс Истинного Доброго Планетарного права и Кодекс Истинно Доброго Мирового права как квинтэссенции (био)идеологии истинного добра.

С точки зрения перспектив «светлого будущего» можно предполагать, что оптимальным ориентиром исторической (рево)эволюции явлений типа «русская идея-мечта», «славянская идея-мечта», «евразийская идея-мечта», «китайская мечта» и т.д. могут стать идеалы Всеобщих Богоугодных Истинного Доброго Духовно-Материалистического ~ Теокосмогеологического Преображения всех (достойных) видов и сфер мироздания и Мирно-Доброгармоничной Мировой Доброчеловеческой Теоревозволюции человечества (вида «человека разумного») в доброчеловечество (сверхвид «человека истинно доброго» ~ «доброчеловека») в духе всего лучшего наследия «истинно доброй мировой идеи-мечты».

Библиографический список

Вэй Чжан, Цюнь Цзян. Различия в менталитете китайцев и россиян // *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2019. № 2. С. 120—123. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41178062> (дата обращения: 22.02.2022).

Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 800 с.

Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К. Системология истинного добра: избранные основы. В 4 книгах. М.: Издательство «Спутник +», 2019—2022.

Мясников В. С. Историко-культурные особенности взаимодействия России и Китая // Мясников В. С. Квадратура китайского круга // Избранные статьи: в 2-х кн. М.: Восточная литература, 2006. Кн. 1. 550 с.

Цицельская Ю.А. Сравнение национальной ментальности русских и китайцев // *Россия и АТР*. 1999. № 3. С. 78—87. URL: http://www.riatr.ru/1999/3/Russia_and_ATR_1999-3_078-087.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

Шемшук В.А. Украденная история России, Европы, Азии и Америки / В.А. Шемшук. М.: Всемирный фонд планеты Земля, 2012. URL: <http://www.fb2mir.ru/shemshuk-v-a/ukradennaya-istoriya/> (дата обращения: 26.04.2022).

Шубарт, Вальтер. Европа и душа Востока. Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея» (вып. 3, 2-е исправленное издание), 2000. 448 с.

Shinichiro Tabata, ed. Eurasia's Regional Powers Compared — China, India, Russia. Edited by Shinichiro Tabata. London and New York, Routledge Taylor & Francis Group, © 2015. 258 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=3nbfBQAAQB AJ&pg=PR12&dq=comparative+images+of+China+and+Russia&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwi22pmQ8Iz2AhXCAxAIHVG6A4QQ6AF6BAgDEAE#v=onepage&q=comparative%20images%20of%20China%20and%20Russia&f=false> (accessed: 20 February 2022).

Trenin D. True Partners? How Russia and China see each other. Published by the Centre for European Reform (CER), London, © FEBRUARY 2012. 50 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/Trenin_CER_Eng.pdf (accessed: 20 February 2022).

Н.В. Михалькова*Минский государственный
лингвистический университет***ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АНТИНОМИИ В ОТРАЖЕНИИ
КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА**

Аннотация. Путем семантического и этимологического анализа сложносоставных иероглифов китайского языка, репрезентирующих различные типы логико-философских антиномий или противоположных понятийных категорий, выявляются принципы выбора носителями китайского языка смысловых компонентов знаков (степень релевантности свойства описываемого представления, салиентность признака определенного типа и др.). Определяются как единые, так и различные семантические основания, включающие общность/специфичность смыслового компонента в сложных иероглифах, номинирующих противоположные понятия, что обуславливает включение определенного детерминатива в многокомпонентный знак китайского письма. Устанавливается продуктивность способов знакообразования в области номинации антонимичных понятий различных семантических групп обозначений философских категорий (Инь/Ян, мужчина/женщина, единичность/множественность, правда/ложь, восток/запад, север/юг, большой/маленький, быстрый/медленный и др.). Выделяются и анализируются антиномии, лежащие в основе не только составления китайского письменного знака, но и его особой каллиграфии, принципы которой во многом основаны на противоположностях (различный размер как редуцированных элементов, так и частей сложносоставного знака обусловлен пониманием неравенства между людьми внутри любого коллектива, различный уровень относительно линии написания основных и дополнительных компонентов знака предопределяется соотношением положения «гость/хозяин», различный порядок написания детерминирован противоположностью внутренней и внешней части и др.).

Ключевые слова: философия; иероглиф, китайский язык; семантика.

*Nadezhda V. Mikhalkova**Minsk State Linguistic University***Logical and philosophical Antinomies in the Chinese writing**

On the basis of semantic and etymological analysis of composite Chinese characters which represent various types of logical and philosophical antinomies or opposite conceptual categories, the principles of choice by Chinese speakers of semantic components of signs (the degree of relevance of the feature of the described representation, the salience of a sign of a certain type, etc.) are revealed in

the article. Both single and different semantic grounds are determined, including the general/specific semantic components of complex characters that nominate opposite concepts, which leads to the inclusion of a certain determinative in the multicomponent sign of the Chinese writing. The productivity of sign formation methods in the field of nomination of antonymous concepts of various semantic fields of philosophical categories (Yin/Yang, man/woman, singularity/multiplicity, true/false, east/west, north/south, big/small, fast/slow, etc.) is revealed in the article. The antinomies which underlie not only the composition of the Chinese written sign, but also its special calligraphy, the principles of which are largely based on opposites, are singled out and analyzed (the level relative to the line of writing of the main and additional components of the sign is predetermined by the ratio of the position “guest / host”, different order of writing is determined by the opposite of the inner and outer parts, etc.).

Keywords: philosophy; character; the Chinese language; semantics.

Носители китайского языка в поисках опоры с целью сохранить нечто в памяти нарушают принцип произвольности языкового знака [Сосюр 1964, 334]. Иероглифы произвольны, они иконичны [Моррис 1982, 66]. В основе иероглифических номинаций лежат особые когнитивные основания, что позволяет рассматривать иероглифическую систему китайского языка как отдельную специфическую область описания и понимания окружающей человека действительности.

Первичные знаки идеографической системы письменности, в отличие от звуко-буквенного письма, с одной стороны, позволяют с большой долей вероятности определить, какие семантические основания были положены в основу иероглифа и соответственно послужили мотивировочными признаками его образования — теми базовыми идеями относительно понимания и определения представлений об объективной действительности. С другой стороны, сопоставление выявляемых лингвистических различий с общепринятыми философскими идеями является ключом к более точной интерпретации категорий и свойств окружающего мира.

Принятый в китайской философии дуализм представления и его репрезентация иероглифической системой со всей очевидностью демонстрирует изоморфизм понимания и выражения этих понятий. Наиболее ярко это можно проследить на примере многочисленных логико-философских антиномий [Кант 2015, 437]. В частности, антиномия Инь/Ян в иероглифах 阴 (Инь) и 阳 (Ян) китайского языка репрезентирована через компоненты “солнце 日” и “луна 月”, отражающие противоположность света и тьмы, антиномия Мужское/Женское — через “сила 力”, “поле 田” и “сидящая на коленях, кормящая мать 女”, антиномия Высокий/Низкий — через “стрела 矢” и др. [许慎 2006].

Философские антиномии детерминируют также основные принципы каллиграфии: 1) разный размер дублированных элементов обусловлен

пониманием неравенства между людьми внутри любого коллектива; 2) уровень (выше/ниже) написания основных и дополнительных компонентов знака детерминирован соотношением положения «гость/хозяин»; 3) порядок написания компонентов зависит от их семантической функции (в иероглифе 囹 «арестовывать» первым вводится компонент 口 «ограда» без нижней черты, затем внутрь помещается 人 «человек», в конце изображается последняя черта, символизирующая двери, закрывающиеся за человеком) и др.

Таким образом, логико-философские антиномии находят свое отражение в китайском языке через как общее, так и специфическое восприятие и представление окружающего мира.

Библиографический список

Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. Извлечения // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 334.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сб. переводов / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982. С. 66.

Кант И. Критика чистого разума. М.: Литрес, 2015. С. 437.

许慎: 说文解字 [Сюй Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков] — 岳麓: 岳麓书社, 2006. — 540 页。

К.Г. Муратшина

ИВ РАН

Е.А. Бородина

Уральский федеральный университет

КУЛЬТУРНАЯ АКТИВНОСТЬ КИТАЯ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Рассмотрено, как Китайская Народная Республика проявляет себя в такой области отношений со странами Юго-Восточной Азии, как культурные связи, в новых для дипломатии условиях — после начала пандемии COVID-19. Проанализированы инициативы китайской стороны в контактах в области культуры с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Мьянмой, Таиландом, Лаосом, Камбоджей, Филиппинами, Сингапуром, Брунеем и Восточным Тимором в 2020, 2021 и 2022 гг. Отмечено, что ни с одной страной культурные обмены не прекращались надолго, хотя и были поначалу переведены в онлайн-формат, а затем стали постепенно возобновляться в гибридном виде и вновь проводиться очно. Значимой чертой является широкое использование Китаем в качестве инструментов сотрудничества как государственных учреждений, так и организаций, позиционируемых как общественные, ассоциаций дружбы, координируемых, тем не менее, во многом тоже на государственном уровне. Кроме того, важным фактором развития отношений остается проживающая в странах Юго-Восточной Азии китайская диаспора. Используя все доступные ему механизмы, Китай даже в условиях пандемии реализует разнообразные формы культурных обменов, от привычных гастролей и праздников до более комплексных механизмов, интегрирующих культуру, образование, туризм, и широкого привлечения молодежи, поскольку, как и ранее, четко ориентирован на решение своих внешнеполитических задач по распространению своего влияния, в том числе культурного, в государствах региона.

Ключевые слова: Китай, Юго-Восточная Азия, культурные обмены.

Ksenia G. Muratshina

Institute of Oriental Studies RAS

Yevgeniya A. Borodina

Ural Federal University

China's Cultural Activity in Southeast Asia During the Pandemic

Abstract. The paper analyses, how the People's Republic of China realizes its contacts in cultural area with the Southeast Asian countries in the conditions of the pandemic. The authors study China's initiatives in its relations with Vietnam, Indonesia, Malaysia, Myanmar, Thailand, Laos, Cambodia, Philippines, Singapore, Brunei and Timor-Leste in 2020, 2021 and 2022. It is concluded that neither of

exchanges experienced a long break, although being moved to the online format and restarted offline (or in combined form) gradually. A meaningful feature of the contacts is China's use of the resources of both state institutions and would-be NGOs, also coordinated by the state, as the instruments for cooperation. Another influential factor of relationship is the Chinese diaspora in Southeast Asia. Thus, China is applying different methods and maintains the diversity of cultural exchanges, including the usual holidays and concerts and the more complex initiatives, combining culture, education, tourism and youth contacts, in order to realize its foreign policy objectives and raise its impact in the region.

Keywords: China, Southeast Asia, cultural exchanges.

Юго-Восточная Азия (ЮВА) — регион, к которому традиционно велико внимание со стороны китайской дипломатии, не только в военно-политическом и экономическом смысле, но и в плане культурной активности. Китайская сторона постоянно дает понять, что заинтересована в распространении своего максимального влияния в государствах региона в различных сферах жизни общества. Культурные контакты не являются исключением. В данной работе будет представлен взгляд на то, как Китай проявлял себя в такой области отношений со странами ЮВА, как культурные связи, в новых для дипломатии условиях — после начала пандемии COVID-19. Рассмотрены инициативы китайской стороны в контактах в области культуры с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Мьянмой, Таиландом, Лаосом, Камбоджей, Филиппинами, Сингапуром, Брунеем и Восточным Тимором. Хронологически изучено взаимодействие в 2020, 2021 и 2022 гг.

Первое, что обращает на себя внимание, — ни с одной страной культурные обмены не прекращались надолго, хотя и были поначалу переведены в онлайн-формат, а затем стали постепенно возобновляться в гибридном виде и вновь проводиться очно.

Вторая особенность — использование Китаем в качестве инструментов сотрудничества как государственных учреждений, так и организаций, позиционируемых как общественные, ассоциаций дружбы, координируемых, тем не менее, во многом тоже на государственном уровне.

Третий важный аспект — роль в этих контактах китайской диаспоры, проживающей в странах Юго-Восточной Азии.

Наконец, стоит отметить, что даже в условиях пандемии Китай использовал все возможные формы культурных обменов — от сравнительно привычных гастролей и праздников до более комплексных механизмов, интегрирующих культуру, образование, туризм, и широкого привлечения молодежи. Таким образом, он в полной мере сохранял активность своей линии в ЮВА и преимущественно оставался инициативной стороной, решая задачи своей внешней политики.

А.В. Пиковер
ИКСА РАН

СПЕЦИФИКА ВНУТРЕННИХ ШКОЛ УШУ НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННОГО ТАЙЦЗИ

Аннотация: В Китае принято делить школы и направления традиционного боевого искусства на внешний и внутренний (内家), или так называемые даосские или уданские (武当派) стили. За этим делением стоят два типа подхода к классификации описываемых школ.

Кроме того, выдвинута оригинальная версия принципиального отличия внутренних стилей, и в частности, тайцзицюаня, от других школ и направлений ушу.

Ключевые слова: Китай, традиционное ушу, внутренние школы, тайцзицюань.

Alexander V. Pikover
ICCA RAS

The Specifics of Internal Wushu Schools on the Example of Traditional Tai Chi

Abstract: In China, it is customary to divide schools and directions of traditional martial art into external and internal (内家) or so-called Taoistic or Wudang styles (武当派). Behind this division are two types of approaches to the classification of schools described by the author.

In addition, the author puts forward his original version of the fundamental difference between internal styles, and in particular, Taijiquan, from other schools and styles of Wushu.

Keywords: China, traditional Wushu, inner schools, Taijiquan.

Великий Мастер У Тунань говорил о сути тайцзи так: «Люди все еще плохо знают, что тайцзицюань — это своего рода наука движения. В ней нет фиксированных поз или установленных форм. В прежние времена учителя обучали ей по своей сердечной доброте, и начинать ее изучение приходилось с комплексов фигур и базовых упражнений. И только когда ученик завоевывал особое расположение учителя, он мог перейти от изучения форм к тому, что форм не имеет» [Малявин, 404].

Автору не раз приходилось отвечать на вопросы о специфике внутренних школ — так называемых *нэйцзя*, что заставило тщательно изучить и проработать данный вопрос, сделав в итоге обоснованный и аргументированный вывод о реальной специфике *нэйцзя*.

Сложившееся отношение к делению ушу на *нэйцзя* и *вайцзя* в сжатой и понятной форме изложил Учитель Гао Чжуанфэй в книге «Сто вопросов и тысяча мыслей о тайцзи» [高壮飞、若水, 63]. Есть два основных подхода в выделении *нэйцзя*. Приверженцы одного — наиболее распространённого подхода — говорят о том, что *нэйцзя* отличаются высоко проработанным разделом так называемого *нэйгуна* — внутренней работы. Их оппоненты возражают, что в том же *шаолиньцзюане* и ряде других школ внутренний раздел проработан на не менее высоком уровне.

Есть и другой, менее распространённый подход. Например Мастер Ма Юэлян (马岳梁) [高壮飞、若水, 63], говорит о том, что тайцзи раньше не обучали вне семьи. Отсюда и понятие внутренней школы.

Осмысление многолетней практики и исследования каратэ, самбо, дзюдо, кендо, айкидо, айкибудо, а также тайцзи, привело к некоторым выводам по поводу боевых искусств в целом и *нэйцзя* в частности.

Однако прежде чем говорить об этом, необходимо провести некоторые уточнения в определениях и развести понятия единоборств и боевых искусств.

Задачей единоборств является победа в поединке, организованном по определённым правилам. Участники поединка не враги, а соперники. Для их сохранения от травм и гибели вводятся различные ограничительные правила, судейство с возможностью остановки поединка, а также врачебная помощь на случай получения травмы. Победа засчитывается по формальным признакам — по очкам и/или по неформальным признакам нейтрализации противника — контузии от ударов и бросков, удержания, удушение, выталкивание за круг и т.п....

Задачей же боевых искусств (БИ) является выживание в боестолкновении. Здесь происходит поединок без определённых правил и судейства, в котором ставка — это жизнь и здоровье участников. Это происходит за счёт минимально затратной по времени и энергопотерям и максимально эффективной нейтрализации противника вплоть до летального исхода.

Между единоборствами и боевыми искусствами нет непроходимых границ, зачастую боевые искусства трансформируются в единоборства, а единоборства становятся базой подготовки бойцов реального боя. И всё же остаётся вышеуказанное явное отличие. Естественно, что БИ более присущи боевикам из силовых или криминальных структур. Поэтому в традиционном Китае изучение БИ было одним из обязательных атрибутов подготовки боевиков тайных обществ, охранных предприятий и, разумеется, силовых структур.

Что же используется технически для нейтрализации противника? Если вывести за скобки болевые приемы с воздействием на точки и/или суставы и т.п..., а также удушения, то останутся броски, подсечки, выталкивания и, разумеется, удары.

Если далее рассмотреть ударную, бросковую и толчковую технику, то мы видим, что технический арсенал всех БИ и единоборств использует силу инерции своего тела. Все, кроме *пэйцзя*, в основе ударной техники которых лежат специфические навыки и особое умение.

Библиографический список

Малявин В.В. Тайцзицюань: Классические тексты. Принципы. Мастерство. М.: Кнорус, 2011.

“千思白问太极拳”/高壮飞、若水, 北京, 海关出版社, 2005.

Н.В. Пушкарская
ИКСА РАН

ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ УЧЕНИЯ О ПЯТИ СТИХИЯХ У СИН 五行

Аннотация. Рассмотрена проблема достоверности древнекитайских текстовых источников (таких как «Шан шу» «尚书»), относящихся к доциньскому периоду. Хотя история обсуждения данной проблемы насчитывает века, она по-прежнему остается довольно острой, так как в зависимости от ее решения меняется и отношение к содержанию памятников, являющихся первоисточником для многих основополагающих учений, к числу которых относится и учение о пяти стихиях у син 五行.

Наиболее скептическую позицию относительно древности китайской классики занимали политический деятель и мыслитель Кан Ювэй 康有为 (1858—1927) и известный китайский историк Гу Цзеган 顾颉刚 (1893—1980), основатель школы «сомневающих в древности» (*yigupai* 疑古派). Однако археологические раскопки второй половины XX века помогли решению данного вопроса. Благодаря ценным находкам, подтвердившим древнее происхождение доциньских текстов, и использованию метода «послойного» анализа текста (предложенного Гу Цзеганом), сейчас мы можем утверждать, что основной источник учения о пяти стихиях у син 五行 — глава «Хун фань» «洪范» из книги «Шан шу» — написан не позднее периода Чжоу.

Ключевые слова: у син, исторический скептицизм, первоисточники, «Шан шу», «Хун фань».

Natalia V. Pushkarskaya
ICCA RAS

The Primary Sources Authenticity Problem for the Conception of Wu Xing 五行

Abstract. The report touches upon the authenticity problem of ancient Chinese text sources (such as «Shang shu» «尚书»), dating from the pre-Qin period. Although the history of discussing this problem goes back into centuries ago, it remains quite acute, because, depending on its solution, the attitude to the content of these texts that are the primary sources for many fundamental concepts, including conception of Wu Xing 五行, also changes.

The most skeptical position regarding the antiquity of the Chinese classics were taken by the politician and thinker Kang Youwei 康有为 (1858—1927) and the famous Chinese historian Gu Jiegang 顾颉刚 (1893—1980), the founder of the school of «doubters in antiquity» (*yigupai* 疑古派). However, archaeological excavations of the second half of the 20th century helped to solve this issue. Due

to valuable findings that confirmed the ancient origin of the pre-Qin classics and the using of the «layer-by-layer» text analysis method (proposed by Gu Jiegang), now we can say that the main source of the conception of Wu Xing 五行 — the chapter «Hong Fan» «洪范» from the «Shang shu» — was written no later than the Zhou period.

Keywords: wu xing, historical skepticism, primary sources, Shang shu, Hong fan.

Споры о подлинности «Шан шу» и других древних китайских текстов ведутся китайскими учеными, начиная еще с династии Хань 汉 (202 г. до н.э. — 220 г. н.э.), когда перед китайской цивилизацией стояла задача восстановить культурные памятники прошлого, уничтоженные во время династии Цинь 秦 (221—207 гг. до н.э.). Кульминация эта дискуссия достигла на рубеже XIX—XX веков. Известный китайский политический деятель и мыслитель Кан Ювэй 康有为 (1858—1927) в книге «Исследование поддельных классических канонов Синьской школы» «新学伪经考» «Синьсюэ вэй цзин као» (1891 г.) [Тихвинский 2014, 298] объявил классические китайские тексты подделкой Лю Синя 刘歆 (50 г. до н.э. — 23 г. н.э.), китайского ученого эпохи Хань [Hein 2019, 37—63].

В 20-х годах XX века известный китайский историк Гу Цзеган 顾颉刚 (1893—1980) продолжил исследование китайской классики в духе исторического скептицизма и дал начало «школе сомневающих в древности» — «игупай» «疑古派». С 1926 по 1941 г. он, совместно со своими последователями, написал семь томов «Критики древней истории» «古史辨» «Гу ши бянь», где, кроме ошибочных сомнений в подлинности многих произведений (впоследствии по большей части оспоренных), Гу Цзеган под влиянием идей китайского писателя и философа Ху Ши 胡适 (1891—1962) предложил ценный для последующего изучения древних китайских трактатов метод «послойного» анализа текста. Он предположил, что, чем позже появлялся миф, тем раньше он ставился в хронологии событий (подробнее см.: [Richter 1994, 355—388]).

Происхождение концепций *инь-ян* 阴阳 и *у син* 五行 и их влияние на древнюю политическую систему Китая Гу Цзеган обсуждает в 5-м томе «Критики древней истории» (1935). Относительно учения о пяти стихиях у *син* Гу Цзеган высказывает мнение о том, что в ранних, доцинских, произведениях содержится слишком мало информации об этом учении, тогда как в более поздних текстах, напротив, дается его развернутое и подробное описание. В связи с этим он утверждает, что учение о пяти стихиях зародилось и развилось только во время династии Цинь (221—207 гг. до н.э.), а такие главы «Шан шу» «尚书», как «Гань ши» «甘誓» и «Хун фань» «洪范» — это попытка ханьских ученых обеспечить своему учению историю, берущую начало с древних времен [顾颉刚 1982, 404—617].

Данная аргументация не выдерживает критики, так как существуют доциньские тексты, содержащие, в том или ином виде, отсылки к учению о пяти стихиях. Например, текст «Цзо чжуань» «左传» «Комментарий Цзо», долгое время служивший важнейшим источником сведений по истории Древнего Китая с VIII по V вв. до н.э. и окончательно оформившийся примерно к 300 г. до н.э.

Бесценный вклад в разрешение проблемы датировки китайской классики внесли археологические раскопки второй половины XX века. Благодаря этим находкам были получены доказательства раннего возникновения многих классических текстов [Shaughnessy 2006, 60].

Несмотря на довольно большие расхождения в оценке времени создания главы «Хун фань», датирование колеблется внутри большого периода Чжоу, подтверждая ее до-Циньское происхождение. Известный китайский историк и археолог Ли Сюэцин 李学勤 (1933—2019) приводит в своей статье «Книга на шелке «У Син» и «Хун фань» из «Шан шу» доказательство того, что «Хун фань» является текстом, написанным в эпоху Западной Чжоу (1046—771 гг. до н.э.) [李学勤 1986, 37—40]. В то же время американская исследовательница истории Древнего Китая Майкл Нилан считает, что составление главы «Хун фань» из более ранних источников должно быть датировано IV в. до н.э. (период Воюющих царств Чжань Го 战国 (475—221 гг. до н.э. завершает эпоху Чжоу) [Nylan 1988, 251—264].

Историко-филологический анализ мифологического содержания «Шан шу», представляющий собой развитие идеи «послойного» анализа текста Гу Цзегана [Попова 2013, 382—392], показывает, что миф о Великом Юе 大禹, присутствующий в главе «Хун фань», скорее всего, является более древним, чем представление о последовательном правлении Яо 尧, Шуня 舜 и Юя, закрепленное в первых двух частях «Шан шу». Это наблюдение в очередной раз косвенно подтверждает принадлежность главы «Хун фань» ко времени до начала династии Цинь и Хань.

Библиографический список

Попова Г. С. Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя Шуцзина // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2013. С. 382—392.

Тихвинский С. Л. Движение за реформы 1895—1898 // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10-ти т. Т. VI. Династия Цин (1644—1911). М.: Наука, Восточная литература, 2014. С. 295—318.

Hein A. Concepts of «Authenticity» and the Chinese Textual Heritage in Light of Excavated Texts // China and the World — the World and China. Volume 1: Transcul-

tural Perspectives on Pre-modern China. German East Asian studies. — Gossenberg: Ostasien Verlag, 2019. 1000 p.

Nylan M. A modest proposal, illustrated by the original «Great Plan» and Han readings // *Cina*. 1988. № 21. P. 251—264.

Richter U. Historical scepticism in the new culture era: Gu Jiegang and the «Debate on ancient history» // 近代史研究所集刊. 1994. 第 23 期. 下册. 第 355—388 页.

Shaughnessy E. Rewriting Early Chinese Texts. — Albany: State University of New York Press, 2006. 287 p.

顾颉刚. 古史辨 [Гу Цзеган. Критика древней истории]. 第五册. 上海:上海古籍出版社, 1982. 753 页.

李学勤. 帛书《五行》与《尚书·洪范》 [Ли Сюэцинь. Книга на шелке «У син» и «Хун фань» из «Шан шу»] // 学术月刊. 1986. 第 11 期. 第 37—40 页.

彭邦本

四川大学历史文化学院

Пэн Банбэнь

Школа истории и культуры Сычуаньского университета

**ОТ КОНФУЦИЯ ДО ВЭНЬ ВЭНА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
КОНЦЕПЦИЯ «НЕ ДЕЛАТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ
В ОБУЧЕНИИ» И ЕЕ РАННЯЯ ПРАКТИКА**

从孔子到文翁：“有教无类”教育理念及其早期实践

【文章摘要】 春秋晚期，相传自夏商周以来的传统官学衰亡，民间私学兴起以填补其空白，孔子首倡“有教无类”教育新思想，并率先创办私学予以实践。到西汉初期，蜀郡郡守文翁首创郡学培养人才，弘扬孔子教育思想，首次在官办学校中实行“有教无类”原则，影响深远，史称“文翁化蜀”，并被汉武帝树为典范，命令天下郡国均按其原则办学，并在中央兴办太学，开创了古代教育的新纪元。

【关键词】 孔子 文翁 郡学 有教无类

Peng Bangben

School of History and Culture, Sichuan University

From Confucius to Wen Weng: the educational Concept of “Making no Social Distinctions in Teaching” and its Early Practice

Abstract. In the late Spring and Autumn Period, it was said that since the Xia, Shang, Zhou Dynasties, traditional official schools had waned, and private folk schools had sprung up to fill the gap. Confucius became the first to promote the new educational concept of “making no social distinctions in teaching” and put it in practice by establishing private school. Then in the early West Han period, Wen Weng, the governor of Shu Prefecture, initiated the Prefecture School to train talents, promoted this educational concept of Confucius and became the first to practice such concept among the official schools, which had made great impact. Wen’s contribution was named “Wen Weng Cultivating Shu”, a famous event in the Chinese history. Wen was upheld as role model by Emperor Han Wudi who ordered all Prefectures follow the principle of Wen Weng. Wudi also set up imperial college in the central government, thus ushered in a new era of ancient education.

Keywords: Confucius, Wen Weng, Prefecture School “Making no Social Distinctions in Teaching”.

中国自古重视文教，相传夏商周三朝均已设立学校，即《孟子》所谓“夏曰校，殷曰序，周曰庠，学则三代共之，皆所以明人伦也”。[《孟子》1982, 2702]因年湮代远，史料散失，扑朔迷离，惟周代学校情形略可推知，其制有“乡学（校）”、“国学”两级，分别是国人和其贵族就学之所，大致为官学性质。“国人”都拥有入学接受教育的权利，因而具有相对平等的性质和意义。但是，由于西周以至春秋前中期实行国野对立制度，居住于“国中”亦即城郊内的“国人”和居住于城外广大乡村的“野人”分属于统治集团和被统治集团，“野人”并不能进入“乡校”遑论“国学”中学习。同时，即使同为“国人”，入学者是否免除徭役，也因学业和出生优劣存在等差。如王太子、王子、群后之太子、卿大夫元士之嫡子天生就可以入“大学”学习，其他“国人”除少数佼佼者能有幸从乡校升入“大学”外，广大“国人”只能在乡校学习。因此，无论从“天下”层面而言，还是“国人”内部而言，教育仍然具有明显的不平等性。

到春秋晚期，礼崩乐坏，传统官学陆续解体，私学逐渐取而代之。孔子开门兴办私学，并最早提出和实行“有教无类”[《论语》1982, 2518]的教育思想与招生原则，超越了西周以来的等级制和国野制度，不分贵贱、贫富、国别和族群，只要有向学之志，缴纳少量学费，都可以入学成为孔门弟子，具有划时代的伟大意义。

孔子这一伟大创举得以产生、实践，基于以下社会历史条件的巨大变迁和孔子本人新的深刻认识。

首先是西周晚期周宣王“不籍千亩”以来，列国春秋时期的一系列变法改制，其中最深刻的变迁是国野制度的打破，使得野外广大村社农民摆脱了“野人”身份，获得了和普通“国人”一样的地位。这就在客观上为孔子实行更为公平开放的招生办学方针，提供了社会历史条件。

孔子把对国人的教育，放在比使之富裕更高的位置。其教育继承了周代传统，以军事技能为重要内容，他在《论语·子路》中强调：

以不教民战，是谓弃之！

“以不教民战”，正是列国间普遍的现象，既违背传统，也违背了孔子的教育思想和仁道主义理念，因而遭到他强烈的斥责。

孔子“有教无类”的普及教育理念，以他深刻的人性认知为基础。《中庸》认为：

天命之谓性，率性之谓道，修道之谓教。[《礼记》1982,1625]

作者认为作为禀赋的人性是天生的，但这显然源于孔子在中国历史上率先提出的以下明确主张：

性相近也，习相远也。[《论语》1982,2524]

既然人的天赋素质相近，个性差异主要是后天所致，所以教育对人的成长非常重要，舍之无以完成其社会化，成长为合格的社会成员。循此理路，既然天赋人性相近，素然如正待书写的绢帛，故人人都可能受教育，都应该受教育，也都需要受教育。因而，孔子在历史上首倡“有教无类”的教育思想，并且直接付诸实践。具体说来，即创办私学，广招学生，生源来自国野混一后的各国和各阶层，不论贵贱、贫富，只要有向学之志，“自行束脩以上，吾未尝无诲焉。”[《论语》1982,2482]亦即只需缴纳少量学费，即可成为孔子的学生。由此以私学这一创新形式，打破了当时可能有些地方还残存的官学的垄断地位，把教育范围扩及平民，尤其是此前不久还被明确排斥于学校教育之外的广“野人”，顺应和引领了历史发展潮流。

秦汉之际的大动荡，导致汉初经济社会残破。随着汉朝“休养生息”政策下社会秩序的重建和国计民生的恢复，民间私学为主要形式的文教也逐渐复苏，但东周以来衰亡的官学一直没有恢复。

转机出现于汉景帝末期的蜀郡，此即史上著名的蜀守文翁化蜀。文翁名党，约公元前187~前110年，庐江舒（今安徽省舒城县）人。《汉书·循吏列传》记载了其事迹：

修起学官于成都市中，招下县子弟以为学官弟子，为除更徭，高者以补郡县吏，次为孝弟力田。……县邑吏民见而荣之，数年，争欲为学官弟子，富人至出钱以求之。由是**大化**，蜀地学于京师者比齐鲁焉。至武帝时，乃令天下郡国皆立学校官，自文翁为之始云。[班固1983,3626]

文翁化蜀的杰出政绩，包括创造性地从蜀地选拔一批年轻吏员赴京“受业博士，或学律令”，以提高执政水平；大兴水利，发展经济，促进了天府之国的形成。但其最重要、最具有划时代意义的贡献，是打破当时社会上只有私立学校，长期没有公学或官学的局面，率先在天下创立地方政府公办学校——郡学，持续直接培养官府所需的吏员。《汉书》继而曰：

（蜀地）文章冠天下。繇（由）文翁昌其教，相如为之师，故孔子曰：“有教亡（无）类。”[班固1983,1645]

盛赞文翁不仅造就了蜀地文教昌明局面，更表彰其弘扬了孔子首创的“有教无类”的开放办学原则。

《汉志》此说是有根据的，因为前引《循吏传》已经明确记载文翁“招下县子弟以为学官弟子，为除更徭”。按汉代实行二十等爵制，凡普通人都要按期服徭役，这是古代国家强加于社会一般成员的沉重负担。文翁的上述专门规定清楚地揭示，他所招学生中必有相当部分是普通平民子弟，这条规定无疑是对入学人员的极大优惠。之所以说文翁继孔子之后的兴学是创造性地继承和发展了孔子，乃是因为孔子的招生原则固然已经是伟大创举，但他毕竟还停留在个体创办的私学层面，仅仅以一校之力，惠及范围还很有限，因而其历史意义主要在于开天下风气之先的创造性。

对入学者尤其其中优秀者的鼓励性优惠，据《礼记·王制》相传在周代乡学、国学中已有所实施。但总体而言，当时不仅野人没有资格入国人之学受教育，即使国人入学，也多未免除徭役。易言之，即使在国人层面，教育仍然不平等，这与周代“天有十日、人有十等”[左丘明1982, 2048]的等级制社会的现实是吻合的。

到孔子办学招生，首次实行“有教无类”的原则，这就至少在入学条件这一基础环节上实行了大致平等。

而文翁全面免除入学者的徭役负担，这是首次在官办学校中切实实行了“有教无类”原则，其历史进步、制度创新的作用意义遂已更上层楼。况且文翁兴学经汉武帝推广于全国以后，成为了普天下郡国官学的制度，其影响所至，社会的受惠面亦即受众亦就更为广大。这就进一步彰显了文翁兴学的深远历史意义，尤其是在教育史上的开创性崇高地位。

Библиографический список

《孟子·滕文公上》，Chapter 5 Prince Wen of Teng (I), The Mencius. 《十三经注疏》，北京：中华书局，1982年，第2702页。

《论语·卫灵公》：“子曰：‘有教无类。’”Wei Lingong, The Analects of Confucius. 《十三经注疏》，北京：中华书局，1982年。

《礼记·中庸》。The Doctrine of the Mean, The book of Rites. 《十三经注疏》，北京：中华书局，1982年。

《论语·述而》。北京：中华书局，1982年。

班固《汉书·循吏传》，Biographies of the Honest Officials the History of the Han Dynasty. 《汉书》，北京：中华书局，1983年，第3626页。

班固《汉书·地理志下》，Monograph on Geography (2) of the History of the Han Dynasty. 《汉书》，北京：中华书局，1983年。

《左传》昭公七年。《春秋左氏传》，Legend of Spring and Autumn Century by Zuo Qiuming. 《十三经注疏》，北京：中华书局，1982。

П.И. Рысакова

Санкт-Петербургский государственный университет

**«ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ
КАЧЕСТВ»: ШАГ К МЕРИТОКРАТИИ
ИЛИ СОХРАНЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА?**

Аннотация. Проанализированы образовательные нововведения в китайском обществе последних десятилетий: продвижению концепции «образования для развития личностных качеств» и реформа *гаокао*, экзамен для зачисления в вуз. Идеал «качества населения» задает логику многих преобразований в современном Китае. В первую очередь они затрагивают сферу образования, которое рассматривается как основной механизм для качественного изменения «нации». С началом периода «реформ и открытости» идеи национального развития, качества граждан и образования соединились в концепции «образования, ориентированном на воспитание личностных качеств» (素质教育).

Иницированная Си Цзиньпином реформа национального экзамена *гаокао*, на основе которого проходит зачисление в вузы, сумела придать этой образовательной концепции требуемый социальный вес и признание. Новая практика зачисления в вуз предполагает комплексную оценку абитуриента, учитывающую как академические результаты, так и внешкольные достижения. В основу этих образовательных нововведений положен меритократический принцип распределения социальных благ — доступность престижного образования и дальнейшего трудоустройства. Однако в реальности подобная меритократия может обернуться новой формой социального ограничения и неравенства, поскольку создает дополнительные преимущества жителям урбанизированных регионов Восточного Китая.

Ключевые слова: реформа образования, *гаокао*, «образование для развития личностных качеств», меритократия.

P.I. Rysakova

Saint-Petersburg State University

“Quality education”: a Step Towards Meritocracy or the Preservation of Inequality?

Abstract. This article is devoted to the analysis of educational innovations in Chinese society in recent decades: the promotion of the concept of “quality education” (*suzhi jiaoyu*) and the reform of the *gaokao*, the university entrance examination. The ideal of “population quality” sets the logic of many transformations in modern China. First of all, they affect the sphere of education, which is considered as the main mechanism for the qualitative change of the “nation”. With the begin-

ning of the period of “reform and opening up”, the ideas of national development, the quality of citizens and education were combined in the concept of “quality education” (素质教育).

Xi Jinping’s reform of the national gaokao exam, on the basis of which university admissions are based, has managed to give this educational concept the required social weight and recognition. The new practice of enrolling in a university involves a comprehensive assessment of the applicant, taking into account both academic results and extracurricular achievements. These educational innovations are based on the meritocratic principle of the distribution of social benefits — the availability of prestigious education and further employment. However, in reality, such meritocracy can turn into a new form of social restriction and inequality, since it creates additional benefits for residents of the urbanized regions of eastern China.

Keywords: education reform, gaokao, “quality education”, meritocracy.

Одна из центральных тем китайского политического дискурса последних десятилетий — проблема «качества» (素质) нации, от уровня которого зависят перспективы социально-экономического развития. При этом «повышение качества нации» — это не только риторический прием в официальных документах, но провозглашаемая цель многих преобразований, охватывающих сферу образования и программы социальной помощи, которая и задает логику их реформирования.

В 1990—2000-е годы идеи национального развития, приоритета образования и «качества» граждан соединились в концепции «образования, ориентированного на воспитание личностных качеств» (素质教育). Изначально она продвигалась усилиями педагогического сообщества в противовес утилитарной модели образования, которая была ориентирована лишь на экзаменационные успехи, открывавшим путь к социальным достижениям. «Образование для развития качеств» предлагало фокусироваться на собственно педагогических задачах многостороннего развития личности.

К 2010-м годам идеи «сучжи цзяюй» практически утратили популярность, превратившись в набор пустых лозунгов. Центральной причиной этого была низкая востребованность такого рода образования в стратегиях школьного тестирования и механизмах зачисления в вузы, которые по-прежнему замыкались на результаты *гаокао* (всекитайского государственного вступительного экзамена в вузы). На этом фоне занятия по развитию личностных качеств казались бессмысленным обременением, которое ложилось на плечи и так перегруженных школьников.

Ситуация начала меняться в 2010-е годы, с приходом Си Цзиньпина, для которого реформа в сфере образования стала одной из ключевых. В фокусе внимания оказалась практика зачисления в вуз — общенациональный экзамен *гаокао*. Реформа *гаокао* была запущена в 2014 г. и к

2022 г. охватывает 14 регионов Китая, преимущественно в восточных и центральных провинциях. В них экзамен *gaokao* проводится в новом формате.

Концептуальным ядром нововведений послужила схема зачисления в вуз «два критерия, одна рекомендация» (两依据一参考), выдвинутая в результате переосмысления прошлого опыта проведения экзамена *gaokao*. Новая схема предполагала учитывать не только итоги единого экзамена, но также результаты школьного академического экзамена и справку из школы с «комплексной оценкой личностных качеств» (学生综合素质评价). Оценки по итогам *gaokao* и школьных экзаменов считаются основными критериями для зачисления (两依据), а справка о достижениях — дополнительным справочным материалом и рекомендацией (一参考). Подобная схема зачисления отражала базовую идеологию реформы *gaokao* — «оценивать людей, а не баллы» (从招“分”走向招“人”).

Реформа *gaokao* 2014 г. по зачислению в вузы с учетом «качественных» оценок сумела закрепить требования к «личностным качествам» школьника, которые превратились в измеряемый и важный компонент «комплексной оценки абитуриента». Новые критерии зачисления вузы как раз придали необходимые признание и востребованность «образованию для развития личностных качеств» школьника. Поступление в престижный вуз оказалось теперь невозможным без подтверждения особых «личностных» достижений в виде волонтерской деятельности, участия в спортивных или академических состязаниях. Таким образом был сформирован отчетливый общественный запрос на внешкольное образование и различные виды внеклассовой деятельности за рамками школьной образовательной программы.

Реформа способов зачисления в вузы позволила несколько снизить приоритетное значение вступительных экзаменов *gaokao*. Однако уже сейчас она оборачивается новой формой ограничений и неравенства. В условиях современного Китая политика повышения «качества» населения, в частности, реформа *gaokao*, обретает своеобразную географию, отдавая приоритет восточным урбанизированным регионам и оставляя пока еще позади внутренние районы. Неизбежным образом требование «комплексной оценки качества» для поступления в престижный вуз оставляет больше возможностей пекинскому или шанхайскому школьнику, нежели из ровеснику из деревушки в Юньнани, который скорей может рассчитывать на квоты адресного «сельского» набора.

С.А. Серова
ИБ РАН

СЦЕНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТЕАТРА КАК МАРКЕР ВРЕМЕНИ ИСТОРИИ

Аннотация. Рассмотрена тема сценического образа актера как маркера времени Истории. Китайский актер помещен в рамки строгого канона сценической игры. Но талант актера раскрывается в собственном прочтении образа, в строгом соответствии с историческим временем страны. И ощущение ответственности, а иногда и преодоление страха за сказанное во всеулышание. Но это говорит и о таланте зрителя, который не только наслаждается зрелищем и игрой самого актера, но и понимает глубину смыслов, транслируемых со сцены.

Ключевые слова: буддизм, маркер, смех, китайский театр.

Svetlana A.Serova
Institute of Oriental Studies of RAS

The Stage Image of the Theater as a Marker of the Time of History

Abstract. The report is devoted to the theme of the stage image of the actor as a marker of the time of History. The Chinese actor is placed within the strict canon of stage acting. But the talent of the actor is revealed in his own reading of the image, in strict accordance with the historical time of the country. And a sense of responsibility, and sometimes overcoming fear for what was said publicly. But this also speaks of the talent of the viewer, who not only enjoys the spectacle and the performance of the actor himself, but also understands the depth of meanings broadcast from the stage.

Keywords: Buddhism, marker, laughter, Chinese theater.

Актер и его мастерство, несмотря на устоявшиеся вековые кодексы выразительных средств, дает живой образ своей эпохи.

Дата рождения китайского театра — 714 год — время распространения в Китае буддизма. Реальное лицо — буддийский монах Сюаньцзан («Трипитака») отправляется в Индию за священными книгами. Он знаковая фигура истории страны и театра. Его сопровождающий — обезьяна Хануман. Его родословная: рожденный от отца-ветра, по одной версии, от отца-солнца — по другой. В индийском эпосе — герой, преданный Раме, отмеченный умом и редкой силой, сражающий врагов с быстротой молнии. В Китае он получил имя Сунь Укун — «монах, постигший пустоту» (шуньята). Это, видимо, поколебало представление о поверхност-

ном, «обезьяньем» уме, укоренившееся в Китае со времен Чжуан-цзы. История совместного путешествия еще не созрела для театра, а годилась только, возможно, как «игры с (живой) обезьяной» для уличных представлений. Сунь Укун, выходящий за рамки правил, что для самого актера и прекрасно, и опасно, был непростым персонажем для воплощения, поскольку актер мог поплатиться жизнью за свою игру.

Период Сун вывел героев на подмостки сцены, где они спасали обездоленных и обиженных, что в литературной форме представлено в виде фарса. Сатира и волшебство царят на этой сцене. Период Юань: многочастная пьеса посвящена спасению все тех же обездоленных и униженных, теперь в период монгольского владычества. И лишь в период Мин, эпоху великих китайских романов, предстают во всей полноте образы наших героев и их путешествие на Запад. Новое время: на сцене театра герой Сунь Укун, устроивший «Переполох в небесном царстве» (打鬧天宮). Дружный смех зрительного зала сопровождает действие. О смехе сказано: «Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым» [Маркс, URL].

Библиографический список

Маркс К. К критике гегелевской философии права. URL: http://krotov.info/library/13_m/ar/ks_01.htm (дата обращения: 21.03.2022).

Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма. XIII—XIV вв. М., 1979.

Старостина А.Б.

Институт востоковедения РАН

ФИЛОСОФ ВАН БИ КАК ГЕРОЙ РАССКАЗОВ О НЕОБЫЧАЙНОМ

Аннотация. Творчеством и жизнью адептов «учения о сокровенном» восхищались многие поколения последующих авторов. Жизнь Ван Би (Ван Фусы), блестящего философа, умершего молодым, но внесшего при этом значительный вклад в создание фонда китайских философских категорий, ожидаемо привлекла внимание биографов, а также литераторов, работавших в жанре «рассказов о необычайном». Рассмотрены четыре истории из сборников V—X веков («Ю мин лу», «И юань», «Гуан и цзи» и «Шэньсянь ганьюй чжуань»), посвященные встречам с духами умерших. В каждом из них Ван Би выступает как главный или второстепенный персонаж. Структурный и содержательный анализ этих текстов позволяет предположить, что сюжеты, в которых фигурирует образ Ван Би, и особенности трактовки этого образа, могут пролить свет на рефлексии конфуцианской традиции и на осмысление ею собственного прошлого.

Ключевые слова: «Тайпин гуан цзи», учение о сокровенном, Ван Би, история конфуцианства.

*Aglaia B. Starostina**Institute of Oriental Studies (RAS)*

Philosopher Wang Bi as a Hero in “Records of Anomalies”

Abstract. The works and lives of the “xuan xue” adherents were admired by many generations of subsequent writers. The life of Wang Bi, who made a significant contribution to the creation of the basic fund of categories that Chinese philosophy expectedly attracted the attention of biographers, as well as writers who worked in the genre of “records of anomalies”. The report considers four tales from collections of the 5th—10th centuries. (“You ming lu”, “Yi yuan”, “Guang yi ji” and “Shenxian ganyu zhuan”) dedicated to the encounters with the spirits of the dead. In each of them, Wang Bi acts as the main or secondary character. The structural and semantic analysis of these texts suggests that the plots in which the image of Wang Bi appears, and the peculiarities of the interpretation of this image, can shed light on the reflection of the Confucian tradition and its understanding of its past.

Keywords: “Taiping guang ji”, Dark Learning, Wang Bi, history of Confucianism.

Последователи «учения о сокровенном» проживали собственную философию, возвращая конфуцианству утраченный экзистенциальный смысл. Их работы и жизни вызвали восхищение у многих поколений последующих философов и литераторов. В числе наиболее ярких звёзд III века был Ван Би (Ван Фусы), внесший заметный вклад в создание базового фонда категорий, которыми с тех пор оперировала китайская философия, прекративший аморфное хождение «Дао дэ цзина» и фактически сформировавший парадигму, в рамках которой «Канон перемен» воспринимается преимущественно как философский памятник. Человек амбициозный и заносчивый, Ван Би при жизни успел поспорить со многими коллегами, но учёный мир оценил его по заслугам. Его сравнивали с любимым учеником Конфуция Янь Юанем. И действительно, Ван Би умер так же рано, как Янь Юань, заболев во время домашнего ареста, который в любом случае грозил кончиться казнью.

Жизнь этого блестящего юноши ожидаемо привлекла внимание биографов, а также литераторов, работавших в жанре «рассказов о необычайном». Последних более всего интересовало его посмертное существование.

В сообщении будут рассмотрены четыре рассказа из сборников V—X веков («Ю мин лу», «И юань», «Гуан и цзи» и «Шэньсянь ганьюй чжуань»), посвящённых контактам с душами умерших. Все они включены в свод «Тайпин гуан цзи» («Обширные записи годов Тайпин», X век). В каждом из них действует Ван Би как главный или второстепенный персонаж. Структурный и содержательный анализ этих текстов позволяет предположить, что сюжеты, в которых появляется образ Ван Би, и особенности трактовки этого образа могут пролить свет на рефлексию конфуцианской традиции и осмысление ею собственного прошлого.

Библиографический список

Ли Фан и др. Тайпин гуан цзи [Обширные записи годов Тайпин]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006. Т. 1—10 (на кит. яз.).

Су Юйхуэй

*Институт истории и культуры
Сычуаньского университета*

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗОВ ИЗ ГЛАВЫ «АЛЫЙ ЛЕБЕДЬ,
ПОСЕЛИВШИЙСЯ В ДОМЕ ТАНА» — К ВОПРОСУ
О СООТВЕТСТВУЮЩИХ КОНЦЕПЦИЯХ ДРЕВНЕЙ
КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ТЕКСТЕ
НА БАМБУКОВЫХ ПЛАНКАХ**

苏逾辉

四川大学历史文化学院

**《赤鸪之集汤之屋》所见诸意象探讨 ——
兼谈相关的中国早期医疗观念**

摘要：清华简《赤鸪之集汤之屋》篇内容中出现赤鸪、黄蛇与白兔等意象。这些意象与疾病生成及传播有密切的关系,同时也在一定程度上跟当时流行的阴阳消息以及五行、五藏、五色对应等知识体系相关。《赤鸪之集汤之屋》篇内容具有较为强烈的巫术色彩,可能与先秦楚地巫风盛行有关,也与中国早期医疗观念有一定的关系。

关键词：赤鸪之集汤之屋；意象；阴阳五行；医疗观念

SU Yvhui

College of History and Culture, Sichuan University

**A study on the images in A Scarlet Swan Settling on Tang's House —
Also talk about related Chinese early medical concepts**

Abstract. There are images of red dove, yellow snake and white rabbit in “A Scarlet Swan Settling on Tang's House” in Tsinghua Bamboo Slips. To a large extent, the above images corresponded to the knowledge system of Yin-yang and the five elements, the five Zang and the five colors that were popular at that time. The content of this article has a strong witchcraft color and has a certain relationship with the early medical concept in China.

Keywords: A Scarlet Swan Settling on Tang's House; images; Yin Yang and five elements; Medical concept.

学者对于清华简《赤鸩之集汤之屋》篇的研究大多集中于讨论该篇文字体裁与小说的关系，如黄德宽【黄德宽 2013】先生所作的相关研究。侯昱文^[21]等学者曾论及简文内容的巫术色彩。简文内容与医疗观念仍有待研究。

一、简文中与医疗有关的意象

简文之中出现赤鸩、黄蛇、白兔三个意象，这三个意象与疾病的发生以及传导密切相关。据简文内容，伊尹窃食商汤赤鸩之羹而能“邵（昭）然，四晦（海）之外，亡（无）不见也”。因此，伊尹出逃并受到商汤诅咒濒临死亡，得到“**吾鴆**（巫乌）”之助起死回生。夏后患病则因为“帝命二黄它（蛇）與二白兔尻句（后）之**鼎**（寢）室之棟，元（其）下**舍**（舍）句（后）**瘖**（疾）……命句（后）土為二**蔭**（陵）屯……是思（使）句（后）之身**瘖**（疴）”。巫乌“**致**（附）【许文献 2021, 195】少（小）臣之**胸**（喉）渭（胃）”帮助伊尹撤除陵屯，驱赶黄蛇、白兔，治好夏后疾病【李学勤 2012, 166页】。

二、意象、病理与阴阳五行的关系

简文称帝使后土施放“二**蔭**（陵）屯”，上刺夏后之体。后土为社神，陵屯为尖刺状物，形制与古代社石近似【常玉芝 2010, 237—260】。古代社祭土而主阴气，祭祀时人君南乡于北墉下，北在方位上对应死亡【阮元 2009】。文献记载，“日中，燕简公方将驰于祖（燕国之社）涂，庄子仪（亡魂）荷朱杖而击之，殪之车上”【孙诒让 2001, 228—229页】。五藏因“精气郁”生病，郁即“不阳”【许维遹 2009, 562、563、564页】。社中阴气散发致人祸患，阴气积郁五脏不散则病发。浊阴为地，“地气上为云”【山东中医学院，河北医学院 1982, 65】。社“屋之掩其上，使不通天”【阮元 2009, 1581页上】。后土将陵屯等阴物放置于室内，阴气不得外泄以致病变。黄蛇白兔均为阴物，所谓“虺蛇穴处，阴之祥也”【阮元 2009, 937页上】，“月……阴精之宗。积……象蜃兔”【欧阳询 1965, 7】。心，五行属火，五色属赤；脾、五色属黄、五德属土；肺、五色属白、五德属金【阮元 2009, 3138页下、3065页上】。史称“黄帝得土德，黄龙地螾见”【司马迁 2000, 1168页】，鳞为龙蛇之属，故黄龙、黄蛇可以和土德与脾对应。金虫为毛，白兔可和金德与肺对应。孟夏火德，其虫羽，即飞鸟之属，赤鸩可和火德与心对应【阮元 2009, 2930页下、2971页下、2955页下】。

在五行生克关系之中，火生土，土生金；五藏之中，心生脾，脾生肺。夏后之疾，简文作“恣”，因阴气过盛病发于心【许文献 2021，225】。传统医学认为“火为阳，阳为气”、“阳不胜其阴，则五脏气争”【山东中医学院，河北医学院 1982，67、42】。当调和阴阳，使之平衡。病发机理，以心、脾、肺为例“心病传脾，脾传肺”【叶霖 1990，53 页】，五藏生者为母，所生为子。黄蛇与白兔象征脾与肺，心火不胜其阴，病症渐次由心传脾、肺。

三、伊尹治愈技术与补泻之法

《难经》：“虚者补其母，实者泻其子”【叶霖 1990，132 页】。虚指血气虚，实指血气实。五藏母虚殃及子，即母令子虚，当采用补其母的方法；子实累及母亦实，即子令母实，采取泻其子的方法。心火下行，可温脾阳。心火一衰，形寒诸证随之而生，此时当补火生土。脾胃与肺为土金相生的母子关系，肺的生理功能必须赖于脾胃功能之正常。脾胃气虚，肺气虚弱，母病及子。临床肺病久治不愈，或可求之于脾。文献中，五行相胜以为病，夏病食甘（土味甘，火生土）能克水又能为子养母（火）【阮元 2009，1437 上】。简文记载伊尹利用心火生脾土、脾土生肺金的机理，补心火进而使得脾与肺机能次第恢复正常。其运作原理一定程度上类似于补泻之法，借助五行五藏相生相克的关系来治疗疾病。伊尹借助象征心火阳气的神鸟获得治疗的能力，且将象征阴气的陵屯以及分别象征脾与肺的黄蛇、白兔去除。简文以具有相似特征的形象模拟内藏相生、病患传播的机制，与人类学中关于巫术的“相似律”有相似之处。

四、结语

综上所述，《赤鸪之集汤之屋》故事内容涉及阴阳五行之说，在一定程度上契合于中医理论。中国早期医学以阴阳五行为理论基础，力求人与天地万物之间的和谐统一。视宇宙为一个有机的整体，个体在一个自发自生的生命程序之中互相作用。这一点，在简文之中得到充分体现。阴阳五行体系建立起一整套有效的解释与操作的规范，为战国乃至两汉社会广泛接受。因而，这篇简文具有思想史研究的价值。

参考文献目录：

黄德宽：清华简赤鸪之集汤之屋与先秦“小说”——略说清华简对先秦文学研究的价值[“A Scarlet Swan Settling on Tang's House” in Tsinghua Bamboo Slips as a Pre-Qin Short Story: Some Reflections on the Value of

Tsinghua Bamboo Slips for the Pre-Qin Literary Research] // 复旦学报（社会科学版）。2013 4 期，第 81—86 页。

侯昱文：小臣文献中的消耗、知识与身体的极限 [Consumption, knowledge, and the limit of the body in xiaochen (小臣) texts] // 李学勤、艾兰、吕德凯主编：清华简研究（第三辑），上海：中西书局。2019，第 237—260 页。

常玉芝：商代宗教祭祀 [Religion and sacrifice in Shang dynasty] // 北京：中国社会科学出版社，2010，第 149—150 页。

阮元 校刻：十三经注疏 [Thirteen Classics Explanatory Notes and Commentaries] // 北京：中华书局，2009，第 3138 页下、3065 页上；2930 页下、2971 页下、2955 页下；1437 上。

山东中医学院、河北医学院 校释：黄帝内经素问校释 [Yellow Emperor's canon of medicine plain conversation] // 北京：人民卫生出版社，1982，73、74 页。

许文献：《清华简伊尹五篇研究》，万卷楼图书股份有限公司，2021 年。

李学勤 主编：《清华大藏战国竹简（叁）》，中西书局，2012 年。

叶霖：《难经正义》，人民卫生出版社，1990 年。

欧阳询 撰：《艺文类聚》，上海古籍出版社，1965 年。

司马迁：《史记》，中华书局，2000 年。

山东中医学院、河北医学院 校释：《黄帝内经素问校释》，人民卫生出版社，1982 年。

许维遹：《吕氏春秋集释》，中华书局，2001 年。

孙诒让：《墨子闲诂》，中华书局，2001 年。

李学勤 主编：《清华大藏战国竹简（叁）》，中西书局，2012 年。

А.Э. Терехов
ИВР РАН, СПбПУ

О МЕСТЕ ШЭНЬ-НУНА В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АПОКРИФА «МИН ЛИ СЮЙ»

Аннотация. Ныне утраченный апокриф «Мин ли сюй» содержал большой массив информации о легендарной истории Китая. Одним из упоминавшихся в нём правителей был Шэнь-нун, образ которого уже к рубежу нашей эры слился с образом другого древнего государя — Янь-ди. Согласно магистральной традиции, зафиксированной, в частности, в трактате «Лу ши», его правление непосредственно предшествовало воцарению Хуан-ди. Тем не менее, проведённое исследование показывает, что авторы «Мин ли сюй» воспринимали Шэнь-нуну и Янь-ди в качестве двух не связанных между собой государей, первый из которых правил на заре истории, а второй, ставший основателем собственной династии, — в значительно более поздние времена. Это обстоятельство свидетельствует о значительном своеобразии отражённых в этом памятнике представлений о легендарной истории Китая.

Ключевые слова: мифология, Шэнь-нун, Янь-ди, «Мин ли сюй».

Anthony E. Terekhov
IOMRAS, SPbPU

On Shennong's Place In The System Of Ancient History Of The Apocryphal Text *Minglixu*

Abstract: The now lost apocryphal text *Minglixu* contained a large amount of information about the legendary history of China. One of the rulers it mentioned was Shennong, whose image already at the turn of our era merged with the image of another ancient sovereign, Yandi. According to the main tradition, recorded, in particular, in the treatise *Lushi*, his reign immediately preceded the accession of Huangdi. Nevertheless, the present paper shows that the authors of *Minglixu* perceived Shennong and Yandi as two unrelated sovereigns, the first of whom ruled at the dawn of history, and the second one, who became the founder of his own dynasty, in much later times. This testifies to the significant originality of the ideas about the legendary history of China reflected in this text.

Keywords: mythology, Shennong, Yandi, *Minglixu*.

«Мин ли сюй» 命歷序 («Последовательность периодов [правления, установленных Небесным] повелением») — апокрифический текст, созданный во II в. н. э. и утраченный ок. X в. н. э. — содержал большой массив информации о легендарной истории Китая. Ряд цитат из этого произ-

ведения был использован в трактате «Лу ши» 路史 («Грандиозная история») южносунского Ло Ми 羅泌 (1131—1189/1203).

Несколько таких фрагментов [羅泌 1986, 89, 91, 94] посвящено одному из самых известных мифологических правителей, Шэнь-нуну 神農 («Божественный земледelec»), образ которого уже к рубежу нашей эры, а возможно и ранее, был объединён с образом Янь-ди 炎帝 («Огненного владыки»). Ло Ми считал его основателем собственной династии, правившей на излёте девятой из «десяти эр» (*ши цзи* 十紀), на которые в восходящей к апокрифическим текстам системе подразделялась древняя история, якобы насчитывающая 2 760 000 лет.

О том, что род Янь-ди правил непосредственно перед Хуан-ди 黃帝 («Жёлтый владыка»), с которым связывается начало десятой эры, сообщает и один из фрагментов «Мин ли сюй». Тем не менее, есть основания сомневаться в том, что время правления Шэнь-нуна в этом апокрифе действительно связывалось с предпоследней эрой.

Хотя посвящённые Шэнь-нуну фрагменты «Мин ли сюй» не содержат указаний на время его правления, с ними дословно совпадает текст цитаты из другого утраченного текста — труда Мэн Шэня 孟詵 (621—713) «Цзинь дай цянь шу» 錦帶前書 («Ранняя книга парчового пояса») [高承 1989, 6]. В ней, однако, содержатся два важных момента, отсутствующих в «Мин ли сюй»: во-первых, намёк на то, что правление Шэнь-нуна относилось к третьей эре, Шэ-ти 攝提, а во-вторых — указание на то, что речь в цитате идёт о «раннем Шэнь-нуне». Таким образом, в системе Мэн Шэня было, очевидно, несколько правителей с таким именем.

Личность «позднего» Шэнь-нуна позволяет установить ещё один не дошедший до нас памятник — трактат «Гу ши као» 古史考 («Исследования древней истории»), составленный историком Цяо Чжоу 譙周 (199—270), считавшим, что «Шэнь-нун и Янь-ди — это разные люди», причём в период между ними правило «133 фамилии» [禮記正義 2000, 21]. Хотя текстуальных совпадений между «Гу ши као» и «Мин ли сюй» обнаружить не удалось, велика вероятность того, что Цяо Чжоу также находился под влиянием этого апокрифа.

Таким образом, есть веские основания предполагать, что авторы «Мин ли сюй» воспринимали Шэнь-нуна и Янь-ди в качестве двух не связанных между собой государей, первый из которых правил на заре истории, а второй, ставший основателем собственной династии, — в значительно более поздние времена. Это обстоятельство свидетельствует о значительном своеобразии отражённых в этом памятнике свидетельств о легендарной истории Китая. Кроме того, оно позволяет утверждать, что Ло Ми, скорее всего, не видел оригинального текста «Мин ли сюй», поскольку в противном случае он упомянул бы несоответствие содержания

этого текста собственным взглядам на последовательность древних правителей, как он часто делал в подобных случаях.

Библиографический список

高承: 事物紀原 [Гао Чэн. Начала-истоки явлений и вещей].北京: 中華書局, 1989.

禮記正義 [Выправленный смысл «Записей о ритуале»].北京: 北京大學出版社, 2000.

羅泌: 路史 [Ло Ми. Грандиозная история] // 文淵閣四庫全書.台北: 台灣商務印書館, 1986.第 383 冊, 第 1—654 頁.

Чжан Жусинь

независимый исследователь, КНР

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

Аннотация. На фоне активного взаимодействия и развития Китая и России представляется необходимым способствовать процессу распространения современной китайской литературы за рубежом, так как именно литература может послужить делу культурного диалога между Китаем и Россией. Дана попытка анализа текущей ситуации с распространением современной китайской литературы в России. Кроме того, хотелось бы выявить и разъяснить основные ограничения (так, например, китайские современные литературные произведения неизбежно теряют свой первоначальный культурный колорит при переводе), препятствующие распространению современной китайской литературы в России, и предложить соответствующие стратегии ее широкого распространения.

Ключевые слова: современная китайская литература, Россия, распространение, предложения.

Zhang Ruxin

Suggestions for the Dissemination of Chinese Contemporary Literature in Russia

Abstract. Against the background of the sound development of China and Russia, in order to better promote Chinese contemporary literature to go abroad and play the role of cultural dissemination and exchange, the paper analyzes the current status of the current Chinese contemporary literature dissemination in Russia in detail, and explains the restrictions on its dissemination. The main constraints and the corresponding communication strategies are proposed.

Keywords: Chinese contemporary literature; Russia; dissemination; suggestion.

中国当代文学在俄罗斯传播建议

摘要：在中俄良好发展的背景下，为了更好的促使中国当代文学走向国门，发挥文化传播和交流的作用，文中详细分析了当前中国当代文学在俄罗斯传播的现状，说明了限制其传播的主要制约因素，并提出了相应的传播策略。

关键词：中国当代文学；俄罗斯；传播；建议

中国当代文学向俄罗斯传播已经有相当一段时间，但是很多俄罗斯读者对其了解很少，甚至大部分读者并不了解中国当代文学，整体来看，

传播效果并不乐观。这需要中国当代文学传播者做出不断的尝试和努力，向俄罗斯乃至世界更好的推广中国当代文学以及其代表的中国文化。

1 中国当代文学向俄罗斯传播的现实情况从近年中俄文学交流的情况来看，中国当代文学在俄罗斯的传播力度和受众范围远远低于俄罗斯文学在我国的传播情况。2012年在莫言获得诺贝尔文学奖之后，中国当代文学的影响力逐渐提高，中俄之间这种不平衡的状态也有所改善。但是整体来看并不乐观，累计出版的翻译作品量和发行量都比较少。并且，俄罗斯的读者市场对中国当代文学优秀作家的认知不多，莫言的书籍占翻译作品的大多数。另外主要是一些中国古代典籍。一项数据调查结果显示，当前在俄传播的中国书籍中，有关汉语教学的数据占据了40%，其次为中国文化相关数据占据39%，而中国文学的相关书籍仅仅站到了4%。

中国当代文学在俄罗斯的传播呈现出四方面特点：其一，俄罗斯对中国当代文学的需求明显小于对欧美文学的需求。其二，中国当代文学在俄罗斯传播的比例远远小于中国古典文学。其三，中国当代文学在俄罗斯的传播呈现出单向输出的特点。其四，传播的渠道少，社会影响力很弱。

2

中国当代文学在俄罗斯传播受阻的原因其一，俄罗斯本土缺少优秀的中国文学作品翻译人才。很多优秀的文学翻译家近年来年纪逐渐增高，已经不再适应高强度的文学翻译工作。而年轻一代中，很少有人愿意从事文学作品翻译的工作，因为这项工作方式和环境都比较单一，与年轻一代热爱热闹、充满活力的特点不符。优秀翻译人员的缺失严重影响了中国优秀文学作品在俄罗斯的传播。

其二，中国当代文学作品在跨文化翻译下难免失去了原有的文化色彩，其艺术魅力、审美价值也有大打折扣。俄罗斯读者对中国的历史、文化、社会的理解都比较少，而我国历史背景丰厚，作品中涉及到的一些历史典故、隐含寓意、修辞色彩都很难被充分的理解。

其三，中国当代文学作品在俄罗斯的出版比较困难。这主要是因为图书出版行业的利润比较少，出版社在不能确定作品收益良好的情况下不愿意担当风险出版一些知名度比较小的文学作品。并且，中俄双方在图书出口、版权贸易、合作出版、书商合作当面均存在很大的制约，限制了中国当代文学作品在俄罗斯的传播。

3 中国当代文学在俄罗斯传播的建议首先，文化的传播一定要注重受众的特点，针对受众选择针对性的文学作品，使俄罗斯读者能够对中国当代文学产生兴趣，进而尝试了解中国当代文学，实现文化传播的目的。在挑选文学作品时，需要转变为受众的角度，保留读者对中国当代文学的好奇和新鲜感，激发俄罗斯读者了解中国民族、中华文化的热

情，尽量选择具有当代审美价值的作品，让读者既能够了解我国的人情风土，也能够感觉到新时期内我国社会的变迁和发展。

其次，注重中国当代文学作品的翻译技巧。文学作品的翻译难度相当大，对翻译者的语言能力、文学功底、艺术修养均具备很高的要求。受到文化差异等影响，中国文学作品在翻译成他国语言时，不可避免的存在着难以跨越的屏障。而就俄罗斯的翻译者来说，虽然在语言上具备优势，但是对于文学作品中中国元素的把握能力相对比较弱，而在文学作品中，一个词汇的差异就有可能大大影响作品本身的审美价值和艺术价值。对于中方翻译人员来说，一定要加强自身的文学修养，熟练的掌握各种表达的意思，准确把握中俄不同的文化元素。对于俄方交流人员来说，需要注重对语言的修饰和润色，使翻译作品符合俄罗斯读者的阅读习惯和价值观念。

再次，积极利用电子设备，拓宽中国当代文学作品传播的途径。近年来，网络数据兴起，对传统的纸媒造成了巨大的冲击。利用电子书的模式传播中国当代文学不失为一个好的方法，并且这也更加符合新生代俄罗斯读者的阅读和学习习惯。目前在俄罗斯的很多公交、地铁上，都能够见到电子阅读设备，为中国当代文学的传播打开了新的大门。

最后，中国当代文学在俄罗斯的传播，一定要充分利用互联网络这个平台，除了在文学传播上利用互联网，也可以尝试从网络上聘用专业的文学作品翻译人才，在更大范围内整合、利用人力资源。但是传播过程中需要严格把控作品的质量，确保向外传播我国优秀、先进的文化。

综上所述，中国当代文学在俄罗斯的传播当前处于相对弱势的地位，传播作品数量少且影响力比较小，护理网络的发展和中俄联系的增加为中国当代文学在俄传播提供了新的契机，传播者一定要把握新的机遇，注重作品质量，更好的传播中国优秀文学作品。

参考文献：

曹文刚. 从《狼图腾》版权输出看中国当代文学对外翻译传播 [J]. 中国出版, 2016, (19).

李清柳, 刘国芝. 文化转场对文学接受思维变化的影响——以美国华裔大学生阅读与接受中国当代文学为例 [J]. 湖北大学学报(哲学社会科学版), 2017, 44(4).

吴赞. 中国当代文学的翻译、传播与接受——白睿文访谈录 [J]. 南方文坛, 2014, (6).

姜智芹. 中国当代文学对外传播中的几组矛盾关系 [J]. 南京师范大学文学院学报, 2014, (4)

Чжан Юн

*Колледж литературы и журналистики
Сычуаньского университета*

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЗВАНИЙ ТРУДОВ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ

张勇

四川大学文学与新闻学院

中国古代佛教寺院著述称呼考

【文章摘要】中国古代有关佛教寺院的著作现存有 500 部左右，它们不但数量庞大，而且名称也不统一，可谓纷乱复杂，极易混淆和引起误判。大致而言，最常见的名称有 8 个；它们既存在於中国文献之中，也广泛地在东亚其他国家 and 地区使用。这些名称，各有其不足之处，应该统一地被称为“寺院志”。孔子说：“名不正，则言不顺；言不顺，则事不成。”规范称呼，乃进行进一步研究的基础，具有较为重要的意义。

【关键词】中国；佛教寺院；著作；名称

Zhang Yong

The College of Literature and Journalism, Sichuan University

A study on the titles of Ancient Chinese writings of Buddhist temples

Abstract. There are about 500 books on Buddhist temples in ancient China. These works are not only large in number, but also have different names which are chaotic and complex, and can be very easily confused and misjudged. Roughly speaking, there are 8 most common names which exist not only in the Chinese literature, but are also widely used in other countries and regions in East Asia. These names, each one with its own shortcomings, should be uniformly referred to as “temple Chronicles”. Confucius said, “if the name is not right, the words are not right; if the words are not right, the things will not be done.” To uniform those names, which are the basis of further research, is a task of great significance.

Keywords: China; Buddhist temple; workings; name.

在中国古代写本或刻本时代，一卷或一卷以上的成卷著作，一般被视为专著；它们不但可能单独传播，而且得以列入各种目录之中。这些古代中文文献中，有一类迄今为止少受世人关注的著作，即专门记载佛教道场情况的著作。这类著作现存有五百部左右，当代还在不断涌现；而

其名称亦多种，颇有迷惑性。本文依据佛教典籍和世俗文献，归纳出了其中最重要的8种称呼。

一、山志。志，通“识”，亦作“志”。本义为记或记住，引申为记载、记录。引申之，凡记事之著作或文章皆曰“志”。“志”与其他词相配，可成“山志”、“水志”、“寺志”、“庵志”和“图志”之类。古代与寺院史料有关的常用词之一，为“山志”。古代书名包括“山志”的寺院志颇多，诸如明代释传灯《天台山方外志》、释明贤《鹤林寺志》、宋奎光《径山志》，皆是也。

有人将“山志”与“寺志”并列，认为二者有着本质性差别，其实是不对的。尽管如此，现有工具书也只有《汉语大词典》收录了“山志”一辞，而且只有两个用例，而且第一个用例还是错的【罗竹凤 1989，772】。

二、寺志。“山志”尚且为《汉语大词典》收录，“寺志”则在所有工具书中均无踪影矣。其实，“寺志”亦为古籍常见词汇，更多的时候乃书名的有机组成部分，如《开元寺志》等。在亚洲其他汉文化圈中亦间或使用。

三、庵志。按理来说，既有“寺志”，就应该有“庙志”之类的称呼。可惜，并没有。不过，有“庵志”用例。明潘之恒《金井庵志序》之《金井庵志》，是也。《千顷堂书目》“永福庵志畧一卷”【黄虞稷 2001，228】，也是也。不过，与庵本身可属佛教、道教、其他宗教甚至非宗教人士一样，“庵志”也不一定就是佛教著作，如《【雍正】浙江通志》另载有“重阳庵志”就是道教文献。

四、梵刹志。梵刹，梵语 brahmakṣetra (ब्रह्मक्षेत्र) 音译之略，意为净土。亦称“梵宇”、“梵宫”和“梵苑”。不过，汉语中没有“梵苑志”、“梵宫志”或“梵宇志”，只有“梵刹志”，且多用为书名，如明葛寅亮《金陵梵刹志》、吴之鲸《武林梵刹志》。“梵刹志”，亦可再简称为“梵志”。

五、图志、图志、图记和图经。这几种称呼，表示书中有地图、画像等插图。另外，因“图志”类著述一般为官方性质，故其所载之佛教寺院属于为政府所承认的正式道场。著名的有《中天竺舍卫国祇洹寺图经》。佛教“图志”类著述在明朝以后亦极少见。现所知最后的佛教图志之一，乃民国年间出版的《新版峨山图志》【费尔朴 1936】。

六、记。比“庵志”、“寺志”更早更常见的，其实是“记”。早在北魏，就出现了杨衒之《洛阳伽蓝记》。“伽蓝”，梵语 saṃghārāma (सङ्घाराम) 音译之略称，意译为僧众居住之园林，后为僧侣居所的通称。之后，又有南朝《梁京寺记》等。

如前所述，“寺志”一辞迟至明朝才流行，更早出现的文辞乃“寺记”和“山记”之属。这种典籍名称的变迁，本身就从一个侧面反映出了专记佛教道场的文献的发展历史。

七、传。与“记”情况相似。如唐释慧祥《古清凉传》、北宋释延一《广清凉传》、北宋张商英《续清凉传》。需要分辨的是，并非所有以寺院名加“传”的典籍都是佛教道场文献，如《宝林传》就是禅宗史书。

八、集。汇聚单篇（幅）或多人之作品而成的书册，称“集”。如唐代赴华求法的日僧圆仁（Ennin）在长安求得的《台山集》。

上述指代中国古代寺院著作的 8 种名称，并不仅仅存在于中国古代典籍之中，在东亚其他国家或地区也被广泛地使用。

这八种名称，每个都有一定局限或不足，比如“山志”就不适合称呼处在平原和城市中的寺院著作。

我们认为，可以包纳所有关于佛教寺院著作的名称，就是“寺院志”。由于基督教等宗教信仰的场所也可称做“寺院”，所以，还应该加上“佛教”两个字，称为“佛教寺院志”。

（本文属于 2016 年度国家社科基金重点项目“中国佛教寺院志研究”【项目编号 16AZS002】的中期成果）

参考文献目录

罗竹凤主编，汉语大词典编纂委员会、汉语大词典编纂处编纂：汉语大词典【LUO Zhufeng. *Great Chinese Dictionary*】，第三卷，上海：汉语大词典出版社，1989 年 3 月第一版，第 772 页。】

（清）黄虞稷：《千顷堂书目》【HUANG Yuji. *Bibliography of Qianqingtang*】，瞿凤起、潘景郑整理，上海：上海古籍出版社，2001 年 7 月第一版。

[清]黄绶芙、谭钟岳原著，[美]费尔朴译，俞子丹重绘原图：《新版峨山图志》【Dryden Linsley Phelps, *A New Edition of the Omei Illustrated Guide Book*】，“华西大学哈佛燕京学社”丛书之一，成都：中国四川成都日新印刷工业社代印，民国二十五年（1936）第一版。

Шу Даган, Чжан Сяочэн
Сычуаньский университет

СОЗДАНИЕ НОВОЙ КОНФУЦИАНСКОЙ СИСТЕМЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ «НЕБО — ЧЕЛОВЕК» ВО ВРЕМЕНА ДИНАСТИИ СИНЬ (9—23 ГГ. Н.Э.)

Аннотация. Когда Ван Ман мирным путем сменил на престоле ханьского императора и основал новую династию, потребовалось обосновать легитимность его правления, несмотря на то, что мандат Неба все же в компетенции людей, но этот принцип требовалось соблюдать. Упорядоченность отношений между Небом и Человеком явилась одним из важных пунктов политической реформы, и взгляды конфуцианцев-интеллектуалов династии Синь также обращались к обновлению старых принципов конфуцианства: с одной стороны, гармоничное развитие конфуцианской теории, с другой — лишь потребности реальной политики. Их больше не устраивает объяснение традиционной конфуцианской максимы «ритуал есть порядок», в конечном итоге это служит намерению Ван Мана установить порядок между Небом и Землей. Глубинный смысл порядка включает в себя два измерения времени и пространства: теория объяснения времени — это календарь, теория планирования пространства — это география, и вместе они составляют важную часть реформы Ван Мана. И обновление системы отношений Небо-Человек находится в рамках священной преемственности, обоснованной Ван Маном.

Ключевые слова: династия Синь, Ван Ман, конфуцианство, порядок Небо-Человек.

舒大刚、张晓程

新朝儒生高层新天人秩序的构建

【摘要】：王莽以和平的方式代汉即位为皇帝，建立新朝，需要对政权进行合法性的构建，无论天命还是人事，都应符合这一原则。天人秩序是政治改革的重点之一，新朝儒学高层知识分子依据儒学观念所作的政论以及对旧儒学的革新也基本围绕这一核心命题：一方面是儒学理论的融合发展，另一方面则是现实政治的需求。他们已经不满足于传统汉儒“礼即秩序”的阐释方式，最终皆服务于王莽天地间秩序互相投射的意图。秩序的奥义包括时间和空间两个维度：解释时间的理论是历法；规划空间的理论是地理，这两项都是王莽改制的重要内容。这些

天人秩序的更革皆处在王莽神圣世系创设的总的框架之内。

【关键词】：新朝；王莽；儒生；天人秩序

Е.К. Шулунова
ИКСА РАН, ИЛ РГГУ

СОРОКАЛЕТИЕ КИТАЙСКОГО МАЛОГО ТЕАТРА

Аннотация. Рассмотрен феномен китайских малых театров. Развитие таких театров в стране началось несколько десятилетий назад. В последние 20 лет сцены малых театров демонстрируют оживленную, плодотворную творческую работу. Деятельность малого театра являлась в свое время синонимом авангардного искусства и экспериментальной драмы в Китае, часто вызывая критику и общественный резонанс. Малый театр стал главной творческой сценой для среднего и молодого поколения драматических режиссеров. Однако сегодня спектакли малого театра больше направлены на выживание в рыночной среде. Проблема, с которой сталкиваются режиссеры, сценаристы, актеры, заключается в том, как связать бизнес и искусство в единое целое. За 40-летний период истории китайский малый театр все также популярен у китайского зрителя, критиков, театроведов; постоянно стремится к самосовершенствованию и художественной новизне.

Ключевые слова: Китай, малый театр, 40-летие, мероприятия.

Evgenia K. Shulunova,
ICCA RAS, Russian State University for the Humanities

The Fortieth Anniversary of the Small Chinese Theater

Abstract. The article describes the phenomenon of the Chinese small theaters. The development of the latter in the country began several decades ago. In the last twenty years, the stages of small theaters have demonstrated lively, fruitful creative work. The activities of the small theater at one time became synonymous with the avant-garde art and the experimental drama in China, often causing criticism and public outcry. The small theater has become the main creative stage for the middle and younger generation of drama directors. However, today the performances of the small theater are more focused on survival in a market environment. The problem faced by directors, screenwriters, actors is how to link business and art into a single whole. Over the forty-year period of history, the Chinese small theater is still popular with the Chinese audience, critics, theater critics; constantly striving for self-improvement and artistic novelty.

Keywords: China, the small theater, fortieth anniversary, events.

Формирование китайских малых театров берет свое начало с прошлого столетия. С 80-х годов XX века по 2022 г. драматургия китайского малого театра познакомила зрителя с большим количеством разнообразных постановок. Репертуар малых театров в Пекине за эти четыре десятилетия

тилетия изменялся, развивался, словом, никогда не был статичным. В него входят как классические произведения, так и авангардные, экспериментальные. За последние 20 лет малый китайский театр эволюционировал быстрыми темпами. Театроведы, критики, драматурги, ученые к 40-летию китайского малого театра составили «Список лучших спектаклей малого китайского театра за четыре десятилетия» 中国当代小剧场戏剧年影响力榜单 [“纪念中国小剧场戏剧 40 周年系列活动启动| 影响力榜单重磅发布! <http://www.sohu.com>], в него включены драмы, оперы, детский спектакль, пантомима, экспериментальные постановки.

Прежде всего необходимо назвать «Абсолютный сигнал» 绝对 绝对 信号. 40 лет назад состоялась премьера первого в Китае спектакля малого театра — режиссером Линь Чжаохуа 林兆华 был показан «Абсолютный сигнал». Когда постановка дебютировала, в столице еще не было настоящего малого театра. Также среди постановок отмечены: «Выплеснуть воду перед лошастью» 马前泼水, «Уходи, пока не постарел» 在变老之前远去, «Родительское собрание» 家长会, «Влюбленный носорог» 恋爱的犀牛, «Че Гевара» 切·格瓦, «Три сестры» 三昧, «Сова в комнате» 屋里的猫头鹰, «Я не Ли Бо» 我不是李白, «Водяной» 水生, «Прекрасный день» 美好的一天, «Тайные браки» 隐婚男女, «Два муравья на дороге» 两只蚂蚁在路上 и другие. В списке также есть имена 40 сценаристов, 40 режиссеров, 40 актеров. Вот имена лишь некоторых выдающихся людей: а) сценаристы — Го Цихун 郭启宏, Цзоу Цзинчжи 邹静之, Го Шисин 过士行, Ван Фан 万方, Мо Янь 莫言, Фэн Ли 冯俐, Ли Баоцзюнь 李宝群, Линь Чжаохуа 林兆华 и др.; б) режиссеры — Ван Сяоин 王晓鹰, Тянь Циньсинь 田沁鑫, Жэнь Мин 任鸣, Мэн Цзинхуэй 孟京辉, Ли Бонань 李伯男, Хуан Ин 黄盈, Хуан Кай 黄凯, Чжао Мяо 赵淼, Шао Цзэхуй 邵泽辉 и др.; в) актеры — Си Мэйцзюань 奚美娟, Фэн Сяньчжэнь 冯宪珍, Дэн Чао 邓超, Лу Лян 吕凉 и др.

Важным пунктом списка стали имена 11 безвременно ушедших ярких творческих личностей, чей вклад в китайский театр не оценим: Хуан Цзолин 黄佐临, Ху Вэйминь 胡伟民, Ли Можань 李默然, Чэнь Юй 陈颢, Чэнь Цзяньцю 陈健秋, Линь Лянькунь 林连昆, Ху Циншу 胡庆树, Сяо Хуэйфан 肖惠芳, Ван Сянмин 王向明, Вэй Чжун 卫中, Бан Цзань 班赞 и др. События, приуроченные к этой дате, масштабные, планируется провести смотры, форумы, лекции, выставки, онлайн- и офлайн-встречи: «Молодежь, на старт», «Фестиваль искусств, переворачивающий Поднебесную», «Дорогу молодому поколению, новым пьесам, свежим голосам». [“中国当代小剧场戏剧 40 年影响力榜单”发布 <http://cul.china.com.cn>].

Зрительский состав китайского малого театра в настоящее время разный — среднее поколение, молодая аудитория и даже детская. Популярность китайского малого театра за период его 40-летней истории росла с каждым годом. Постановки режиссеров, которые в творчестве китайского

малого театра занимают большое место, отличаются стремлением к инновациям, авангарду и эксперименту. Это работы на современные темы, затрагивающие не просто реалии сегодняшнего дня, но отличающиеся индивидуальным подходом. Многие постановки китайского малого театра становятся театральными событиями.

Некоторые театроведы критикуют творчество китайского малого театра: постановки, репертуар за чрезмерное увлечение экспериментами, отход от метода реализма, недостаток идейного совершенства, отсутствие единой системы контроля, который бы способствовал более эффективному развитию китайского малого театра в условиях рыночной экономики.

В последние два года китайское сценическое искусство и малый театр не исключение: непростые времена, что, прежде всего, сказывается на его финансовой составляющей. Ведь, как правило, малые театры — это негосударственные, частные объединения. Вопрос возможности оказания помощи, методы экономического стимулирования творческих объединений малых театров остается открытым.

Китайский малый театр в театральной культуре Китая несомненно имеет важное значение — стремление к художественной новизне, постановки современных и классических пьес, потребность отражать интересы аудитории и воплощать режиссерское понимание произведений литературы и искусства. В малых театрах играют известные актеры и молодые талантливые исполнители, на постановки которых ходит зритель. Сейчас, как и четыре десятилетия назад, когда появился китайский малый театр, деятелей искусства и культуры, зрителей волнует его настоящее и будущее.

Библиографический список

Лю Пин. Яньчу шичан ды кайфан юй миньин сицзюй чуанцзо [Открытие рынка исполнительских искусств и творческая деятельность частных театров]. Синь шици сицзюй цишилу [Откровения о современном театре]. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 2009. С. 149—187. (На кит.).

“纪念中国小剧场戏剧 40 周年系列活动启动| 影响力榜单重磅发布! URL: <http://www.sohu.com> (дата обращения: 10.04.2022). (На кит.).

“中国当代小剧场戏剧 40 年影响力榜单”发布 URL: <http://cul.china.com.cn>, (дата обращения: 01.04.2022). (На кит.).

Сведения об авторах

АБРАМЕНКО Владимир Петрович — к.т.н., в. н. с., Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: ma-wlad@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6746-9028

ABRAMENKO Vladimir, Ph.D. in Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS (ICCA RAS).

АБРАМОВ Сергей Александрович — аспирант ФГБОУ ВО РАНХиГС (Среднерусский институт управления — филиал, г. Орел, Россия)

E-mail: sergey.abramov86@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6968-033X

ABRAMOV Sergey A. — Postgraduate student, RANEPА, Orel

АЛЕКСАНИЯ Армен Гургенович — к.филол.н., в.н.с. ЦИКК, Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: armengurgen@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7855-9651

ALEXANYAN Armen G. — Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS (ICCA RAS).

АФАНАСЬЕВА Елена Дмитриевна — студент Института лингвистики РГГУ

E-mail: aflena144@gmail.com

AFANASYEVA Elena D. — student, Institute of Linguistics, RSUH

БАРСКИЙ Кирилл Михайлович — посол по особым поручениям МИД России, профессор Кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России

E-mail: kirill_barsky@yahoo.com

BARSKY Kirill M. — Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ambassador at-Large; MGIMO University, Department of Diplomacy, Professor

БЕЛАЯ Ирина Витальевна — д.филол.н., в.н.с. Отдела Китая Института востоковедения РАН

ORCID: 0000-0002-3453-4196

E-mail: belaya-irina@rambler.ru

BELAYA Irina V. — D.Sc. in Philosophy, Leading Researcher, China Department, Institute of Oriental Studies, RAS

БЕРЕЗКИН Ростислав Владимирович — с.н.с., Фуданьский университет, Институт гуманитарных исследований (КНР)/ ИВ РАН

ORCID: 0000-0003-1924-8535

E-mail: berezkine56@yandex.ru

BEREZKIN Rostislav V. — Senior researcher, Fudan University (China)/Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

БЛАЖКИНА Анастасия Юрьевна — к.филос.н., с. н. с., Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000—0002—8313—5917

E-mail: myshashu@yandex.ru

BLAZHKINA Anastasia Y. — Ph.D. (Philosophy), Senior researcher, Institute of China and Contemporary Asia, RAS

БОРОДИНА Евгения Александровна — студент, Уральский федеральный университет

E-mail: Evgenia.Borodina@urfu.me

BORODINA Yevgeniya A. — student, Ural Federal University

ВАН Ицзюнь — д.филол.н., зам. зав. Центром по изучению современной России, м.н.с. Института международных отношений, Сычуаньский университет

E-mail: 770972623@qq.com

WANG Yiqun, Ph. D. of Literature, Deputy Director of the Russian Studies Center, Research Associate, School of International Studies, Sichuan University, Chengdu, China.

ВЕРЧЕНКО Алла Леонидовна — с.н.с., Центр новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0002-8718-8338

E-mail: veailan@yahoo.com

VERCHENKO Alla L. — Senior researcher, Center for contemporary history of China and its relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia RAS

ВИНОГРОДСКАЯ Вероника Брониславовна — к.филол.н., в.н.с., Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: banbanpo@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3878-1282

VINOGRODSKAYA Veronika — Ph.D. (Philology), Leading Research Associate, Institute of China and Contemporary Asia, RAS

ДАЙ Цяомин 戴巧明 — к.и.н., Институт истории и культуры Сычуаньского университета

E-mail: 304610288@qq.com

DAI Qiaoming — Doctoral candidate in Ancient China History, School of History & Culture, Sichuan University

ДОНЧЕНКО Анна Ильинична — н.с., Центр изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН

E-mail: andonchenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002- 9044-3707

DONCHENKO Anna I. — Research associate of the Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia RAS

ЖАНЬ Цзиньхун (КНР) — аспирант Философского факультета МГУ им. Ломоносова

E-mail: furongran@yandex.ru

RAN Jinhong — Postgraduate student of Moscow State University

ЗАВИДОВСКАЯ Екатерина Александровна — в.н.с. Институт Китая и современной Азии РАН/Брянский государственный университет

E-mail: katushaza@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-3878-1282

ZAVIDOVSKAYA Ekaterina A. — leading research fellow, Institute of China and Contemporary Asia RAS/Bryansk State University

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Исааковна — д. филол. н., г.н.с., Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

ORCID: 0000-0003-3355-4598

ZAVYALOVA Olga I. — D.Sc. in Philology, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS

ЗИГАНЬШИН Ринат Михайлович — н.с., Институт востоковедения РАН

E-mail: rinatzigan@mail.ru

ZIGANSHIN Rinat M. — Research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS

ИСАЕВ Александр Сергеевич — в.н.с., Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: aisaev51@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7187-1757

ISAEV Alexander S. — Leading research fellow, Institute of China and Contemporary Asia RAS

КВАРТАЛОВА Наталия Леонидовна — к. филос. н., в.н.с. Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: kvartalova@iccaras.ru

ORCID: 0000-0002-1439-9716

KVARTALOVA Nataliya L. — Ph.D. (Philosophy), Leading Research fellow, Institute of China and Contemporary Asia, RAS

КЛЕМЕНТЬЕВА Татьяна Владимировна — студент, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: tklementeva1297@mail.ru

KLEMENTEVA Tatiana V. — student, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg University

КОРОБОВА Анастасия Николаевна — к. филол. н., в.н.с., Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: korobova@iccaras.ru

ORCID: 0000-0003-1536-4344

KOROBOVA Anastasia N. — Ph.D. (Philology), Leading Research fellow, Institute of China and Contemporary Asia RAS

КРУГЛОВ Владислав Владиславович — преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО (У) МИД России; переводчик 1-й категории учебной кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: cpp.chindep@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7953-9049

KRUGLOV Vladislav V. — lecturer of the Department of Chinese, Vietnamese, Laotian and Thai Languages of MGIMO University, interpreter of the UNESCO Department “Oriental and African Studies: The Contemporary Methods of Study and Teaching”) of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University

КРУШИНСКИЙ Андрей Андреевич — д. филос. н., главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: krushinskiyAA@iccaras.ru

ORCID: 0000-0003-1126-3853

KRUSHINSKIY Andrei A. — D.Sc. in Philosophy, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS

КУЛИКОВА Анастасия Андреевна — аспирант ОП «Литература народов стран Азии и Африки» Восточного факультета СПбГУ

E-mail: st099008@student.spbu.ru

KULIKOVA Anastasiia A. — Postgraduate student, St. Petersburg University

КУТАФЬЕВА Наталья В. — Новосибирский госуниверситет, доцент

E-mail: natasha7362@mail.ru

KUTAFEVA Nataliia V. — Novosibirsk State University, assistant professor

ЛАДЫГИНА-ГЛАЗУНОВА Нина Игоревна — аспирант СПбГУ

E-mail: mailni@inbox.ru

LADYGINA-GLAZOUNOVA Nina I. — Postgraduate student, Saint-Petersburg State University

МЕРКУЛОВ Катенарий Катенарьевич — к.и.н., с.н.с. ЦИКК, Институт Китая и современной Азии РАН, д.э.н. (МАН Сан-Марино)

E-mail: katenariy@gmail.com

ORCID: 0000-0002—6244-1800

MERKULOV Katenariy K. — Ph.D. (Hist.), Senior researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS, D.Sc. (Econ.) (IAS San Marino)

МИХАЛЬКОВА Надежда Васильевна — Минский государственный лингвистический университет, доцент

E-mail: nadezhdakr@yandex.ru

MIKHALKOVA Nadezhda V. — Minsk State Linguistic University, assistant professor

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — с.н.с., Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

E-mail: ksenia.kgm@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7952-6299

MURATSHINA Ksenia G. — Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS

ПИКОВЕР Александр Владимирович — с.н.с., Институт Китая и современной Азии РАН

E-mail: pikover@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1266-0909

PIKOVER Alexander V. — Senior researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS

ПУШКАРСКАЯ Наталья Вячеславовна — н.с., Центр изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0001-5372-5281

E-mail: su-u@yandex.ru

PUSHKARSKAYA Natalya V., research fellow, Center for the study of Chinese culture, Institute of China and Contemporary Asia RAS

ПЭН Баньбэн 彭邦本 — Колледж истории и культуры Сычуаньского университета, профессор.

E-mail: 1323406972@qq.com

PENG Bangben — School of History and Culture, Sichuan University, professor

РЫСАКОВА Полина Игоревна — Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

E-mail: Vost5@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4774-7238

RYSAKOVA Polina I. — Saint-Petersburg State University, assistant professor

СЕРОВА Светлана Андреевна — д.и.н., г.н.с., Институт востоковедения РАН

E-mail: tuzinat@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-8238-2406

SEROVA Svetlana A. — D.Sc. in History, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS

СТАРОСТИНА Аглая Борисовна — к. филос. н., с.н.с., Институт востоковедения РАН

E-mail: abstarostina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2421-2484

STAROSTINA Aglaia B. — Ph.D. (Philosophy), Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS

СУ Юйхуэй 苏逾辉 — Институт истории и культуры Сычуаньского университета

E-mail: 176506038@qq.com

SU Yvhui — College of History and Culture, Sichuan University

ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович — Институт восточных рукописей РАН, научный сотрудник; Санкт-Петербургский политехнический университет, доцент
E-mail: aterekhoff@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4599-3424

TEREKHOV Anthony E. — Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, researcher; St. Petersburg Polytechnic University, assistant professor

ЧЖАН Жусинь 张如鑫 — независимый исследователь, КНР

E-mail: Z990424@163.com

ZHANG Ruxin — independent researcher (China)

ЧЖАН Сяочэн — Сычуаньский университет

E-mail: shudg6666@126.com

ZHANG Xiaocheng — Sichuan University

ЧЖАН Юн 张勇 — профессор, Колледж литературы и журналистики Сычуаньского университета

E-mail: zikai99@163.com

ZHANG Yong — professor, The College of Literature and Journalism, Sichuan University

ШУ Даган 舒大刚 — профессор, Сычуаньский университет

E-mail: shudg6666@126.com

SHU Dagang — professor, Sichuan University

ШУЛУНОВА Евгения Константиновна — к. филол. н., с.н.с. Институт Китая и современной Азии РАН, доцент кафедры ВЯ ИЛ РГГУ

E-mail: wardis@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3091-8149

SHULUNOVA Evgenia K. — Ph.D. (Philology), Institute of China and Contemporary Asia RAS, Russian State University for the Humanities

Научное издание

**Тезисы докладов
Международной научной конференции
«Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»**

Москва, 2—3 июня 2022 г.

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Корректор *Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Ивашиной*

Подписано в печать 12.12.2022.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 9,375. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).

ФГФУ ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.

АО «Т8 Издательские технологии»

109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5